

ISSN 1987 - 7293

E - ISSN 2720 - 832X

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj>

THE CAUCASUS AND THE WORLD

International Scientific Journal

Международный научный журнал

КАВКАЗ И МИР

2024, №29

**THE CAUCASIAN INTERNATIONAL RESEARCH CENTER FOR
GEOHISTORY AND GEOPOLITICS
КАВКАЗСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ
ГЕОИСТОРИИ И ГЕОПОЛИТИКИ**

ISSN 1987 - 7293

E - ISSN 2720 - 832X

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj>

კავკასია და მსოფლიო
საერთაშორისო სამეცნიერო ჟურნალი

**THE CAUCASUS AND THE WORLD
International Scientific Journal**

**Кавказ и Мир
Международный научный журнал**

№ 29

**Tbilisi – თბილისი - Тбилиси
2024**

UDC (უკ) 908 (479) + 908 (100)
K-126 C-35

მთავარი რედაქტორი - გურამ მარხულია

რედაქტორი - მარინა იზორია

რედკოლეგია

ომარ არდაშელია, ლია ახალაძე, ნოდარ ბერულავა, მერი გაბედავა, მანანა გაგომიძე, ნარგიზა გამისონია, ედიშერ გვენეტაძე, ვახტანგ გურული, ნოდარ დარსანია, ხათუნა დიასამიძე, დავით ზაქარაია, თამილა ზვიადაძე, მაკა კაჭარავა, კახა კვაშილავა, კახი კოპალიანი, კობა კორსანტია, ნესტან ლომია, მალხაზ მაცაბერიძე, მარიამ მირესაშვილი, კობა ოკუჯავა, ლევან ოსიძე, თეიმურაზ პაპასქირი, ზურაბ პაპასქირი, ოთარ ჟორდანი, კახაბერ ფიფია, ელგუჯა ქავთარაძე, კახა ქეცბაია, როინ ყავრელიშვილი, დავით შავიანიძე, ვაჟა შუბითიძე, ავთანდილ ხაზალია, ბეჟან ხორავა, ნიკო ჯავახიშვილი, დაზმირ ჯოჯუა.

საერთაშორისო სარედაქციო კოლეგია

ასლან ასლანოვი (აზერბაიჯანი), მიხაილო ბაგმეტი (უკრაინა), საბაჰათინ ბალჯი (თურქეთი), პაულა ანდრეა რამირეს ბარბოსა (კოლუმბია), ჯაბი ბახრამოვი (აზერბაიჯანი), მუსა გასიმლი (აზერბაიჯანი), თომას გოლტცი (აშშ), სალექ გუნეი (თურქეთი), არაზ გურბანოვი (აზერბაიჯანი), მასაიოში კამოჰარა (იაპონია), ლეონიდ კლიმენკო (უკრაინა), ვესნა კრინვიჩი (სლოვენია), ანდრეი კუდრიჩენკო (უკრაინა), ოლეგ კუპჩიკი (უკრაინა), აბდალ რახმან აბუ-ლაბან (საუდის არაბეთი), ზაინულ მაარიფი (ინდონეზია), ელმარ მაგერამოვი (აზერბაიჯანი), ქიამალ მაკალი-ალიევი (აზერბაიჯანი), სათარ მაჟიტოვი (ყაზახეთი), იაკუბ მახმუდოვი (აზერბაიჯანი), აითიან მუსტაფაევა (აზერბაიჯანი), მუჰამად ასიფ ნურ (პაკისტანი), სინან ოღანი (თურქეთი), ჰასან სელიმ ოზერტემი (თურქეთი), ტატიანა პოლოსკოვა (რუსეთი), სვეტლანა სიდუნი (პოლონეთი), სიჩან სივი (აშშ), ოიბეკ სიროჟოვი (უზბეკეთი), აჰმედ სულიმანი (სუდანი), ანდრიმანჯატო ნი ტოკი (მადაგასკარი), დავიდ რამირო ტროიტრინო (კოლუმბია), შოხისტახონ ულჟაევა (უზბეკეთი), აბდულაჰ ალი-ალ-ფარაჯ (ირანი), ლი ფენგლინი (ჩინეთი), ქამერ ქაზიმი (თურქეთი), ვლადიმირ შატუნი (უკრაინა), რუსლან შევჩენკო (მოლდოვა), აუმიკი შიგამი (იაპონია), აბრაჰამ შმულევიჩი (ისრაელი), სარფრაზ ხანი (პაკისტანი), აბდულ აზიზ აბდულ ჰაფიზ ელ ხოული (ეგვიპტე), კრისტინ იოჰან ჰენრიხი (გერმანია).

სტატიების შინაარსზე პასუხისმგებელია ავტორი

გეოისტორიის და გეოპოლიტიკის კვლევის კავკასიის საერთაშორისო ცენტრის პერიოდიული ჟურნალი „კავკასია და მსოფლიო“ წარმოადგენს რეფერირებად, საერთაშორისო სამეცნიერო გამოცემას. ჟურნალი გამოდის ყოველთვიურად. ჟურნალი დარეგისტრირებულია LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE, მისამართი: საქართველო, თბილისი 0179, კოსტავას ქ. 47, ტელ., (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76- 18

web: www.lazika.com.ge

E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com ტელ. (+995) 592 01 31 95

EDITOR –IN- CHIEF - Guram Markhulia

EDITOR – Marina Izoria

EDITOR BOARD

Lia Akhaladze, Omar Ardashelia, Nodar Berulava, David Chitaia, Nodar Darsania, Khatuna Diasamidze, Dazmir Djodjua, Manana Gagoshidze, Meri Gabedava, Nargiza Gamisonia, Vakhtang Guruli, Edisher Gvenetadze, Nikolai Javakhishvili, Roin Kavrelishvili, Elguja Kavtaradze, Maka Katcharava, Kakha Ketsbaia, Koba Korsantia, Kakhi Kopaliani, Avtandil Khazalia, Bezhan Khorava, Kakha Kvashilava, Malkhaz Matsaberidze, Mariam Miresashvili, Nestan Lomaia, Koba Okujava, Levan Osidze, Teimuraz Papaskiri, Zurab Papaskiri, Kakhaber Pipia, David Shavianidze, Vazha Shubitidze, Otar Zhordania, Tamila Zviadadze. David Zakaraia.

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Namiq Aliyev (Azerbaijan), Aslan Aslanov (Azerbaijan), Mykhaylo Bagmet (Ukraine), Jabi Bakhramov (Azerbaijan), Sabahattin Balcı (Turkey), Paula Andrea Ramirez Barbosa (Columbia), Vesna Crinivec (Sloven), Abdullah Ali-Al-Faraj (Iran), Li Fenglin (China), Tomas Goltz (USA), Salih Güney (Turkey), Araz Gurbanov (Azerbaijan), Christian Johannes Henrich (Germany), Masayoshi Kamohara (Japan), Kamer Kasim (Turkey), Sarfraz Khan (Pakistan), Abdul Aziz Abdul Hafis El Khouli (Egypt), Ayumi Kishigami (Japan), Leonid Klimenko (Ukraine), Andrei Kudriachenko (Ukraine), Oleg Kupchik (Ukraine), Abdal Rahman Abu-Laban (Saudi Arabia), Zainul Maarif (Indonesia), Kamal Makili-Aliyev (Azerbaijan), Elmar Magerammov (Azerbaijan), Yaqub Mahmudov (Azerbaijan), Satar Mazhitov (Kazakhstan), Aitian Mustafaeva (Azerbaijan), Muhammad Asif Noor (Pakistan), Sinan Oğan (Turkey), Hasan Selim Özertem (Turkey), Tatiana Poloskova (Russia), Musa Qasimli (Azerbaijan), Svetlana Sidun (Poland), Oybek Sirjov (Uzbekistan), Sichan Siv (USA), Ahmed Suliman (Sudan), Vladimir Shatun (Ukraine), Ruslan Shevchenko (Moldova), Abraham Shmulevich (Israel), Andrimanjato Ny Toky (Madagascar), David Ramiro Troitrino (Columbia), Shokhistakhon Ulzhaeva (Uzbekistan).

The authors' opinion does not necessary coincide with position of editors.

Journal "The Caucasus and the World" is the periodical, monthly published, summarized scientific edition of The Caucasian International Research Center for Geohistory and Geopolitics. The journal is registered at LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE, address: Kostava St N 47, Tbilisi 0179, Georgia. Phone: (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76- 18,

web: www.lazika.com.ge

E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com, Tel. (+995) 592 01 31 95

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР - Гурам Мархулия
РЕДАКТОР – Марина Изория

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Омар Ардашелия, Лиа Ахаладзе, Нодар Берулава, Манана Гагошидзе, Нодар Дарсания, Хатуна Диасамидзе, Николай Джавахишвили, Дазмир Джоджуа, Мери Габедава, Наргиза Гамисония, Эдишер Гвенетадзе, Вахтанг Гурули, Отар Жордания, Давид Закараия, Тамила Звиададзе, Ройн Каврелишвили, Эльгуджа Кавтарадзе, Мака Качарава, Каха Квашилава, Каха Кецбаия, Кахи Копалиани, Коба Корсантия, Малхаз Мацаберидзе, Мариам Миресашвили, Нестан Ломаия, Коба Окуджава, Леван Осидзе, Зураб Папаскири, Теймураз Папаскири, Кахабер Пипия, Автандил Хазалия, Бежан Хорава, Давид Читаиа, Давид Шавианидзе, Важа Шубитидзе.

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Намик Алиев,(Азербайджан) Аслан Асланов (Азербайджан), Михаило Багмет (Украина), Сабахаттин Балджы (Турция), Паула Андреа Рамирес Барбоса (Колумбия), Джаби Бахрамов (Азербайджан), Муса Гасымлы (Азербайджан), Христиан Йохан Генрих (Германия), Томас Гольтц (США), Араз Гурбанов (Азербайджан), Салих Гюней (Турция), Хасан Селим Ёзертем (Турция), Масаоши Камохара (Япония), Камер Касим (Турция), Ауми Кишигами (Япония), Леонид Клименко (Украина), Весна Кринвич (Словения), Абдал Рахман Абу-Лабан (Саудовская Аравия), Андрей Кудряченко (Украина), Олег Купчик (Украина), Зайнул Маариф (Индонезия), Саттар Мажитов (Казахстан), Кямал Макили-Алиев (Азербайджан), Эльмар Магераммов (Азербайджан), Якуб Махмудов (Азербайджан), Айтян Мустафаева (Азербайджан), Мухаммад Асиф Нур (Пакистан), Синан Оган (Турция), Татьяна Полоскова (Россия), Ойбек Сирожов (Узбекистан), Сичан Сив (США), Ахмед Сулиман (Судан), Светлана Сыдун (Польша), Андриманджато Ни Токи (Мадагаскар), Давид Рамиро Тройтрино (Колумбия), Шохистахон Ульжаева (Узбекистан), Абдуллах Али-Аль-Фарадж (Иран), Ли Фенглин (Китай), Сарфраз Хан (Пакистан), Абдул Азиз Абдул Хафиз Эль Хоули (Египет), Владимир Шатун (Украина), Руслан Шевченко (Молдова), Авраам Шмулевич (Израиль).

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

Журнал „Кавказ и Мир” периодическое, реферированное международное научное издание Кавказского международного центра исследования геоистории и геополитики, публикуется ежемесячно. Журнал зарегистрирован в LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE, адрес: Грузия, Тбилиси 0179, ул. Костава 47, тел., (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76-18.

web: www.lazika.com.ge

E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com, Тел. (+995) 592 01 31 95

CONTENS

PHILOSOPHY

Kakha Ketsbaia	9
The Problem of Space and Time in Philosophy	
Nestan Lomaia	14
Philosophical Thinking and Gender Issues	
Manana Gagoshidze	23
The concept of happiness in ancient philosophy	

HISTORY

Bezhan Khorava	31
Some Words about the work of the Kingdom of Abkhazia	
Shohistahon Uljaeva	42
The History of Women's Wrestling in Central Asia During Ancient and Medieval Times	
Nargiza Gamisonia	46
The Papacy and the Struggle for Church Authority in the 12th–13th Centuries	
Guram Markhulia, Bezhan Khorava	60
A valuable book about georgian-baltic relations	
Nodar Berulava	68
On the Coverage of Some Controversial Issues of Abkhazian Archaeology in Modern Russian Historiography	
Lia Akhaladze	83
Cultural and Educational Policy of the Democratic Republic of Georgia in Abkhazia	
Ia Jichonaia, Bezhan Khorava	93
Conquest of the Western Caucasus and Abkhazia by Russia	
Avraham Shmulevich	107
History of the Russian-Circassian War	
Shohistahon Uljaeva, Akbar Daminov	117
Some information on the source science of the agricultural history of the timurid empire	

POLITICAL SCIENCE

Elguja Kavtaradze	124
Armenia and Azerbaijan in a geopolitical battle. Zangezur corridor	

Ruslan Shevchenko 130
Results of the presidential elections and the “pro-European” referendum in Moldova: what’s next?

Tinatin Kemashvili 137
On the history of the formation of the system in international relations

INTERNATIONAL RELATIONS

Omar Ardasheliya 142
Russia’s War in Ukraine and Security Issues of the European Union

Marina Izoria 150
Geopolitics of the Middle East and ASEAN in Contemporary Political Dynamics

Dazmir Jojua 158
Syria after Bashar al-Assad. Geopolitical situation in the Middle East

Guram Markhulia 171
Geopolitics – A Threat to International Relations

SOCIOLOGY

Amiran Berdzenishvili 177
On the History of the Emergence of the Theory of Information Society

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Каха Кецабаия	9
Проблема пространства и времени в философии	
Нестан Ломаия	14
Философское мышление и вопросы гендера	
Манана Гагошидзе	23
Понятие счастья в античной философии	

ИСТОРИЯ

Бежан Хорава	31
Несколько слов по поводу книги об Абхазском царстве	
Шохистахон Улжаева	42
История женского рестлинга в Центральной Азии	
Наргиза Гамисония	46
Папство и борьба за церковную власть в XII–XIII вв	
Гурам Мархулия, Бежан Хорава.....	60
Ценная книга о грузино-балтийских Взаимоотношениях	
Нодар Берулава	68
Об освещении некоторых спорных вопросов археологии Абхазии в современной российской историографии	
Лия Ахаладзе	83
Культурно-образовательная политика Демократической Республики Грузия в Абхазии	
Иа Джичонаия, Бежан Хорава	93
Завоевание Россией Западного Кавказа и Абхазия	
Авраам Шмулевич	107
История Русско-Черкесской войны	
Шохистахон Ульжаева, Акбар Даминов	117
Некоторые сведения относительно сельскохозяйственной истории в империи темуридов	

ПОЛИТОЛОГИЯ

Эльгуджа Кавтарадзе	124
Армения и Азербайджан в геополитической битве. Зангезурский коридор	

Руслан Шевченко 130
Итоги президентских выборов и «роевропейского» референдума в Молдове: то дальше?

Тинатин Кемашвили 137
К вопросу истории формирования системы в международных отношениях

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Омар Ардашелия 142
Война России в Украине и вопросы безопасности Европейского Союза

Марина Изория 150
Геополитика стран Ближнего Востока и АСЕАН в современной политической динамике

Дазмир Джоджуа 158
Сирия после Башара Асада. Геополитическое положение на Ближнем Востоке

Гурам Мархулия 171
Геополитика – Угроза международным отношениям

СОЦИОЛОГИЯ

Амиран Бердзенишвили 177
К вопросу истории возникновения теории информационного общества

PHILOSOPHY - ФИЛОСОФИЯ

КАХА КЕЦБАИЯ

Доктор философских наук, профессор Тбилисского Государственного Университета
им. Ив. Джавахишвили (Грузия)

ПРОБЛЕМА ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.01>

Введение. Взаимосвязь времени и пространства — одна из главных тем философии, изучающих природу реальности, человеческого восприятия и существования. Эта связь задействует различные философские направления и школы мысли, и её обсуждение охватывает множество аспектов.

В античной философии, особенно у Платона и Аристотеля, пространство и время рассматривались как фундаменты физической реальности. Платон в своих диалогах подчеркивал, что физический мир является лишь отражением идеального мира идей, где время и пространство существуют в контексте вечных форм. Аристотель же предложил более «земной» подход, рассматривая время как измерение изменений, связанных с движением, и пространство как контекст, в котором происходит это движение.

С приходом нового времени мыслители, такие как Декарт и Ньютон, начали рассматривать время и пространство как абсолютные категории. Ньютон описывал пространство как «вместилище», в котором происходят все события, а время как нечто универсальное и однородное. Это создало основу для классической механики и сыграло решающую роль в понимании физической реальности.

С развитием немецкого идеализма, особенно в работах Канта, произошла значительная переоценка времени и пространства. Кант утверждал, что пространство и время — это не свойства самих вещей, а формы нашего восприятия. Мы не можем познать вещи «как они есть», а понимаем их только в контексте

пространственно-временных категорий. Таким образом, пространство и время становятся неотъемлемыми аспектами человеческого восприятия, а не объективными характеристиками внешнего мира.

Ключевые слова. *Пространство и время, философия, наука, философские методы, научные методы, поиск истины, понятие времени.*

В философии времени обсуждаются вопросы, связанные с субъективным опытом времени, памятью и восприятием будущего и прошлого. Пространство, в свою очередь, рассматривается как «измерение» сущностного существования, включая такие вопросы, как идентичность и место нахождения.

Взаимосвязь времени и пространства является сложной и многогранной темой, охватывающей множество философских направлений и подходов. Эта тема остается актуальной как для философов, так и для ученых, поскольку она затрагивает важнейшие аспекты нашего существования и понимания реальности. Исследование этой связи продолжается, и, вероятно, мы увидим новые интерпретации и теории, которые помогут нам лучше понять нашу природу и место в мире.

Любое движение предполагает так или иначе понимаемое изменение положения в пространстве, осуществляющееся в так или иначе понимаемом времени. Понятия пространства и времени принадлежат к числу одних из самых сложных характеристик

материи. Любой материальный объект занимает какое-то место, находится на каком-то расстоянии от других объектов, обладает какой-то конфигурацией и размерами в трех измерениях.

То, что пространственные и временные характеристики материальных явлений независимы от нашего сознания, было в течение тысячелетий в глазах всех мыслителей, убежденных в существовании материального мира, чем-то само собой разумеющимся.

Основоположник классической немецкой философии И. Кант тоже не сомневался в объективном существовании вещей материального мира. Но он оказался первым философом, поставившим под сомнение распространенную уверенность в объективном существовании пространственных и временных характеристик материальных вещей.

Важнейшие положения той геометрии, которую и теперь изучают в школе, были разработаны древними греками и подытожены в «Началах» Евклида (III в. до н. э.). Евклидова геометрия была единственной известной человечеству геометрией вплоть до первой четверти 19 века. В этой связи и во времена Канта господствовал взгляд, что аксиомы евклидовой геометрии (например, «кратчайшее расстояние между двумя точками – прямая», «через точку вне прямой можно в той же плоскости провести только одну прямую, параллельную данной») не допускает исключений или исправлений, что они суть всеобщей и необходимой истины, установленные раз и навсегда. Утверждалось, что существует одно-единственное время, которое не зависит от вещей, ибо независимо от того, существуют вещи или нет, движутся ли они или находятся в покое, оно всегда течет равномерно, не подвергаясь никаким изменениям.

Существующее определение пространства такого: оно есть форма бытия материи, характеризующая такими свойствами, как протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие. Понятие времени также возникает как из сравнения различных состояний одного и того же объекта, который в результате длительности

своего существования неизбежно меняет свои свойства, так и из факта сменяющейся последовательности разных объектов в одном и том же месте. Время, таким образом, тоже есть форма бытия материи, характеризующая такими свойствами изменения и развития систем, как длительность, последовательность смены состояний.

Философская категория, обозначающая протяженность материальных объектов, их расположение относительно друг друга и величину, называется пространством.

Философская категория, выражающая длительность существования материальных объектов, определенную последовательность событий реальной действительности, называется временем.

Проблемы пространства и времени волновали человека с древнейших времен. В первобытном обществе время определялось в соотношении с природными явлениями, с цикличностью биологических процессов, а пространство понималось ограниченным, соизмеримым с населяющими его племенами.

Эпоха великих географических открытий позволила развернуть пространство в бесконечность и рассматривать время не только как биологически заданную цикличность, но и как фактор, обладающий свойством преэминентности. Нахождение способа теоретического описания механического движения привело к созданию классической механики, в которой пространство и время выступали в виде самостоятельно существующего фона для совершающихся событий. В дальнейшем на основе достижений электромагнитной теории, теории гравитационных полей и создания специальной и общей теории относительности была обоснована идея Эйнштейна о неразрывной связи пространства-времени с гравитационным полем.

В истории философской мысли сложились две тенденции в истолковании пространства и времени. Одни мыслители понимали пространство и время как самостоятельные, объективные, не зависящие от вещественного начала бытия, другие - как неотъемлемые внутренние аспекты материи, как всеобщие формы существования всех предметов,

явлений, процессов.

Свойства пространства определяются природой физических взаимодействий. Одним из важнейших свойств пространства является протяженность. Это возможность прибавления к каждому данному объекту некоторого другого объекта. Соотношения «слева», «справа», «ниже», «выше» есть пространственные соотношения. К основным свойствам пространства относится однородность. Согласно Ньютону, в пространстве нет никаких особых, выделенных точек, что материя примерно равномерно распределена по пространству и одна область ничем не отличается в смысле своих физических свойств от другой области пространства. Эйнштейн полностью принял такой взгляд, но дополнил его, добавив к однородности изотропию пространства. Изотропность - это одинаковость свойств пространства, но общим свойством пространства является также трехмерность. Математически трехмерность находит выражение в единстве трех направлений системы координат. Специфические свойства пространства - это конкретная форма, размеры, местоположение тел и расстояние между ними.

Важнейшей характеристикой времени выступает длительность, которая выражается в факте возникновения каждого последующего момента за предыдущим и определяется соотношениями типа «раньше», «позже» и т.п. В отличие от пространства, время одномерно, т.е. для его математического задания достаточно одной переменной. Кроме того, время необратимо, или одно направлено. Течение времени идет в направлении только от прошлого через настоящее к будущему, но не наоборот.

Идея абсолютности пространства и времени соответствовала определенной физической картине мира: системе взглядов на материю как на совокупность атомов, обладающих неизменным объемом и инертностью (массой) и действующих друг на друга мгновенно либо на расстоянии, либо при соприкосновении. Изменение физической картины мира изменило и воззрения на пространство и время. Открытие

электромагнитного поля и опровержение теории мгновенного дальнего действия вскрыли несостоятельность классической картины мира, а значит, и несостоятельность концепции времени и пространства.

Огромный вклад в разработку научных представлений о связи пространства и времени с движущейся материей внес Н. И. Лобачевский, который пришел к очень важному не только для геометрии, но и для философии выводу: свойства пространства не являются всегда и везде одинаковыми и неизменными, они изменяются в зависимости от наиболее общих свойств материи. Теория относительности Эйнштейна вскрыла непосредственную связь пространства и времени с движущейся материей и друг с другом. Фундаментальный вывод, следующий из этой теории, гласит: пространство и время не существуют без материи, их метрические свойства создаются распределением и взаимодействием материальных масс, то есть гравитацией. Оказалось, что наличие метрических свойств пространства и времени есть функция от гравитационных сил, действующих между различными движущимися массами. Если бы не было масс, не было бы гравитации, а если бы не было гравитации, не было бы времени и пространства. Следовательно, пространство и время вне материи не существуют. А так как материя находится в непрерывном движении, то пространство и время меняют свои свойства в зависимости от этого движения. Одним из выражений связи пространства и времени с движением является тот факт, что одновременность событий является не абсолютной, а относительной.

Если отвлечься от многообразных толкований пространства и времени на протяжении всей культурной эволюции человечества, а обратиться только к истории естествознания, то можно будет выделить такие противоположные концепции – субстанциальную и реляционную.

Субстанциальная концепция пространства-времени, ее философские и естественно-научные предпосылки.

Согласно первой из них субстанция объективная реальность, материя в единстве всех форм ее движения, нечто относительно

устойчивое, то что существует само по себе, не зависит ни от чего другого], сложившейся в русле классической механики Ньютона, существуют независимые от материи абсолютные пространство и время, в которых осуществляются уже собственно материальные события и процессы. Абсолютные пространство и время – это чистая протяженность и чистая длительность, в которые помещены материальные объекты, они неизменны и постоянны. Можно убрать из пространства все тела, и все же пространство останется, а свойства его сохранятся. То же и со временем: оно течет одинаково во всей Вселенной, и это течение ни от чего не зависит; время – это чистая длительность, непрерывный мировой поток, постоянная космическая шкала для измерения всех конкретных движений.

Вторая концепция, зародившись в недрах диалектической традиции, была отчетливо сформулирована в диалектическом материализме, а затем окончательно подтверждена теорией относительности Эйнштейна (отсюда ее название от лат. относительный) и всем дальнейшим ходом развития науки. Философский смысл реляционной концепции состоит в том, что пространство и время мыслятся здесь не как особые отдельные от материи сущности, а как формы существования материи. Из такого понимания следует, что пространство и время, во-первых, суть объективные свойства материи и, во-вторых, как таковые всеобщие. Наряду с общими свойствами пространства и времени каждому из них присущи и качественно специфические свойства. Для пространства таковыми будут: трехмерность, симметрия и асимметрия, формы и размеры, местоположение, расстояние между телами, распределение вещества и поля. Специфические же свойства времени иные, а именно одномерность, асимметричность, необратимость, то есть направленность всегда от прошлого к будущему, ритм процессов, скорость изменения состояния.

Пример «дурной» бесконечности: берем копьё и бросаем его вдаль; идем в то место, куда оно упало, и снова бросаем по прямой; и сколько бы мы ни повторяли эту процедуру,

мы нигде и никогда не наткнемся на границу, за которую нельзя было бы еще и еще бросить копьё. Значит, пространство бесконечно. Такую бесконечность Гегель назвал «дурной». Гегель, отмечал, что было бы неверным понимать бесконечность в смысле ничем не ограниченной возможности повторения одного и того же: это лишь количественное, а потому ограниченное понимание бесконечности, примером чего может служить натуральный ряд чисел, заключающий в себе возможность неограниченного прибавления все новых и новых единиц.

В противоположность «дурной» истинная бесконечность – это процесс постоянного выхода за пределы конечного, но выхода не только количественного, а и качественного, даже сущностного: одна мера определенности системы переходит в качественно иную – как в великое, так и в малое. Истинная бесконечность есть процесс и в том смысле, что Вселенная не существует в раз и навсегда законченном виде, а есть непрерывно творящая себя реальность.

Конечное – это постоянно появляющийся и исчезающий момент бесконечного процесса изменения сущего. Изменение же вообще связано с выходом системы за свои пространственные, временные, количественные и качественные границы. Нескончаемая «паутина» связей вещей, явлений мира есть непрерывный выход за пределы отдельного конечного. Истинная бесконечность – процесс постоянного качественного новообразования, включающий в себя бесконечность пространства и времени, диалектически раскрывающийся процесс обретения границ и их утраты, достижения равновесия и одновременно стремления к нарушению его.

Бесконечность времени существования мира выражается понятием вечности. Вечность присуща лишь миру в целом, каждая конкретная система которого преходяща. Признание вечности материального мира – кардинальный принцип диалектико-материалистического мировоззрения. В религиозно-идеалистической философии понятие вечности связывается с идеей бога или абсолютного духа. Бог мыслится как

бесконечное и абсолютно совершенное существо, пребывающее не во времени, а в вечности.

В количественном отношении вечность выражается в актуальной бесконечности

последовательно сменяющих друг друга интервалах бытия систем и событий. В качественном же отношении вечность означает бесконечную последовательность изменений материальных форм сущего.

Литература:

- [1]. Хасанов И. А. Феномен времени. Ч. I. Объективное время. – М., 1998.
- [2]. Александров А.Д. Пространство и время в современной физике в свете философских идей Ленина // Физическая наука и философия. М., 1973.
- [3]. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М., 1991.
- [4]. Анисов А.М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М., 1991.
- [5]. Аристотель. Сочинения: в 4 т., Т.3. М., 1981.
- [6]. Аронов Р.А. Взаимоотношение пространства и времени и пространства-времени. // Философские науки. 1972. № 4.
- [7]. Артыков Т.А., Молчанов Ю.Б. О всеобщем и универсальном характере времени. // Вопросы философии. 1988, №7.
- [8]. Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1966.
- [9]. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: Истоки, эволюция, перспективы, М., 1982.
- [11]. Виноградский В.Г. Социальная организация пространства М., 1988.
- [12]. Гайденок П.П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // Философские проблемы исторической науки. М. 1969.

КАКНА KETSBAIA

Doctor of Philosophy, Professor at the Iv. Javakhishvili Tbilisi State University (Georgia)

THE PROBLEM OF SPACE AND TIME IN PHILOSOPHY

Summary

The relationship between time and space is one of the main topics in philosophy, which studies the nature of reality, human perception and existence. This relationship involves various philosophical trends and schools of thought, and its discussion covers many aspects.

In ancient philosophy, especially in Plato and Aristotle, space and time were considered the foundations of physical reality. Plato emphasized in his dialogues that the physical world is only a reflection of the ideal world of ideas, where time and space exist in the context of eternal forms. Aristotle, on the other hand, proposed a more “earthly” approach, viewing time as a measurement of changes associated with movement, and space as the context in which this movement occurs.

With the advent of modern times, thinkers such as Descartes and Newton began to view time and space as absolute categories. Newton described space as a «receptacle» in which all events take place, and time as something universal and homogeneous. This created the basis for classical mechanics and played a decisive role in understanding physical reality. With the development of German idealism, especially in the works of Kant, there was a significant reevaluation of time and space. Kant argued that space and time are not properties of things themselves, but forms of our perception. We cannot know things «as they are», but understand them only in the context of spatio-temporal categories. Thus, space and time become integral aspects of human perception, and not objective characteristics of the external world.

NESTAN LOMAIA

Doctor of Philosophy, Professor of Sukhumi State University (Georgia)

PHILOSOPHICAL THINKING AND GENDER ISSUES

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.02>

Introduction. The task of philosophy in the 21st century is to overcome antitheticality both in the answers to the «eternal» philosophical questions and in their formulation. The traditional relationship between the general and the individual, the individual and society, the possibility and reality, the project and its implementation, the new and the old, intuition and rationality, expression and aggressive means, male and female becomes in the newest philosophy, first of all, a gender theme, in relation to which a new style of philosophical thinking is formed.

Gender studies influenced such philosophical schools as phenomenology, the logic of the development of its main ideas. Husserl, Merleau-Ponty, St. George, Heidegger focused the idea of phenomenological research on bodily experience, meaning, significance, the language of expression or expressiveness itself. Various concepts of gender studies try to give an analytical study of subjectivity. Some of them are close to feminist issues, others are guided by the trends of the latest philosophy.

Keywords: *Gender, philosophy of gender, genderology, feminism, philosophical thinking.*

Today, gender equality is included in the list of global problems of humanity, rising higher and higher in the world rankings every year. The problem of gender equality has existed for decades. The inequality of the sexes that still persists has shown that the problems of equality cannot be completely solved. Recognition of sex as not only a biological but also a social factor (gender), which acts, among other things, as the most important criterion for social interaction, allowed the scientific theory to form the concept

of «gender equality». In its most general form, it means the equality of the female and male gender in life-supporting types of social activity, given that society functions and develops in this direction. In our time, this topic is very relevant, since the problems of gender equality, as well as various aspects of improving the lives of women and men, are quite widely reflected in world public thought. They are considered by representatives of philosophy, sociology, psychology, political science, economics and other social sciences. Gender is a social sex. The dictionary of gender terms defines the word «gender» as «a set of social and cultural norms that society prescribes for people to follow depending on their biological sex.» Gender is a social aspect of relations between men and women, which manifests itself in all areas of public life, including politics, economics, law, ideology, and culture. Gender is a set of characteristics determined by the culture of society that identify the social behavior of men and women and the relationships between them. Sex is the biological differences between males and females. Genetic, endocrine and cerebral components of sex determine not the psychological differences between men and women, but the level of mental and motor activity of the body. They are associated with motor mobility, the ability to use muscle mass in a particular activity, excitability, reaction speed, etc. The combination of various characteristics of each level forms a variety of constitutional features of each person. Gender, therefore, is a natural, material phenomenon, it is the most important feature of human corporeality, thanks to which a person belongs to the world, and not only the material, but also the social. Social role, i.e. gender, can be changed. In modern social sciences, there is a growing tendency to study the theoretical foundations of the

relationship between man as a generic being, society and nature, the historical evolution of gender foundations, aspects of gender analysis of internal and external factors that affect the life of the sexes and their statuses. The philosophy of genderology is useful for solving the problems of genderology and its research, genderology as a science that seeks to improve the status of the sexes. The philosophy of genderology can be defined as rational critical thinking about the path of man as a subject of gender in the Universe, the nature of gender in the Universe, and the comprehension of truth.

Gender equality is a free, conscious choice by men and women of their social roles regardless of biological sex. The prerequisites for the active study of gender and the formation of a new direction of knowledge are considered to be the mass feminist movement that arose in the mid-19th century, the «sexual revolution» of the 1960s, women's struggle for their rights in the 1980s and 1990s and the emergence of «women's» and gender studies in this regard. Since the mid-1960s, gender studies have been actively developing in the humanities - interdisciplinary research related to the study of gender relations, differences and similarities between different sexes, gender history, and gender representation in culture. Gender issues have many aspects of problematization. There are many value- and culturally oriented problems of fathers, families, mothers, children, parents in the field of cognition and life in general. They are interconnected and an interdisciplinary approach is useful for their solution. Interdisciplinary research in social sciences is traditional in the development of problems of the theory of culture, the study of a free personality. Already the founder of social anthropology B. Malinovsky called the scientific study of culture a doctrine that assumes knowledge of the sciences about man in general. The philosophy of genderology points to the free development of the individual as preserving the independence of choice of one's own individuality and one's own spiritual activity. In this process, the gender culture of a person becomes a condition for the formation of spirituality in interpersonal communication: industrial, family, international, national, professional, etc. And already by the end of the

twentieth century, a new branch of humanitarian knowledge was formed in science - genderology, which is an interdisciplinary field of research about a person as a representative of the male or female sex. Genderology is the study of the sexes, the science that studies the collective existence of the sexes, including the evolution of their social statuses. The main problem of genderology is what exactly is understood by the norms of male and female behavior and what is the nature of the relationship between the sexes, what determines this behavior and these relationships. Each person is a product of a complex interaction of heredity and environment. Throughout life, and especially during adolescence, there is a process of gender-role socialization, mastering certain behavior patterns. The philosophy of genderology in the format of methodology is addressed to the most general issues of gender development of society. This is a common fact of cognitive activity: mediation by social activity. Already I. Kant pointed out the dependence of conceptual activity on practice. Gender activity is the basis and goal of gender cognition. Solving gender problems of society from the standpoint of the philosophy of genderology can become a guideline in solving issues of social development in the era of rapidly changing social changes.

The possibilities and limits of gender cognition, the process of comprehending the truth are studied in the theory of knowledge of the philosophy of genderology. The process of gender cognition is a special form of spiritual and subject-practical activity. Gender cognition characterizes the process of mastering, preserving, developing and refining gender knowledge. The study of gender reality is the goal of gender cognition. The history of gender knowledge traces its sociocultural connection with the economic division of labor, gender forms of ownership, education, health care, politics and other forms of activity.

In the second half of the twentieth century, the ongoing processes forced us to intensify the search for new approaches to improving the structure of human society. The role of conscious regulation of social processes has increased, thanks not only to an increase in the level of organization of society, but also

to the development of such sciences as social philosophy, sociology, social psychology, etc. In such a situation, the question of a woman's place in modern society, the prospects for her wide involvement in the main strategies of social development could not be left aside. Many leading futurologists of our time talk about the possibility and necessity of increasing the role of women in all spheres of public life for the self-preservation of humanity. It is necessary not in words, but in deeds to single out a woman and family as an independent object of social influence in order, firstly, to help her integrate into the system of social relations and, secondly, to protect those who have not managed to realize themselves and are on the verge of physical and moral survival. As a result, a new science was identified - feminology. «Feminology examines the totality of socio-economic, political, legal, socio-cultural conditions that have developed in society for the implementation of women's common and specific interests with men, ensuring their life in all spheres of public life.» Feminology as a science is based on identifying patterns of social development of women based on the principles of humanism and egalitarianism, i.e. equality of opportunities, rights of women and men. In the narrow sense of the word, «feminology» is an independent socio-humanitarian science about the position and social roles of women in society, all aspects of their life. The difference between genderology and feminology is that the scientific interest of the former is aimed at studying the problems of the male and female sexes equally. The level of development of gender culture is inseparable from the social existence of civilizations. Economy, material production, standard of living largely determine the gender cultural life of society and the individual in the past and present. Therefore, issues of gender culture are a significant part of research in genderology and its philosophy. Gender culture is a social construction of sex, which distinguishes human behavior and life from natural biological forms of behavior and the life of the animal world. In this aspect, gender culture is part of the process of cultural transformations in people's lives. In the mature moral, ideological and emotional-volitional

development of a representative of the sex as an individual, the process of acquiring gender norms and values is internally necessary and has significant significance. Feminology proceeds from the fact that culture is characterized by: gender asymmetry, masculine dominance and gender inequality. Masculinity is a complex of behavioral characteristics, opportunities and expectations that determine the social practice of a particular group united by gender. In other words, masculinity is what is added to anatomy to obtain a male gender role. Thus, feminology, formed on the wave of the women's movement, focuses on women's issues. Gender equality is equal access of women and men to various resources and the equivalence of «women's» and «men's» professions, roles in society, equal attitude of society to the contribution of both to economic and demographic development.

The issues of gender culture, the life of the sexes have a long history in the history of civilization and science. A notable page in it is the issue of diffusion of gender culture. This issue has many facets. Diffusion of cultures is a subject of scientific interest of scientists of the past and present. With the formation of social anthropology in the late 19th - early 20th century, scientific research into family and marital aspects of the culture of peoples and the sexual life of various societies accelerated. Positivistic teachings on civilization mastered precise methods, achieved certainty in the results of studying diffusion, contacts, transfer, borrowing of family cultures of the peoples of the world. The conclusion about two gender cultures was generalized by F. Boas. Ancient types of family-kinship groups gravitate toward two, «fundamentally different forms observed in different areas of the periphery» - the maternal and paternal family and the kinship system in the history of civilization of the peoples of the world. In Russia, gender diffusion is considered in the aspect of the linguistic-communicative factor of gender relations. Models and unique examples of the spread of gender cultures are determined by the creativity in the life of the sexes. It is in gender cultures that monolithic social processes, parental, family, marital unions, which give stability to society in the past and in the present, are revealed.

The gender equality strategy is beneficial to both sexes: by changing the life of one sex for the better, it also changes the life of the other sex, making it more harmonious, healthy, and high-quality. Gender equality refers to both gender and sex. In terms of sex, women and men have functions and roles in society that are intended for them. Mother and father are equally necessary biological roles; without them, conception and birth of a child is impossible. In terms of gender, parents are not only a biological but also a social role. Parents have equal rights and bear equal responsibility for their child. Parenthood is not limited to motherhood. Fatherhood is not limited to earning money. There are no “women’s” and “men’s” responsibilities for child care and upbringing. Each couple distributes these responsibilities freely, responsibly, and in accordance with a particular situation. Today, women can do almost any job no worse than men, and men can do any job no worse than women. The labor market values not so much physical parameters or gender as knowledge, skills, and competencies of a person. Opportunities provided by gender equality: - increase in life expectancy and quality of life of men and women; - improvement in health and emotional state of women; - increase in significant female potential, which is in demand by society; - improvement in physical, psychological and spiritual state of children; - the number of talents and abilities manifested in the learning process will increase many times over, more people confident in their abilities with a desire for self-realization will graduate from schools and other educational institutions; - girls and boys will better understand each other and cooperate as equal partners from childhood, relationships with peers will become more humane and safe; - girls will become more independent and confident in their abilities, and boys - more sensitive and competent in relationships with others; - more mature and conscious choice of profession and life strategies for both boys and girls; - improvement in the economic stability of the state; - harmonious relationships in the family. From which we can conclude that gender equality contributes to stable socio-economic development of society. Inequality will slow down the economic

development of countries due to a number of reasons. First, gender inequality reduces the quality and potential of human capital. Human capital – resources of labor and knowledge – is the main factor and driving force of economic development. Gender stereotypes, vertical and horizontal segregation in the labor market, especially in the most promising sectors of the economy, reduce women’s opportunities to reveal their talents. Second, the gender gap in education reduces the human capital of the next generation. Third, gender inequality leads to the phenomenon of double burden for women as a result of the gender imbalance in the distribution of unpaid household labor. Unpaid labor includes housekeeping and caring for children and other loved ones. Women are usually the main “donors” of care, and the recipients, accordingly, are men and children. The problem is not only the imbalance itself, but also the invisibility of household labor and its contribution to the economy as a result of its absence in the system of national accounts. Fourthly, the low proportion of women in public and corporate management is not only a consequence, but also a factor of gender inequality, i.e. it contributes to the consolidation of gender stereotypes and the implementation of gender-neutral policies. The term «gender equality» does not mean that men and women become or should become similar, identical. Researchers do not call for men and women to become similar to each other. The point is that our ideas about «masculine» and «feminine», for example, about «a real man» and «a real woman», are nothing more than our ideas, and not immutable truths. It is important to remember that gender equality is the conditions under which men and women have not only equal rights, but also equal opportunities to realize their rights and potential to the fullest extent. Equality has long been considered mainly a women’s issue.

In fact, this is also a men’s problem. Perhaps the point is that most men see themselves not as a representative of a certain biological sex, but as a representative of the human race as a whole. Gender or male chauvinism is incompatible with democracy and a civilized society and state. In fact, the problem of equality is a basic question, a question of what kind of society we are building.

Women feel blatant discrimination on the basis of gender, despite the fact that the structures of our society, built with a gender approach, are freed from systemic barriers to full female economic and social participation. However, in real life, stereotypes about women's abilities and their role functions in life prevent women from advancing in both non-traditional and traditional spheres of employment. It is difficult for women not only to get a job, but even to be heard. Until the role of men is reconsidered, no significant changes are possible. And for this it is necessary to change both the social ideal and everyday consciousness, which is a very difficult task, which can be accomplished only by the joint efforts of the women's and men's liberation movements. First of all, it should be realized that masculinity cannot be identified with such distorted ideas as rudeness, insensitivity and cruelty. Gender cognition is mediated by gender cultural diffusion. Gender cultural diffusion - the production of gender artifacts through the cultural institutions of one's own social organizations in contact with a representative of the opposite sex or gender social community - is characterized by the interpenetration and interaction of gender artifacts of the subjects, participants in the contact. A noticeable part of the spread of gender cultures in the process of gender cultural diffusion is the spread of part of the gender material and spiritual values of one gender society in another or other gender societies with their own sets of gender material and spiritual values. Thus, gender cultures are integral components of the cognition and life of society and man. The process of gender cognition is represented by intellectual, emotional-sensory, physical (biological), motivational aspects and is necessarily mediated by gender cultures in the family, society, and enterprise. In the process of intellectual development of the world, the formation of the gender culture of the individual is mediated by the self-conscious mind. The process of gender cognition is represented by the intellectual development of the individual, and requires a developed worldview of the representatives of the sexes. Gender knowledge is formed in the midst of social, family life and at work. The practical source of gender knowledge is family, parental life, motherhood, fatherhood,

childhood. In these societies, gender concepts, gender judgments, and gender conclusions are formed.

Aggressiveness becomes a quality that characterizes the male sex, and thus it claims to be a social ideal for men, while the other half takes it as a criterion for assessing the male personality. Such a vision is fraught with the threat of destroying the individual and society and is as dangerous in its error as defining the concept of «femininity» by such stereotypical qualities as submissiveness, passivity, obedience and irrationality. In modern science, it is generally accepted that the decisive role in the formation of gender differences is played not by biological sex, but by those social and cultural meanings that society attributes to the fact of anatomical differences. This approach allows us to look at the problem of gender equality in a new way. Since gender differences are socially and culturally constructed, then, on the one hand, this allows us to put forward the task of eliminating gender discrimination where the basis for discrimination is biological sex (for example, in the labor market, where the reproductive role of women is often the basis for professional discrimination). On the other hand, the existence of real gender differences between women and men in life is the basis for limiting people's rights on the basis of gender. The best way to eliminate gender inequality is to actively declare it. Inequality can be in the form of hiring or training only representatives of one gender to perform a certain role, wage differences, discrimination, bullying and harassment. Gender minorities can experience obvious discomfort at work. People must eliminate such discomfort and create a safe working environment for everyone. Let's consider some simple steps to create gender diversity and equal rights in the workplace: - ensuring that each employee is aware of the equal rights of different genders, these can be various kinds of seminars where each employee can understand what gender is and why the company adheres to a gender equality policy, in addition, this will help bring the whole team closer together; - providing childcare, maternity benefits and childcare support to both women and men; - recognizing the contribution of women at entry levels and drawing

attention to women in leadership positions; – implementation of fair and equal remuneration and recognition for every employee regardless of gender, race, sexual orientation, ethnicity, etc. Basically, all the largest companies are non-state, so the recommendations apply specifically to this type of companies. According to the law, much of this has already been implemented in state-owned enterprises, but private ones, trying to save money, forget even about the most basic things: such as childcare and career advancement. Much also depends on the management itself, so it is necessary to start destroying the gender imbalance from the very top. According to the Global Gender Gap Report for 2021, the gender gap in the workplace will not narrow over the next 135 years. These are forecasts, but we can change these forecasts if we start taking significant steps to overcome the gap. The literature suggests the main directions for eliminating gender inequality that the organization's management can implement: Tell employees about unconscious gender biases. This will help identify discrimination and avoid such behavior towards minorities. In addition, people should express their opinions on gender equality and promote it with enthusiasm.

Appoint a diverse recruiting team. The recruiting team needs to have a diverse and inclusive mindset and focus on attracting more women to entry-level and leadership positions. Research shows that having an expanded shortlist of candidates for open positions helps with gender diversity because it allows managers to think outside the stereotypes associated with the job role. Also, keep an eye on your recruiter's level of diversity when reviewing applications and resumes. Make sure there is no discrimination from the start. Ensure that your company has an equal pay policy. Start conducting company-wide audits early to review the salaries paid to men and women in the same positions. This will bring you one step closer to equality in the workplace and increase inclusivity in the workplace. Provide flexible working, allow employees to work remotely. Providing employees with the flexibility of choice is a great way to promote equality in the workplace. This "flexibility" works as a strategy to retain female employees as it allows them

to maintain a work-life balance. Create equal opportunities for training and development. There are many benefits for a company when it prioritizes the advancement of women, including higher revenue growth, increased innovation in the workplace, and increased customer satisfaction. Additionally, when women have more opportunities to learn and advance in their careers, they tend to be more confident in taking on leadership positions. Focus on employee well-being and mental health. Many employees suffer from stress, anxiety, and depression due to work pressure or discrimination. You need to address these issues and help your employees combat them to stay physically and mentally healthy. Maintain mentor-mentee relationships. Allow your employees to participate in mentoring programs. Such programs benefit both the mentor and the mentee. Allow minorities and women to take on mentor positions to improve their leadership skills. Additionally, when women mentor men, it breaks down stereotypes, gender bias, and misogyny in the workplace. These inverted gender roles are a prerequisite for diversity, equality, and inclusion, which will help your company eliminate gender inequality in the workplace. Gender stereotypes in the workplace are inevitable, but you can try to reduce them.

Gender is a construct, and it is not only about men and women. All sorts of differences make us unique, but we must learn to respect each person as he or she is. Thus, in this work, the theoretical aspects of studying the concept of gender, sciences that deal with the presentation of information and the elimination of gender problems, as well as the concept of gender equality and the problems that humanity faces at the present stage of social development were considered. In the course of the study, the differences between the concepts of «sex» and «gender» were considered and it was revealed that sex and gender are not the same thing. Sex is the biological differences between female and male individuals, while gender is the social differences between women and men. Sex cannot be changed. Gender roles can be changed. Two sciences were also considered - genderology and feminology. Genderology is based on the problems of both sexes, while feminology

deals exclusively with the problems of women. Feminology is the basis not only of various feminist trends and groups, but it is also the basis of genderology. Feminological problems are classified by the UN as global, and therefore a huge number of studies are being developed on women's issues in order to revise existing models that influence the state of knowledge about the social status of women and preserve the system of values that promote inequality. The issue of gender equality is also analyzed - equal legal status of women and men and equal opportunities for its implementation, allowing individuals regardless of gender to freely use their abilities to participate in the political, economic, labor, social, public and cultural spheres of life. Gender equality is a problem not only for women, but also for men. Gender inequality hinders the development of societies and countries, worsening their global position, and it is not without reason that this problem is considered global and is deeply considered by UN members. To mitigate the problem, it is necessary to change both the social ideal and everyday consciousness, which is a difficult task that can only be accomplished through the joint efforts of the women's and men's liberation movements. Recommendations were given for eliminating gender inequality in the workplace, which will help improve the performance of the team in the IT sphere. Since the IT sector is currently the fastest growing, improving the position of women in IT will help set an example for other industries. And although inequality still exists, it is gradually decreasing, opening up more and more opportunities for women to develop and grow. Thus, we can state the fact that the problem of gender equality has deep roots and still exists at the current stages of society development. Due to gender equality problems, many countries cannot improve their potential and fully develop. Attempts to eliminate the problems have been made by various scientists, but even having issued special rules to regulate the situation, gender inequality will not go away. People need to learn to accept the equality of social individuals, respecting the rights of both women, men, and other gender varieties. At the moment, we are witnessing the formation of a new social consciousness in the field of gender

relations. Gender equality makes our personal life more harmonious and happier, and our society - more fair, humane and effective.

Gender concepts are thoughts about essential aspects of gender existence. They are expressed in the form of a phrase – close relatives – or a separate word – great-grandmother, etc. Gender judgments are thoughts in which something is affirmed or denied. They are expressed in the form of sentences. Gender inferences are a type of gender rational cognition, represented by two or more gender judgments and the inferential knowledge derived from them. The theoretical level of gender knowledge combines systemic, verified gender knowledge. This type of knowledge is most useful in solving the most common and pressing problems of gender societies. The process of gender cognition is inherent in the emotional and sensory development of the individual. Gender relations and gender actions are mediated by specific feelings: gender sensations, gender perceptions and gender ideas as types of sensory cognition of the sexes. Gender sensations are a type of psychological acts that arise in a gender society due to the senses: maternal tenderness, parental affection, etc. Gender perceptions are represented by an image that is formed in the psyche of a gender subject in direct contact with a phenomenon of the surrounding world. For example, a nursery in the parents' home appears in the child's psyche as mental images and is a gender perception. Gender perceptions fixed in memory and extracted from it in the process of gender cognition are gender ideas. Gender ideas about a gender phenomenon can arise outside of direct contact with this phenomenon. The image of the parental home in any place of residence of the subject appears in his memory as a gender idea. The conclusions of the philosophy of genderology confirm the ideas of a natural connection between gender cognition, gender culture and the development of society. There are no gender cultures without society, just as there is no harmony in society without gender cultures: people must acquire gender knowledge that allows them to engage in gender actions and gender relations. Gender cultures are realized historically, relying on the powerful potential of material and spiritual values developed by

representatives of the sexes in the past and present. The combination of many cultures in the culture of the sexes is a noticeable feature of the gender culture of motherhood, fatherhood, family, childhood, parenthood. The expression of the free development of a cultural personality is the conscious formation of needs for gender spiritual values - moral, ideological, aesthetic and others. The global process of development of gender values is really present in the development

of the culture of different peoples of the world and the social life of the peoples of the world. The unity of the general cultural development of mankind is possible in the process of developing universal gender values, caring for motherhood, family, childhood, fatherhood and parenthood. The world - a single family - one of the most ancient and remarkable ideas of thinkers of the past and present, does not lose its appeal in the history of civilization.

References:

- [1]. Bryson, V. The Political Theory of Feminism: Introduction / Valerie Bryson; Translated from English by O. Lipovskaya and T. Lipovskaya; Under the general editorship of T. Gurko. -M.: Idea-Press, 2001.
- [2]. Bendas, T. V. Gender Psychology: a textbook. - St. Petersburg: Piter, 2008.
- [3]. Ilyin, E. P. Differential Psychophysiology of Men and Women. - St. Petersburg: Piter, 2007.
- [4]. Sitnikova, V. V. Genderology and Gender Studies in Social Work: a textbook for students majoring in Social Work / compiled by V. V. Sitnikova. - Blagoveshchensk: Amur State University, 2018.
- [5]. Kozlov, V.V., Shukhova, N.A. Gender Psychology / V.V. Kozlov, N.A. Shukhanova. - Moscow, 2016.
- [6]. Sidorskaya, I.V., Radu A. Gender and the Media: a Textbook for Journalists / I.V. Sidorskaya, A. Radu. - Minsk BSU, 2015
- [7]. Kant, I. Critique of Pure Reason / I. Kant. - Moscow: Mysl, 1994.
- [8]. Gulbin, G.K. Philosophy of Genderology and Methodology / G.K. Gulbin // Moscow: Modern Problems of Science and Education. - 2017. - No. 6-1
- [9]. Savina, T.B. Feminology / T.B. Savina. Uch. pos. - Makhachkala, 2021-95 p. 7. Knyazkova, V. S. Gender component of the digital divide in the modern information society / V. S. Knyazkova // Digital transformation of economic systems: problems and prospects (ECOPROM-2022): collection of works of the VI All-Russian scientific and practical conference with foreign participation, St. Petersburg, November 11-12, 2022. - St. Petersburg: POLYTECH-PRESS, 2022.
- [10]. Rebrey, S. M. Gender equality: interrelations with other sustainable development goals and official development assistance. S. M. Rebrey. - MGIMO MFA of Russia - Materials of the textbook «International Development Assistance» edited by L. M. Kapitsa No. 4, 2021
- [11]. Shvedova, N. A. Simply about the complex: gender education / N. A. Shveda - State Statistics Service of the Komi Republic, Syktyvkar, 2018
- [12]. Antonova, N.V. The Problem of Personal Identity in the Interpretation of Modern Psychoanalysis, Interactionism and Cognitive Psychology / N.V. Antonova // Questions of Psychology. - 2016. - No. 1.
- [13]. West, K., Zimmerman, D. Creating Gender. Gender Notebooks / K. West, D. Zimmerman. Issue One. - St. Petersburg: Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2017.

НЕСТАН ЛОМАИЯ

Доктор философских наук, профессор Сухумского государственного университета
(Грузия)

ФИЛОСОФСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА

Резюме

Задачей философии XXI века является преодоление антитетичности как в ответах на «вечные» философские вопросы, так и в самой их постановке. Традиционное соотношение общего и единичного, индивида и общества, возможности и действительности, проекта и его реализации, нового и старого, интуиции и рациональности, экспрессии и агрессивных средств, мужского и женского становится в новейшей философии, прежде всего, гендерной темой, по отношению к которой формируется новый стиль философского мышления.

Гендерные исследования повлияли на такие философские школы, как феноменология, логика развития ее основных идей. Гуссерль, Мерло-Понти, Сртр, Хайдеггер сосредоточили идею феноменологического исследования на телесном опыте, смысле, значении, языке выражения или самой выразительности. Разнообразные концепции гендерных исследований пытаются дать аналитическое исследование субъективности. Некоторые из них приближаются к феминистской проблематике, другие ориентируются на тенденции новейшей философии.

На сегодняшний день гендерное равенство входит в список глобальных проблем человечества, с каждым годом поднимаясь все выше и выше по мировому рейтингу. Проблема гендерного равенства существует не последние десятилетия. Сохраняющееся до сих пор неравенство полов показало, что проблемы равенства невозможно решить до конца. Признание пола в качестве не только биологического, но и социального фактора (гендера), выступающего, в том числе важнейшим критерием общественного взаимодействия, позволило научной теории сформировать понятие «гендерное равенство». В самом общем виде оно означает равенство женского и мужского гендера в жизнеобеспечивающих видах социальной деятельности при том, что общество функционирует и развивается в этом направлении. В наше время данная тема очень актуальна, так как проблемы гендерного равенства, так же, как и различные аспекты улучшения жизнедеятельности женщин и мужчин, нашли достаточно широкое отражение в мировой общественной мысли. Они рассматриваются представителями философии, социологии, психологии, политологии, экономики и других общественных наук. Гендер – социальный пол. Словарь гендерных терминов определяет слово «гендер» как «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола». Гендер — это социальный аспект отношений между мужчинами и женщинами, который проявляется во всех областях общественной жизни, включая политику, экономику, право, идеологию, культуру.

Выводы философии гендерологии подтверждают идеи закономерной связи гендерного познания, гендерной культуры и развития общества. Не существует гендерных культур без общества, как нет гармонии общества без гендерных культур: люди необходимо усваивают гендерные знания, позволяющие им вступать в гендерные действия и гендерные отношения. Гендерные культуры реализуются исторически, опираясь на могучий потенциал материальных и духовных ценностей, выработанных представителями полов в прошлом и современности. Сочетание многих культур в культуре полов является заметной особенностью гендерной культуры материнства, отцовства, семьи, детства, родительства. Выражением свободного развития культурной личности служит осознанное формирование потребностей в гендерных духовных ценностях – нравственных, мировоззренческих, эстетических и других. Мировой процесс развития гендерных ценностей реально присутствует в развитии культуры разных народов мира и общественной жизни народов мира. Возможно единство общекультурного развития человечества в процессе развития общечеловеческих гендерных ценностей, заботы о материнстве, семье, детстве, отцовстве и родительстве. Мир – единая семья – одна из самых древних и замечательных идей мыслителей прошлого и современности, не теряет своей привлекательности в истории цивилизации..

MANANA GAGOSHIDZE

Doctor of Philosophy, Professor of Sukhumi State University (Georgia)

THE CONCEPT OF HAPPINESS IN ANCIENT PHILOSOPHY

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.03>

Introduction. Happiness is a rather broad and complex concept in philosophy. The problem of the phenomenon of happiness attracted thinkers even in ancient times. Nowadays, the problem of happiness is very relevant. Modern people tend to delve deeper and deeper into their own «I» and look for answers to eternal questions, one of which is the problem of finding happiness.

This article attempts to answer the question of what a good life is and what a person should strive for first and foremost. The possible reasons for a person's conscious or unconscious reproduction of the trajectory of his life path are analyzed, the movement along which can lead him to a happy life.

Each of us at least once in our lives thought about happiness. The idea of \u200b\u200bit and the ways to achieve it are different for everyone. For one, happiness is the achievement of the desired well-being, for another, it is the closeness and joy of meetings, the awareness of being needed and in demand, for a third, it is the fullness and meaningfulness of one's own life. Happiness is a certain ideal, realized in something specific. It is a good, the necessity of which is recognized by everyone. That is why a person consciously or unconsciously reproduces a peculiar trajectory of the path of life, the movement along which can lead him to his happy life. Depending on how he understands the purpose and meaning of his own life, his understanding of happiness occurs. The question of happiness is, first of all, a question about what a good life consists of and what a person should strive for first of all. As a philosophical category, happiness is presented in the works of philosophers of different periods of history. We are interested only in the ancient period.

Keywords: *human relationships, ethics, spirituality, feelings, happiness, loneliness.*

Ancient treatises are built in the form of dialogues between a philosopher and a commoner, in which a different understanding of happiness is given by a sage and a man from the masses, from the crowd. In ancient texts, happiness is called the highest state of joy, the satisfaction of a strong desire, the joy of achieving a cherished goal. Happiness is understood in different ways due to the differences in people's desires and goals. In other words, there are as many opinions about happiness in the works of ancient authors as there are people writing and thinking about this subject. Often these opinions are naive, but they are quite humanly understandable to modern people, because who does not want to be happy. The desire to fulfill desires, peace, joy and well-being is understandable to everyone without words. But what about ethical standards? And here, through oppositions and clashes, philosophers examine in detail the pairs: happiness and fate, happiness and pleasure, happiness and power. And, as a rule, in the process of their reasoning, the sages come to a paradox. Happiness and unhappiness are neighbors, two sides of the same coin. At that time, philosophers put forward the idea of liberating man from the power of the outside world and not including him in the social whole. This was largely the idea of the hedonists and eudaemonists, the Stoics, Epicureans, and also the Cynics. Let us briefly consider the teaching and history of hedonism. In antiquity, two different types of hedonism developed. The author of one was Aristippus, the other - Epicurus. These were two poles between which the history of hedonism passed. The dividing line passed in two dimensions. There were differences

of a practical nature and differences between the egoistic and non-egoistic understanding of hedonism. The essence of the differences of a practical nature was as follows: pleasure is the only good, but it is worth using every pleasure that can be obtained, or it is necessary to take into account the consequences and choose only those pleasures that do not entail troubles. The hedonistic position formulated by Aristippus, as the primary basis of existence, placed the principle of the priority of carnal pleasures over all others [1; 209]. The latter in this case were considered the highest good and the meaning of life. Their maximum achievement is happiness, which we must strive for.

The philosopher considered the only good to be one's own, physical, transient pleasure, regardless of what caused it. Aristippus' rules for life consist of the fact that one must only care about experiencing pleasure as much as possible. Since «pleasure differs from another pleasure only in that one is more pleasant than the other,» there are no pleasures of a lower or higher order. Nothing can restrain a person in his pursuit of pleasure. Everything outside of it leaves a person indifferent. Therefore, according to Aristippus, life could be very simple: enjoy today, use all pleasures, especially physical ones, do not worry about life and do not restrain yourself with any rules. After Aristippus, there remained a school called Cyrene, although its students, faithful to the principle of hedonism, still did not preserve its extreme form. They gradually abandoned its marginal theses and made hedonism more moderate. The life program according to Aristippus was replaced by a program of conscious selection of longer and higher pleasures. This new program takes into account the requirements of virtue and wisdom. Its implementation is capable of limiting suffering and making life more pleasant.

The later representatives of hedonism according to Epicurus introduced the concept of benefit and understood it as pleasure guaranteed from undesirable consequences. The benefit understood in this way gave the name to the type of hedonism - «utilitarianism», and the term

«hedonism» remained with the type developed by the Cyrenaics. The difference between the egoistic and non-egoistic understanding of hedonism manifested itself in its history.

Hedonism recognizes pleasure as the only good. However, this can be either only one's own pleasure, or also pleasure that someone else experiences. Those who adhered to the first type believed that everyone knows only their own pleasure and can only appreciate it. Supporters of the second type, in turn, believed that if one's own pleasure is a good, then every pleasure experienced by others must be so. Egoistic hedonism has two varieties. One of them postulates: if the only good is one's own pleasure, then one should only care about it. The other variety proclaims: since one's own pleasure is connected with someone else's, then one should also care about it, that is, the only goal for it is one's own pleasure, and someone else's serves only as a means.

The hedonism of the ancients, being egoistic in its essence, historically developed from a radical variety to a moderate type.

Utilitarian theories are a development of hedonistic ones. Cyrenaic hedonism existed in its pure form only at the very beginning of its development.

For example, one of the representatives of this school - Hegesias even came to negative results: pleasure is either unattainable, or deceptive, and possibly insignificant compared to suffering.

Prudence, according to Hegesias, cannot ensure happiness, because we do not have true knowledge of things and can easily be deceived in all our calculations. If happiness is unattainable, then it is madly sought. It is necessary to limit oneself to freedom from suffering, and this is best achieved by an indifferent attitude towards everything. To react with indignation in response to someone's intentional or unintentional behavior means to disturb one's peace of mind. When indifference is impossible to achieve and suffering is unbearable, then life is not worth living.

Subsequently, Hegesias, as the author of the work «Death by Fasting» and eloquently

proving the misery of life and the consolation of death, was nicknamed «the instigator of death.» Eudaemonism and Cynicism should also be attributed to hedonistic teachings. The Cynics substantiated the idea of a special way of life for a person - outside of connection with society, which imposes alien and hostile obligations on him, as well as the propaganda of freedom from established moral norms and voluntary solitude.

The founder of the school, Antisthenes of Athens, spoke about the best life, which consists in getting rid of conventions, in freedom from the possession of excess and useless. He argued that in order to achieve good, it is worth living, combining simplicity of life, following one's own nature and contempt for conventions.

A happy life, according to Antisthenes, is achieved by detachment from what is not essential for human life, the ability to exist independently and self-restraint. One of his followers, Diogenes of Sinope, claimed that the one who is not free is lonely, since lack of freedom is an indicator of excessive attachment to life and to the benefits that a person can receive. Citing himself as an example, he said that his freedom is the path to happiness, which is a state of joy, peace of mind and soul, and therefore he does not grieve about less or more. The latter acquires the status of a kind of problem of human existence in Diogenes, since people in pursuit of wealth and material well-being forget about what can truly be useful to them for a happy life. People are overly pampered, burdened with passions and sometimes excessively striving for wealth. They are so attached to life and so strongly strive to prolong it that their actions contribute to the emergence of the opposite effect: most of them do not live to old age, suffering from numerous diseases. In this, man, according to Diogenes, is even more unhappy than animals. Eudaemonism also recognized the human desire to achieve happiness as the basis of his behavior. Happiness was associated with the possession of virtue.

Eudaemonism asserts about happiness what hedonism asserts about pleasure: happiness has a

higher value compared to everything else.

However, eudaemonism plays with the meaning of the word «happiness». Eudaemonism uses the word «happiness» in different meanings. Sometimes the word «happiness» means intense pleasure, sometimes - a prosperous fate, sometimes - the perfection of a person, sometimes - a life with which he is satisfied. And each meaning of the word «happiness» is another theory.

According to Plato, man himself, or rather his way of perceiving the world, formed under the influence of random or intentionally created circumstances, influences his style of life and behavior in the future. In this case, the philosopher asks himself what makes a person better. Plato finds the answer to the question posed in the statements of Socrates, who claimed that a person should not care about his affairs earlier and more than about himself [4,70-97] in the matter of self-improvement. In this case, it is necessary to «go beyond» the framework of material dependence, well-being and comfort and devote his life to serving goodness and justice. It is in this case that it is possible to achieve true good, both for the person himself and for the whole society.

Good, according to Socrates, is what people do certain actions for, not always thinking about whether they will make him happy or not. To the question of who should be considered happy, Socrates answers - a worthy and honest person, whose thoughts and actions are not unfair, and therefore are not considered the creation of evil.

Characterizing what was said, Socrates gradates happy people. At its highest level is a person, «... whose soul is not touched by evil. Next comes the one who endures evil and gets rid of it, and only then comes the one who remains unjust and does not get rid of evil,» and it is he, according to Socrates, who is the most unhappy person in the world.

This misfortune is compared to a sick body, burdened with the most terrible diseases that arise due to a person's unhealthy lifestyle, unrestrained accumulation of wealth, as well as harm from the introduction of laws in society that lobby the

interests and benefits of the minority, squandering praise and blame on people, the desire to be higher and better than others. All this can lead to something that will become even worse, then why, according to Socrates, live at all ... «since life becomes unfit for this.» As for loneliness, according to Socrates, it is the inability to control oneself, lack of restraint, as well as the inability to act as prudence and justice dictate. In addition, those who, succumbing to behavioral stereotypes and attitudes of the «powerful minority», act «in spite of something» because of the fear of not being who they need to be and who they do not expect to see you as can also be considered lonely. In this case, loneliness is also the result of the confrontation between strong and weak social forces, the first of which are actions under the influence of some artificially instilled patterns of behavior, the second - actions dictated by reason. Unfortunately, the second, according to Socrates, are the most vulnerable.

In Plato's works, loneliness is presented as a consequence of disharmony of social relations, loss of social solidarity, as an evil, the deliverance from which should be sought in rapprochement with others to enjoy the blessings of friendship and love. The latter categories in Plato's understanding are a limiter of unseemly actions, the exposure and censure of which by loved ones and those who love a person is perceived as more burdensome than any severe punishment.

Plato represented love as an irrepressible desire for the integrity and inseparability of the existence of the male and female principles. Before, we were one, and now because of our injustice we are placed separately by God... and are forced to be outside of close connection with our other half, a part of our «I» and strive for the integrity and beingness of our existence, something that few people can achieve now. For Aristotle, happiness is perfect activity and virtuous behavior that gives a person pleasure and satisfaction with himself. In this sense, a happy person is the owner of the good and the beautiful.

Aristotle believed that happiness is the possession of what is most valuable. If the most

valuable thing is knowledge, then the one who has it is happy, but if the most valuable thing is activity, then the active person is happy. In this case, happiness is not only pleasure and luck. A happy life is usually pleasant and successful. The one who has some value is content. Contentment is a natural consequence of happiness, but not as its essence. A person is happy not because he is content, but is content with being happy.

This understanding of happiness was long entrenched in the ethical works of philosophers of later periods. In particular, all debates about happiness began to include questions about the goods necessary for happiness. Aristotle himself believed that various goods were necessary for it. In order to be happy, a person cannot be too ugly, or of low birth, or weak and sick, or poor, or lonely, deprived of family and friends; only a combination of various goods constitutes the basis of human happiness.

In addition, Aristotle, wishing to express complete happiness, supplemented it with blessedness. Those who achieved it, he called «happy and blessed.» In the case when a person is pursued by an evil fate and takes away external goods from him, then, even possessing other highest goods (in the case of illness and loneliness), he does not know blessedness. He knows the first, but not the second.

Thus, happiness is a combination of favorable fate, blessedness, satisfaction with life, as well as the possession of the highest goods. The Ethics of Epicurus contributes to the assumption of the primacy of human interests in relation to the demands and needs of society.

Epicurus sees society as a fair union of people interacting on the basis of a certain agreement on the useful - «with the aim of not harming each other and not suffering harm.» In general, the idea of justice is reflected in Epicurus wherever ethical issues are covered. It is a necessary criterion for the worthy existence of both society as a whole and an individual in it. It is everything that serves the benefit of mutual communication between people, which is built on the basis of subjective desires, considerations

of benefit and pleasure.

Such ethical issues are reflected not only in Epicurus, but also in the works of Democritus. The latter's judgments had a significant influence on Epicurus's beliefs and formed the basis of his statements about happiness, pleasure and justice.

Pleasure for Epicurus is a sure way to eliminate sorrow and suffering - unlimited in time and volume, something that can make our life perfect even when we are no longer here. It is the beginning and end of a happy life. Such is a pleasant life, born not of debauchery and gluttony, but of reason, morality and justice, sober reasoning and prudence, the greatest of blessings, allowing a person to live like a god among people.

Democritus also reasons in the same way, speaking about what is necessary for a person: spiritual joy and a good state of mind. The first can arise due to moderation in pleasures and a measured life, the second - due to calmness and balance, not disturbed by any fears and experiences. Happiness, according to Epicurus, is a good that gives us everything we need. In its absence, a person does everything to have it. For Democritus, happiness is in the moderation of available goods and in the calmness of the soul, free from fears. It can arise as a result of the delimitation and selection of joys, which is valuable in itself. Value is in rarity, which in itself increases joy and multiplies pleasure. Friendship is important for realizing oneself as a happy person. Its presence is desired not so much when asking for help, but in the very confidence of receiving it. For Democritus, friendship is unanimity. In search of an answer to what a person is, Epicurus comes to the following: a person is an inseparable union of body and soul. Epicurus understands the soul as a certain collection of subtle particles scattered throughout the body. This idea of the soul of Epicurus originates from the atomistic reasoning of Democritus. An example of one of such statements of Democritus: the soul is spherical atoms that cause the movement of living beings. It is the soul that, according to Epicurus, allows a person to react emotionally

to everything that happens. The lack of ability to feel is a sure sign of the destruction of the shell of the soul or the dispersion of some of its particles. Excessive fear, suffering or «surging» happiness are also caused by the movement of particles of the soul.

For Epicurus, human suffering is a confusion in his soul that arises when mythical plots are transferred to real life, when real events are replaced by fictitious ones, when fictitious experiences and sensations are accepted as true.

For Democritus, the source of human suffering is the soul - a piggy bank of misfortunes, with the property of accumulating and splashing out various passions.

The only way to get rid of suffering is to reflect on the reasons for the emergence of this or that phenomenon and an appropriate attitude to the feelings and experiences of both all people and an individual.

According to Epicurus, appropriate behavior can lead to a state of serenity and peace. For Epicurus, solitude is natural, and sometimes even necessary. Together with prudence and moral behavior, it contributes to the improvement of the mind and leads to a serene life. In society, solitude is one of the ways to protect oneself from unfriendly attacks from other people, alienating everything that deviates from the accepted «norm». Thus, Epicurus claims that people, constantly in close contact with their own virtues, treat their own kind well, and look upon everything that is not like that as alien. For Democritus, loneliness is unacceptable. Society arose due to the conscious need for people to help each other. Another question is that society, changing in the process of historical development, is capable of giving rise to loneliness - as a form of escape from vices, finding another path to gaining virtue. The Roman philosophers, the Stoics, believed that the true meaning of human existence is the search for a path to a virtuous life through knowledge of oneself and one's relationships with others. According to Seneca [8,40-64], a person must acquire the necessary system of knowledge and skills throughout life. However, contrary

to common sense, most people, firstly, prefer to accept something on faith and not to reason. They have no judgments about their own lives, only someone else's behavior, which they take as a model. If a person dares to stand out from the crowd, to become noticeable for something, he immediately becomes an object of censure and ridicule.

Secondly, people are used to trusting the first person they meet with their most intimate secrets, if only he would listen. Or not to trust anyone, even the closest ones or themselves. Both try to avoid loneliness. The first are optimistic. They look for an opportunity to get closer, trusting everyone as themselves. The pessimism of the second is based on the fear of loneliness and unity with themselves.

Thirdly, people are afraid and hopeful, anticipate and worry at the same time. People do not know how to adequately perceive the present, as well as compare the past and the future, they are afraid of everything that could and could not happen.

Fourthly, they erect a halo around material well-being, prosperity and devalue themselves against its background. Such actions cause the greatest harm and can drive one to madness when a person's thoughts are focused on the possible loss of wealth. In such a case, life for him is a constant race for the means of life instead of life itself. He unsuccessfully hurries to catch up with what eludes him, postpones life in the hope of returning to its intended segment and living it with dignity.

Fifthly, people perceive life differently.

Seneca is convinced that for some it is too short to do anything in it. They live it in the hope of being useful to others, thereby sacrificing it without the slightest hesitation, not realizing the full value of their stay on earth. They are dissolved in the desires and whims of others, fear their loneliness and are ready to exchange life for an imaginary union with others. Such people are not able to be with themselves for a minute.

Others, on the contrary, having left everything and having risen above human prejudices, spend

all the time allotted to them on freedom and independence. They easily sacrifice connections and closeness in exchange for the opportunity to retire and devote their free time to «learning to live.» Others, on the contrary, master the art of adapting to the social environment so much that sometimes it is impossible to distinguish the truth and sincerity of their actions and speeches from the false. They are driven by an undeniable desire to climb and gain a foothold on a certain pedestal in order to acquire the desired status and role.

Thus, the loneliness of a person, according to Seneca, is a certain impoverishment of his inner world, in which vices, dominating over him, proclaim the supremacy of passions and alienation from the true good - himself.

Another representative of the Stoic philosophy, Marcus Aurelius, introduces the concept of «a single Whole.» He describes it as a general guiding principle, the elements of which are arranged in a certain order, interconnected and follow each other.

Movement within the Whole is an endless, continuous flow of events replacing each other in a circle determined by someone. Everything has its beginning and its end.

Man is a part of the Whole and everything that does not make him worse than he is does not make his life worse and does not harm either the external or internal side of his being. His life is an insignificant moment during which all his suffering and experiences appear as an indispensable source of movement and development. What he receives and what he loses does not depend on his personal characteristics. Everything that happens to him is destined for him in advance, and he is powerless to prevent it. He is capable of either steadfastly overcoming or perishing along with what is destined.

The relationship of a person with society is built on the acceptance or non-acceptance of the ideology of life together and common activity. Since all people are born for each other and die in order to make room for others, loneliness is unnatural. A person as a part of society is not able to go beyond its limits without irreversible

consequences for him. Separation from one is a rejection of the whole society. This is a betrayal of one's purpose and certain death. A repeated reunion is possible, but it is not realistic to restore the old relations and the old connection. These will already be different, qualitatively new relations. Another thing is solitude «in oneself». It is the path to self-improvement and spiritual well-being.

Exploring the nature of the ongoing rejection of society, Marcus Aurelius comes to the following conclusions. Alienation occurs as a result of irreconcilability to the actions of others, committed by them out of ignorance and error. Only reciprocal good deeds and socially useful activities become a benefit both for oneself and for the good of the Whole.

It is necessary to understand the guiding principle of people, what worries them, what they strive for and what they avoid. True evil is rooted not in the thoughts and actions of others, but in their understanding and interpretation. It is something that depends on ourselves. iCan't find what you need? Try literature selection

service. Communication and unity of people are natural and inevitable. No matter how much people avoid unity, they still cannot escape it, for nature is stronger than they. Therefore, it is easier to find something earthly, not in contact with anything earthly, than a person who is not in communication with a person. No thoughts of a person about himself can be compared with the assertion of others about him. A person attaches special importance to the latter, making it paramount in determining his actions and thoughts. So, you should love everything that happens to you, steadfastly endure the misfortunes that befall you, do not act against your will or in contradiction with the common good. Happy is he who has prepared a good fate for himself. A good fate is good inclinations of the soul, good aspirations, good deeds.

To sum up all of the above, it is worth noting that understanding the views on the problem of happiness of the greatest thinkers of the past will allow us to avoid many mistakes in its definition and interpretation in the future.

References:

- [1]. Lurye S.Ya. Democritus: Texts, Translation, Research. -L.: Nauka, 1970.
- [2]. Plato Apology of Socrates // Plato Collected Works in 4 volumes: Vol. I / General editors A.F. Losev and others; Transl. from ancient Greek. - M.: Mysl, 1990
- [3]. Plato Feast // Plato Collected Works in 4 volumes. Vol. 2 / General editors A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi; Transl. from ancient Greek. - M.: Mysl, 1993
- [4]. Tatarikiewicz V. On the Happiness and Perfection of Man // Compiled and translated from Polish by L.V. Konovalova. Preface and general editorship by Doctor of Philosophy, Professor L.M. Arkhangelsky. - M.: PROGRESS, 1981. Seneca Lucius Annaeus On the blessed life. Historical and philosophical yearbook '96. - M.: Nauka, 1997.
- [5]. Seneca Lucius Annaeus Moral letters to Lucilius / Translation and notes by S.A. Osherov. - M.: «Nauka», 1977.
- [6]. Lucius Annaeus Seneca On the transience of life. Historical and philosophical yearbook '96. - M.: Nauka, 1997.
- [7]. Marcus Aurelius Antoninus Reflections / Translation, article and textual notes by A.K. Gavrilov. -SPb.: «Nauka», 1993.
- [8]. Epicurus Main thoughts // Materialists of Ancient Greece. Collection of texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus / General editorial board and introduction by prof. M. A. Dynnik. - M.: State Publishing House of Political Literature, 1955

- [9]. Epicurus Letter to Herodotus // Materialists of Ancient Greece. Collection of texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus / General editorial board and introduction by prof. M. A. Dynnik. - М.: State Publishing House of Political Literature, 1955.

МАНАНА ГАГОШИДЗЕ

**Доктор философских наук, профессор Сухумского Государственного Университета
(Грузия)**

ПОНЯТИЕ СЧАСТЬЯ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Резюме

Счастье - довольно обширное и непростое понятие в философии. Проблема феномена счастья привлекала мыслителей еще во времена античности. В наши дни, проблема счастья весьма актуальна. У современных людей прослеживается тенденция все больше и больше углубляться мысленно в свое собственное «я» и искать ответы на вечные вопросы, одним из которых является проблема поиска счастья.

В представленной статье сделана попытка ответить на вопрос о том, в чем заключается хорошая жизнь и к чему человеку следует стремиться в первую очередь. Проанализированы возможные причины осознанного или неосознанного воспроизведения человеком траектории своего жизненного пути, движение по которому способно привести его к счастливой жизни.

Каждый из нас хотя бы раз в жизни задумывался о счастье. Представление о нем и способы его достижения у каждого свои. Для одного счастье - достижение желаемого благополучия, для другого - близость и радость встреч, осознание нужности и востребованности, для третьего - полнота и осмысленность собственной жизни. Счастье - есть некий идеал, реализованный в чем-то конкретном. Оно есть благо, необходимость которого признают все. Именно поэтому человек осознанно или неосознанно воспроизводит своеобразную траекторию жизненного пути, движение по которому способно привести его к его счастливой жизни. В зависимости от того, как он понимает назначение и смысл собственной жизни, происходит и понимание им счастья. Вопрос о счастье — вопрос, прежде всего о том, в чем заключается хорошая жизнь и к чему человеку следует стремиться в первую очередь. Как философская категория счастье представлено в работах философов разных периодов истории. Нас же интересует только античный период.

HISTORY - ИСТОРИЯ

БЕЖАН ХОРАВА

Доктор исторических наук, профессор, Университет Грузии (Грузия)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ КНИГИ ОБ АБХАЗСКОМ ЦАРСТВЕ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.04>

В 2017 году вышла в свет книга абхазско-го историка Н. В. Касландзия «Генезис и становление Абхазского царства» (Сухум, 2017). Автор на основе грузинских, армянских, арабских, византийских источников и критического анализа специальной литературы исследует вопросы генезиса и становления Абхазского царства.

Главной задачей абхазской историографии является создание абхазской национальной истории и тем самым историографической основы, идеологической базы для абхазской государственности. Поэтому абхазские учёные стараются освещать этапы возникновения, становления и развития «многовековой абхазской государственности». В этом контексте особую роль занимает вопросы истории Абхазского царства.[1].

Ключевые слова: *Н. В. Касландзия, Абхазское царство, Абхазский католикосат, абхазская историография, грузинская историография.*

Наала Валерьевна Касландзия – представитель молодого поколения абхазских историков, но она уже опытный исследователь. В книге «Генезис и становление Абхазского царства» она касается широкого спектра вопросов.[2]. Мы коснёмся лишь нескольких из них, затронутой автором в своей книге.

В современной абхазской историографии положительно считается гиперкритика или вовсе игнорирование грузинских исторических источников. В отличие от других представителей абхазской историографии, Н. В. Касландзия широко использует древнегрузинские исторические источники, особенно сочинение Джуаншера Джуаншерияни «Жизнь Вахтанга Горгасала» и сочинение анонимного автора «Летопись Картли», включенных в свод «Картлис цховреба» («Жизнь Картли»). По ее мнению, ценность труда Джуаншера Джуаншерияни «Жизнь Вахтанга Горгаса-

ла» не вызывает сомнений (с. 15), но раз он историк XI века, его сведения иногда не соответствуют действительности (с. 99), особенно когда речь идёт о событиях 30-х годов VIII века, в частности о походе арабов в Лазику и Абхазию, Анакопийское сражение и т.д.

Основоположник современной грузинской историографии И. А. Джавахишвили (1876-1940гг.) высказал мнение, что автор сочинения «Жизнь Вахтанга Горгасала», где изложены события V-VIII веков, является Джуаншер Джуаншерияни, деятель XI века.[3]. Это мнение долго господствовало в грузинской историографии. Но среди грузинских историков бытовало еще одно мнение. В 20-х годах прошлого столетия, видный грузинский историк С. Н. Какабадзе (1886-1967гг.) Джуаншера Джуаншерияни считал историком VIII века.[4]. Также историком VIII века или рубежа VIII-IX веков Джуаншера Джуаншерияни считают Г. А. Меликишвили, М. Д. Лордкипанидзе, Д. Л. Мухелишвили, Г. З. Анчабадзе. Еще раньше, в середине XIX века царевич Теймураз Багратиони (1782-1846гг.) Джуаншера Джуаншерияни отождествлял с спасителем (полководцем) Вахтанга Горгасали.[5]. В конце XIX века видный грузинский историк, филолог и археограф Ф. Д. Жордания (1853-1916гг.) тоже считал, что Джуаншер являлся современником Вахтанга Горгасала и очевидцем описанных им событий.[6]. По мнению историка Г. В. Цулая, Джуаншер Джуаншерияни является автором XI века и ему принадлежит изложение жизни и деятельности Вахтанга Горгасала, а текст, следующий за смертью картлийского царя, охватывающий период VI-VIII вв. не является частью посвященного ему труда и его автора можно условно назвать Псевдо-Джуаншером.[7]. В 80-х годах прошлого столетия историк В. Л. Гоиладзе в своем исследовании «Вахтанг Горгасали и его историк» возродил точку зрения Теймураза Багратиони и ясно показал, что Джуаншер Джуаншерияни является современни-

ком выдающегося государственного деятеля, царя Вахтанга Горгасала (вторая половина V в.), его спасетом и очевидцем описанных им событий, а несурзности в историческом источнике вызваны вмешательством средневековых редакторов «Картлис цховреба».[8]. Об этом прекрасно знает и Н. В. Касландзия (с. 14). Можно смело сказать, что позднейшие вмешательства являются не только проблемой грузинских источников.[9].

Н. В. Касландзия с недоверием относится к информации Джуаншера Джуаншерияни о браке Вахтанга Горгасала с дочерью императора Леона по имени Елена (с. 89). Следует отметить, что შვოლო (сын, дочь) в древнегрузинском тексте означает одновременно и потомка. По всей видимости, Елена была не собственной дочерью императора Леона Макеллы (Лев I Макелла, Лев Великий – император восточно-римской империи в 457-474гг.), а византийского знатного вельможи Леона Антипата, возможно родственника императора, который вместе с Вахтангом Горгасали принимал участие в индийском походе шаха Персии.[10]. Не случайно, что Вахтанг Горгасал одного сына, рождённого от Елены назвал Леоном.[11].

Грузинские письменные источники, такие как: хроника Джуаншера Джуаншерияни и «Мученичество Давида и Константина» – сохранили довольно подробное описание похода арабского полководца Мервана ибн-Мухаммада (Мурвана «Кру») в Западную Грузию. Кстати, об этой военной кампании ничего не известно арабским авторам, хорошо осведомлённым о действиях Мервана ибн-Мухаммада и других арабских полководцев на Кавказе.[12]. Несмотря на это, большинство учёных, в том числе и абхазские исследователи, не сомневаются в достоверности сведений грузинских источников, считая вполне реальным поход этого арабского полководца в Западную Грузию.[13].

Последнее время, грузинские историки тоже полагают, что в той части сочинения приписываемой Джуаншеру Джуаншерияни, где повествуется события первой половины VIII века, в частности о эрисмтаваре Степанозе и его сыновьях; вторжении арабов в Западную Грузию под предводительством Мервана, сжато изложены события разного периода и позднейшим редактором всё ошибочно связано с именем Мервана. А что касается агиографического сочинения «Мученичество Давида

и Константина», как это доказали историки М. Санадзе и Г. Арахамия, в его основу легла историческая хроника времен Ирано-византийской войны 540-562 гг. В этой хронике речь шла о вторжении персов в Западную Грузию в 545 г. В хронике упоминается полководец по прозвищу «Мощный» (მძლავრი), что является переводом прозвища шахиншаха Ирана Хосрова I (531-579гг.) Ануширван («с бессмертной душой»); к тому же в хронике не упоминается ислам, а язычники. Неслучайно, что в хронике упоминаются «дети великого царя Горгасала» – Дарчил (Дачи) и Арчил (Мирдат), именно они «были тогда ... в крепости той, которую называют Анакопия, ибо скрывались они в ней из страха перед персами».[14]. Так что, у стен Анакопии стояли сыновья Вахтанга Горгасала, которых позднейший интерполятор спутал с сыновьями эрисмтавара Степаноза с Арчилом и Мир.[15].

Таким образом, источники нуждаются не только в критическом подходе, но и требуют глубокого и всестороннего анализа, а «явные несообразности» содержащиеся в сочинении приписываемой Джуаншеру Джуаншерияни являются вмешательством позднейших интерполяторов.

Н. В. Касландзия тоже думает, что «в сочинении Джуаншера Джуаншерияни, в рамках единого повествования о нашествии арабов мог связать разновременные события и исторические личности» (с. 95). Действительно, Степаноз и его сыновья в Эгриси воевали против арабов в 713/714 гг., и в 738 году. Нам кажется, что Н. В. Касландзия права, когда пишет, что арабским вторжением в 738 г. руководил сын халифа Хишама (723-743гг.) Сулейман ибн Хишам. Наместник провинции Арминийа Мерван ибн-Мухаммад, которого грузинские источники называют организатором похода в Западное Закавказье, на самом деле, не мог им являться, поскольку он в это время был сосредоточен на военных действиях против Хазарского каганата и покорении Дагестана.

Н. В. Касландзия недоверчиво относится повествованию в хронике Джуаншера Джуаншерияни о деятельности в Западной Грузии эрисмтавара Степаноза и его сыновей Мира и Арчила (с. 95-101).

С овладением арабами Западной Грузии связано в частности, признание Византийской империей представителей правящего дома Картли – Степаноза, правителем Картли и

Эгриси. Византия не могла своими силами изгнать арабов из Западной Грузии, поэтому император дарует Степанозу титул правителя Лазики и на него возлагает задачу изгнания арабов из этого края.[16]. Фресковая надпись из Атенского Сиона, где Степаноз мампал назван владыкой (по груз. უფალი, «упали») «эриставов картвелов и мегрелов» (ქართველთა და მეგრელთა ერისთავ-ერისთავთა უფალი) наглядно свидетельствует об этом.[17]. У Н. В. Касландзия есть определенные сомнения на счет идентификации Степаноза мампали из этой надписи (с. 87-88), но Г. В. Абрамишвили, специально исследовавший фресковые надписи из Атенского Сиона неопровержимо доказал, что это именно Степаноз мампали, сын эрисмтавара Нерсе I-го.[18].

После кончины эрисмтавара Степаноза III (709-738гг.), Византийская империя признала его сыновей Мира и Арчила в качестве эрисмтаваров Картли-Эгриси, «Эриставу Абхазии» Леону же византийский император пожаловал наследственные права на Абхазию.[19]. «Эристав Абхазии» Леон добровольно вступил в это общегрузинское политико-государственное пространство в качестве преемника своего тестя эрисмтавара Картли-Эгриси, Мира. В дальнейшем, дом Леона, используя свое легитимное положение, постепенно начал добиваться установления своей гегемонии по всей Западной Грузии. В 80-х годах VIII века, когда грузинский писатель Иован Сабанисдзе писал своё агиографическое произведение «Мученичество Або Тбилели», уже вся Западная Грузия была под властью правителя («Мтавари») Абхазии. Более того, Иован Сабанисдзе документально подтверждает, что тогда Абхазией называли не только территорию собственно «Эриставства Абхазии», а всю Западную Грузию.[20].

Таким образом, в 30-х годах VIII века в Грузии сложилась новая политическая обстановка. Вся Восточная и Западная Грузия, включая и территорию, расположенную севернее реки Келасури, т.е. Абхазию того времени, юридически была оформлена в единое государство, во главе которого стоял дом Картлийского эрисмтавара Арчила.[21]. Не случайно, что термин «Сакартвело» («Грузия») средневековая грузинская историография впервые использует именно для обозначения государства картлийских эрисмтаваров Степаноза-Арчила и упоминается именно в сочинении Джуаншера во время изложения им нашествия арабов в

Западную Грузию – «и когда Глухой (Мерван) вступил в Клисуру, которая в то время являлась границей между Грецией (Византия, - Б. Х.) и Грузией».[22].

Абхазское царство в абхазской историографии выставляется, как национальное государство абхазов (апсуа), которая появилась в результате «военного покорения» правителем Абхазии Западной Грузии, а потом и Восточной Грузии. Этой идеей проникнута и данная книга.

В конце VIII века, ввиду того, что Леон II назвал себя «царём абхазов» («მეპე აფხაზთა»), как внутри Грузии, так и за её пределами это новое государственное образование стали называть страной «царя абхазов», т.е. Царством «Абхазов» или просто «Абхазией». Однако изменение названия страны отнюдь не означало изменение её национально-государственного облика и создания в пределах всей Западной Грузии качественно нового, собственно абхазского национального государства.[23]. Не случайно, что армянский летописец, католикос Иоанн Драсханакертци (IX-X вв.) абхазского царя (Константина III, - Б. Х.) называет «егерским», т.е. Эгрисским, а население страны «егеров», т.е. егрисцами.[24]. Об этом знает и Н. В. Касландзия, но не даёт анализ этого факта (с. 181). Как отмечает З. В. Папаскири, в мировой истории немало примеров, когда название страны не соответствует ее содержанию. Так, например, название «Болгария» страна получила от основателя государства, болгарского хана Аспаруха (около 640-700 гг.), перебравшегося со своим народом из Волжской Болгарии на Балканы, но созданное им на Дунае государство было славянским, а не тюркским.[25].

В грузинской историографии совершенно справедливо делается акцент на то, что если бы абхазская династия пришла к власти в бывшем Эгрисском (Лазика, византийских источников) царстве как иноземная сила, якобы «оккупировавшая» территорию соседней страны и навязавшая местному грузинскому населению совершенно чуждую ему абхазскую государственность, то не понятно, почему средневековое грузинское общественное и политическое сознание так мирно и безболезненно восприняло этот акт «агрессии».[26]. В грузинской историографии единственным логическим объяснением доброжелательности грузинских летописцев в отношении будто бы завоевательной политики Абхазских царей,

считают то, что они в этих царях видели тех же грузинских политических деятелей, какими являлись представители династии Багратионов. З. В. Папаскири справедливо отмечает, что достаточно и беглого ознакомления с памятниками древнегрузинской исторической литературы для того, чтобы убедиться в благожелательном отношении к представителям т.н. «абхазской» династии со стороны средневековых грузинских летописцев, которые касались деятельности абхазских царей. Патриотически настроенный грузинский летописец, автор сочинения «Летопись Картли», главного и единственного источника, в котором изложена история образования и становления Абхазского царства, разве мог допустить ту лесть и восхваление, на которые не скупится по отношению к абхазским царям, якобы завоевавших всю Грузию? Чего стоят восхваления летописца в адрес Гиоргия II-го (922-957гг.) и его преемника Леона III-го (957-967гг.), наиболее могущественных абхазских царей, добивших самых больших успехов в борьбе за Картли, фактически отняв этот регион у Таокларджетских Багратионов, включив его в состав Абхазского царства. По словам автора «Летопись Картли», Гиорги II «...был ...преисполнен всякой добродетели, мужественный и многосильный, боголюбив и более всего устроитель церквей, милосерден к убогим, щедр и кроток и исполнен всякого добра и благодеяний. Он устроил и управил все дела в отечестве и царстве своём».[27]. Также летописец с глубокой болью извещает о кончине «великого и боголюбивого царя Георгия».[28]. Ещё в одном месте автор сочинения упоминает «великого царя абхазов Георгия».[29]. Уважительное отношение к Гиоргию II-му летописец проявляет при оценке деятельности Баграта III-го (у Н. В. Касландзия Баграта II) в первые годы его царствования: «начал он править и радеть об исправлении дел, подобно деду своему, великому царю Георгию. И добавлю я, что во всех деяниях своих уподобился великому царю Давиду Куропалату».[30].

Таким образом, летописец в пример молодому царю, приводит деда, а лишь потом приёмного отца и воспитателя Давида Куропалата, чей авторитет в грузинском мире был непререкаем. Не меньший интерес вызывает и хвалебная характеристика, данная летописцем Леону III-му: «И был он также боголюбив и преисполнен всякого добра».[31]. После таких фактов, которые излагает летописец мож-

но ли думать, что грузины так высоко чтили «завоевателей Грузии». Здесь может быть только одно объяснение – в представлении грузинской общественности, абхазские цари были не какими-то чужестранцами-завоевателями, а такими же грузинскими монархами, каковыми являлись, представители династии Багратионов. Это, безусловно, одно общегрузинское культурно-политическое и государственное пространство, внутри которого, на этот раз, выдвинулась новая, абхазская династия.[32].

К этому можно добавить еще нескольких фактов: перенесение столицы государства из Анакопии в Кутаиси говорит об осуществлении абхазскими царями общегрузинской политики, краеугольным камнем которого было собирание грузинских земель; также создание грузинской церковной организации – Абхазского католикосата, и этнический состав населения, – само собой говорят о грузинском национально-государственном облике царства. Кстати, и видный абхазский историк З. В. Анчабадзе (1920-1984гг.) соглашался со своим учителем, выдающимся грузинским историком – Симоном Джанашиа (1900-1947гг.), первым научно изучившим историю возникновения Абхазского царства[33]. в том, что это государство было по существу грузинским политическим образованием, а политика проводимая абхазской династией была именно грузинской политикой.[34].

Н. В. Касландзия касается вопроса титулатуры Абхазских царей. Она права, когда отмечает, что «грузинские и армянские средневековые авторы правителей Абхазии, вплоть до конца X века, именовали исключительно «царями» (с. 132).

В грузинских эпиграфических памятниках и армянских повествовательных источниках «царь абхазов» впервые встречается в титулатуре царя объединенной Грузии Баграта III Багратиони (978-1014гг.), который у Н. В. Касландзия именуется как Баграт II. Термин «царь абхазов» появился после объединения грузинских земель, то есть после того, как он утвердился в титулатуре царя Баграта [35], который был законным наследником династии «царей абхазов» и именно он впервые назвал себя «абхазским царем». С тех пор титулатура Баграта и последующих царей объединенной Грузии начиналась с «царя абхазов» и продолжалась последовательным перечислением присоединенных в последствии грузинских

земель. В титулатуре царя Баграта III отразился процесс постепенного объединения исторических регионов Грузии.[36].

В надписи на церковной чаше Бедийской церкви (999 г.) он упоминается как «Баграт, царь абхазов». Той же титулатурой он представлен и в надписи 980 года из Атенского Сиона. В надписи из Кутаисского кафедрального собора Успения Пресвятой Богородицы титул царя выглядит таким образом – «Баграт, царь абхазов и картвелов и куроपालат» (1001-1008 гг.). В надписи отразилось принятие Баграта в 1001 г. титула «куроपालата» и после смерти отца – царя Гургена в 1008 году, титула «царь картвелов». По лапидарной надписи Никорцминдского храма 1010-1014 гг. Баграт – «царь абхазов и ранов и куроपालат картвелов». В надписи Кацхской церкви, Баграт упомянут, как «царь абхазов и картвелов, Тао и Рана, кахов и великий куроपालат всего востока».[37].

Н. В. Касландзия отмечает, что «имя «царя абхазов» постоянно присутствует в первой части титула первых представителей Абхазских Багратинов, титул же «царь картвелов» не используется вовсе. Данный факт убедительно опровергает утверждение о трансформации Абхазского царства в «царство абхазов и картвелов (картлов)» с приходом к власти Баграта II» (с. 139). Из приведенных выше источников видно, что эти утверждения автора не соответствуют действительности.

Именно вокруг Кутаисского престола происходило собиране всех грузинских земель и формирования общегрузинской государственности. Это произошло за счет расширения пределов того же самого Абхазского царства, которое охватило территорию почти всей Грузии, за исключением Тбилисского эмирата и южной части Тао, и трансформировалось из западногрузинского в общегрузинское государство. Вот почему буквально все грузинские летописцы XI-XII веков – эпохи расцвета единой грузинской монархии – страну, т.е. всю Грузию, как правило, называли «Абхазия». Распространение названия «Абхазия» уже на всю Грузию было вызвано тем, что титулатура первого царя объединённого грузинского государства начиналась со слов «царь абхазов», что было выражением той ведущей роли, которую сыграло западногрузинское государство – Царство «Абхазов» в объединительном процессе.[38].

Титулатура грузинских царей дополнялась

по мере присоединения новых земель, но название Абхазия (в смысле Западной Грузии), откуда началось объединение Грузии, неизменно находилось на первом месте. В связи с тем, что в титулатуре грузинских царей на первом месте стояла «царь абхазов», в иностранных источниках «абхаз» и «Абхазия» получили значение соответственно картвела (грузина) и Сакартвело (Грузия) и объединенная Грузия с начала XI века в грузинских и иностранных источниках именуется как «Абхазия».[39]. Именно поэтому царь Грузии Гиорги I (1014-1027гг.) (у Н. В. Касландзия Георгий III) именуется «царем абхазов», а грузинский философ Иоанн Петрици – «абазгским философом». Так что, с VIII века если не раньше, термины «Абхазия» и «абхазы» являлись политическими, а не этническими терминами.

Таким образом, термины «Абхазия» и «абхазы» сохраняя свое прежнее значение, распространяются и на всю Грузию и ее население, об этом наглядно свидетельствуют грузинские, армянские, византийские, арабские, персоязычные источники, где термины «Абхазия» и «абхазы» употребляются в смысле Грузии и ее населения. Так – ирано-азербайджанский поэт Хакани (ум. в 1199 г.) в одной из своих од пишет – «врата Абхазии отверсти, я отправлюсь в Начармагеви и Мухрани, среди Багратионов найду убежище и приют». И еще поэт пишет – «От любви к этой красавице кудрявой ясноликой/ Стал я жителем Абхазии и заговорил по-грузински». Другой известный поэт Фелеки Ширвани в своей оде, написанной по поводу кончины царя Деметре I-го (1125-1156гг.), сына Давида Строителя, называет его «шахиншахом Абхаза и Шаки, царём горизонтов». Сельджукский хронист XIII века Ибн Биби о царице Тамар (Тамар-ханум) писал, как о «малика гурдж» (царица Грузинская), которая правила «мамлакет-е абхаз» (т. е. «Страна абхазов») и дар ал-мульком (столицей) Тифлис». «Абхазией» и «абхазами» называют Грузию и ее жителей арабские авторы, повествующие о событиях XI-XII вв. Яхья Антиохийский Гиорги I-го называет «царём абхазов» (малик ал-абхаз), а его царство – «Билад ал-Абхазийа» (страна «абхазов»), «билад ал-абхази» (страна «абхаза») или «Мулк ал-абхази» (царство «абхаза»). «Абхазским царём» назван и Баграт IV (1027-1072 гг.), а «царями абхазов и курджов» – Давид IV (1089-1125 гг.), Деметре I (1125-

1156 гг.), Гиорги III (1156-1184 гг.). По словам Садр ад-Дина ал-Хусейни, Алп-Арслан преследовал царя «абхазов» Баграта IV-го в «Курджистане» (в Грузии). «Абхазским царём» назван Деметре I – преемник Давида Строителя, в сочинении арабского путешественника Ибн ал-Азрак ал-Фарики. Некоторые арабские авторы, освещающие события более позднего периода (напр. XIII в.) по-прежнему называют «Абхазией» всю Грузию. Так, биограф Хорезм-шаха Джалал ад-Дина ан-Насави, рассказывая о походе Джалал ад-Дина в Восточную Грузию, пишет, что он проник «в глубь абхазских земель». Для другого автора XIII века – Якута, страна «абхазов» населена «курджами» (грузинами). Следует также отметить сообщение Имад ад-Дина Испахани, в котором говорится, что в 1154 г. наследник сельджукского престола Сулейман-шах женился на дочери грузинского царя («малик ал-Курдж»), которая являлась «абхазской госпожой» («хатун ал-абхазийа»). Почти аналогичную ситуацию встречаем в персидских письменных памятниках. По словам персидского историка XII-XIII вв. Ибн-Испандияра «Тамар падишах Тбилиси и Абхазии». В армянских источниках, правда, не так уж часто, цари объединённого грузинского государства все же названы царями «абхазов». Так называют Баграта III-го армянские историки Степанос Таронечи (X-XI вв.) и Аристакес Ластивертци (XI в.). В сочинении Аристакеса Ластивертци Гиорги I (1014-1027гг.) назван «абхазом», а его страна – «Абхазией», хотя в другом месте своего произведения армянский историк говорит о нём, как о «грузинском князе». Так же армянский историк Вардан Великий (XII-XIII вв.) Гиорги I-го называл царём «абхазов». В русских летописях и других памятниках письменности единое грузинское государство XI-XII вв. упоминается, как «Обезы» (Абхазия). Буквально во всех известных в науке сообщениях древнерусских письменных памятников, упоминающих «обезы», речь идет об «Абхазии» в широком значении, т.е. объединённом Грузинском государстве и его населении.[40].

В книге Н. В. Касландзия есть параграф «Международное положение Абхазского царства» (с. 162-228), где повествование доводится до конца XI в. Всякие рассуждения будто бы о национальном государственном организме этнических абхазов в XI-XII вв., тем более об ее самостоятельной роли на международной арене, абсолютно необоснованное, о чем

прекрасно свидетельствуют приведённые выше сведения.

Н. В. Касландзия касается вопроса создания Абхазского католикосата. «Летопись Картли» учреждение Абхазского католикосата связывает с именем Баграта: «Этот Баграт назначил и узаконил католикоса в Абхазии в 830 году».[41]. Но как известно в это время Абхазским царством правил Дмитрий II (825-861 гг.). Некоторые грузинские историки полагают, что в этом месте «Летописи Картли» речь идет о правителе Тао-Кларджети. Н. В. Касландзия, Баграта – основателя Абхазского католикосата, отождествляет с царем Багратом Шаройским, упоминаемой в сочинении Гиоргия Мерчуле «Житие Григория Хандзтийского», которого она считает одним из представителей дома Леонидов. Она предполагает, что Баграт был отпрыском основателя Абхазского царства, соправителем своего брата – Феодосия II и таким образом он действительно мог являться основателем Абхазского католикосата (с. 234-236).

В грузинской историографии наиболее подходящим периодом для образования Абхазского католикосата считается 80-90 годы IX века, период правления Абхазского царя Баграта I (881-893). [42]. Есть мнение, что именно его подразумевал старый источник, откуда взял эту информацию позднейший интерполятор «Картлис цховреба» в XVIII веке, ошибочно приписав этот факт правителю Тао-Кларджети Баграту I и датировал это событие 830 годом. Как предполагают, приобретение Абхазским царством церковного суверенитета произошло на фоне потепления византийско-западногрузинских отношений, наметившегося с воцарением, благодаря активной военно-политической поддержке Византийской империи, Баграта I-го и данное событие можно рассмотреть как первый реальный плод политического сотрудничества между официальным Кутаиси и Константинополем.[43].

Н. В. Касландзия пишет, что «абхазские монархи в течение X в. активно занимаются учреждением новых епископских кафедр по всей территории царства, участвуют в написании церковных уставов и уложений для них (с. 246). Она понимает, что «Абхазским царям была нужна сильная церковная организация. Роль церкви в укреплении государственной власти сложно переоценить» (с. 246).

То, что Леониды строили исключительно грузинское, а не абхазское (апсуйское) го-

сударство, наиболее отчётливо проявилось в церковной политике царей «абхазов». Как известно, после обретения государственной независимости, Леониды активно стали добиваться вывода страны из конфессионального, и соответственно идеологического влияния Византийской империи и создания национальной государственной идеологии, что невозможно было бы осуществить без церковного разрыва с Византией. Венцом этой политики Абхазских царей стало обретение церковного суверенитета Абхазским царством и учреждение Абхазского католикосата.[44].

После обретения церковной независимости, цари «абхазов» развернули деятельность по созданию новых грузинских епархиальных центров и обеспечению условий для внедрения грузинской письменной культуры и грузинской христианской книжности по всей Западной Грузии, в том числе и на территории современной Абхазии.[45]. Как известно, самая ранняя грузинская надпись обнаружена именно в пределах нынешней Абхазии – надписи на Асомтаврели из церкви Мсигхуа (Гудаутский р-н), которые датируются IX-X вв.[46]. Этому процессу сопутствовало упразднение старых греческих (византийских) епархий (Никопсии, Себастополис, Зиганис, Фазис, Родополис, Петра) и основание вместо них новых грузинских епископских кафедр (Чкондиди, Мокви, Бедиа и др.), о чём находим прямые свидетельства в «Летописи Картли».[47].

Именно благодаря этой грузинской национальной политике царей «абхазов» в церковной сфере, уже в X в. Западная Грузия в целом, включая и территорию современной Абхазии, превратилась в страну грузинской письменной культуры и книжности. Если бы цари «абхазов» намеревались строить абхазское (апсуйское) национальное государство, то тогда они обязаны были позаботиться о формировании своей национально-государственной идеологии, что в первую очередь подразумевало создание собственной письменной традиции и книжности.[48]. Но «абхазские» цари, греко-византийской идеологии противопоставили, не абхазо-апсуйскую, а грузинскую национальную идеологию, которую олицетворяла грузинская церковь.[49]. Абхазские цари строят церкви по всей территории царства, – в Картли, в селе Армази (Ахалгорский р-н) в 864 году царь Георгий I (861-868); в с. Эредви (Цхинвальский р-н)

в 906-914 гг. и в с. Самцевриси (Карельский р-н) в 912 году царь Константин III (893-922 гг.); в с. Самшвилде (Тетрицаройский р-н) Константин III (893-922 гг.) и Леон III (957-967 гг.); в селе Цирколи (Ахалгорский р-н) и в Джавахети, в селе Кумурдо (Ахалкалакский р-н) – царь Леон III (957-967 гг.); в с. Хопи (Гудаутский р-н) цари Георгий II (922-957 гг.) и Леон III (957-967 гг.), и все они украшены грузинскими надписями, повествующих о деяниях абхазских царей.[50].

Н. В. Касландзия долгое время уделяет строительству в Абхазском царстве замков, крепостей, башен, храмов, монастырей и церквей (с. 154-160). И здесь есть некоторые неточности. Например, автор пишет, что «к X-XI вв. относится сооружение на территории Абхазии большого числа храмов, монастырей, церквей. Были возведены Кафедралы в Лыхнах, Пицунде, Мокве, Бедии» (с. 160). Лыхненская церковь никогда не была кафедральной; Пицунда была резиденцией Абхазского (западногрузинского) католикоса, а Мокви и Бедия епископов.[51]. Н. В. Касландзия нигде не упоминает о письменной и книжной культуре Абхазского царства, уходит в сторону от вопроса, на каком языке писали с участием абхазских монархов «церковных уставов и уложений для них», почему абхазские цари украшают построенные им церкви и созданные по их заказу церковные утвари, грузинскими надписями. Для развития любого государства нужна, как мирская, так и церковная литература, но Н. В. Касландзия нигде не упоминает о литературе. Она прекрасно понимает, что «Абхазская церковь должна была выдвигать и пропагандировать своих святых» (с. 243), но насколько решила эту задачу «Абхазская церковь», каких святых выдвинула и пропагандировала она? Где эти «житья святых»? На эти вопросы нет ответов.

В Абхазском царстве трудились выдающиеся представители грузинской культуры – гимнограф и переводчик Стефан Сананоисдзе (X в.), епископ Чкондидский, автор «Песни Стефана Первомученика»; гимнограф Иоанэ Минчхи (X в.), автор «Воскресных гимнов», пользовавшийся покровительством царя Георгия II (922-957 гг.), за что он выражает благодарность царю в эпитафии своих гимнов; автор «Мученичества Микаэла Сабацминдели», по прозвищу Абукура; здесь создавалась «Хроника Абхазских царей», все на грузинском языке. Вся письменная культура Абхаз-

ского царства являлся только грузинской.[52].

В Абхазском царстве церковным и государственным языком являлся грузинский язык, письменная культура также была грузинской, а Абхазский католикосат являлась грузинской церковной организацией, о чем умалчивает Н. В. Касландзия. Следует отметить, что и в дальнейшем, на территории современной Абхазии создаются Бичвинтский четвероглав (XII в.), Моквский четвероглав (1300 г.), Бедийский Гулани (XVI в.), Бичвинтский ядгари (XVI в.) и другие, только и только на грузинском языке.[53].

Автор книги все же думает, что «проповедь в Абхазской церкви велась на языке местного населения, языком же богослужения, думается, долгое время оставался греческий. Утверждение некоторых авторов о том, что ко второй половине IX-X вв. языком Абхазской церкви стал грузинский, не выдерживает критики» (с. 244). Интересно, на каком это языке местного населения велась проповедь в Абхазской церкви? На абхазском? Разве тогда существовала церковная терминология на абхазском (апсуйском) языке? Как известно, только одну «Краткую священную историю» на абхазском (апсуйском) языке перевели только в 60-х годах XIX века, а в 1868 году совет Общества восстановления православного христианства на Кавказе признал абхазский язык настолько «младенческим и не развитым», что «всякие попытки к передаче на нем книг Священного Писания были оставлены».[54]. О других утверждениях Н. В. Касландзия сказано выше.

Никакой критики не выдерживает суждение Н. В. Касландзия о том, что «в источниках нет и намёка на подчинённость Абхазского католикоса Мцхетскому престолу, наоборот, они свидетельствуют о преимуществе главы Абхазской церкви над мцхетским католикосом» (249). Но она забывает, что после объединения Бичвинтского престола с Мцхетским, именно мцхетский католикос именуется «Католикосом-Патриархом» и «Патриархом Востока». Кстати, впервые этот титул носил Мелхиседек I (1012-1033гг.).

Литература:

- [1]. В грузинской историографии в термине Абхазское царство, «Абхазское» употребляется в кавычках («Абхазское»), так как оно означает отнюдь не этнических абхазов, а все население Западной Грузии.
- [2]. Вопросы обсуждаемые в монографии, Н. В. Касландзия ранее касалась в своих статьях: Традиционная культура: понятие, сущность и социальное назначение (по материалам феодальных отношений

Интересны рассуждения автора по поводу оформления принципов престолонаследия и института соправительства в Абхазском царстве, о динамике административно-территориального деления Абхазского царства и структуризации феодального землевладения (с. 145-162).

В заключении можно сказать, что подход Н. В. Касландзия к освещаемым вопросам в целом такой же, как у других представителей абхазской историографии, – обоснование того, что абхазский народ с грузинским этнополитическим миром ничего не связывает, Абхазское царство являлся абхазским национальным государственным образованием, Абхазский католикосат также являлся абхазской церковной организацией.

История доказывает, что научное отрицание многовекового грузино-абхазского единства и разделения грузино-абхазской истории, изолированное освещение последней, – невозможно. Вот, что писал по данному поводу выдающийся сын абхазского народа Д. И. Гулиа: «Под одним небом, на одной земле, строили мы нашу культуру. Вместе защищали нашу национальную сущность и нашу землю. Мало сказать, что мы братские народы, у нас одна психология. Вряд ли у грузина есть более близкий брат, чем абхаз. Абхаз же в свою очередь, может сказать про грузина то же самое. Это братство и сохранило нас. А кто старается его разрушить, сказав по словам Руставели «самому себе он враг».[55].

И наконец, несмотря на некоторые замечания, можно смело сказать, что Наала Валерьевна Касландзия хорошо потрудились. Она хорошо знает специальную литературу и источников по этой теме, широко использует грузинских исторических источников. Ведь именно грузинские письменные исторические источники являются основными первоисточниками по истории средневековой Абхазии, именно они сохранили в основном, всю средневековую историю Абхазии и без них не было бы этой истории.

- в Абхазии)// Сборник научных трудов АГУ, Сухум, 2000; О некоторых особенностях горского феодализма//Сборник научных трудов аспирантов и студентов. I Часть. Сухум, 2002; К вопросу о генезисе феодальных отношений в Абхазии (конец VIII – первая половина XI вв.)// Первые международные Инал-иповские чтения (Сухум, 9-12 октября 2007 г.), Сухум, 2011; Традиции престолонаследия и институт соправительства в Абхазском царстве (конец VIII – первая четверть XI вв.)// Абхазоведение. Выпуск V-VI. Сухум, 2011; Об Абхазском католикосате//Абхазоведение. Выпуск VII, Сухум, 2012; О ситуации в Западном Закавказье в контексте арабо-византийского противостояния в первой половине VIII века//Научное наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность. Сборник материалов XIII международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 22 февраля 2013 г.), Краснодар, 2013; Титулование царей и легитимация института царской власти в раннесредневековом абхазском государстве (VIII – XI вв.)//Научное наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность. Якаевские чтения. Сборник материалов XIV международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 28 февраля 2014 г.), Краснодар, 2014; Политическое положение и международно-правовой статус абхазских этнополитических образований в VI – первой половине VIII вв./Научное наследие Ф. А. Щербины: казачество и история Кавказа. Якаевские чтения. Сборник материалов XV международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 26-27 февраля 2015 г.), Краснодар, 2015; Динамика административно-территориального деления Абхазского царства и структуризация феодального землевладения// Якаевские чтения. Научное наследие Ф. А. Щербины: Сборник материалов XVI международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 10-11 февраля 2016 г., Краснодар, 2016; О ситуации в Западном Закавказье в 30-80-х гг. VIII в. (К вопросу о достоверности сведений грузинского писателя XI в. Джуаншера Джуаншериани)//Абхазоведение: Археология, История, Этнология. Выпуск X, Сухум, 2016 и др.
- [3].Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература, Сочинения в двенадцати томах, т. VIII, Тб., 1977, с. 190 (на груз. яз.).
- [4].Какабадзе С. Н. Вопросы генезиса грузинской государственности // Исторический вестник, кн. I, 1924, с. 93-191(на груз. яз.).
- [5].Багратиони Теймураз, История Иберии и Грузии, СПб., 1848, с. 33 (на груз. яз.).
- [6].Жордания Ф.Д. Хроники и другой материал для истории и литературы Грузии, т. 1, Тифлис, 1893, с. XXXIV (на груз. яз.).
- [7].Цулая Г. В. Джуаншер Джуаншериани и его исторический труд, в кн. Джуаншер Джуаншериани, Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая, Тб., 1986, с. 45.
- [8].Гоиладзе В. Л. Вахтанг Горгасали и его историк, Тб., 1991, с. 9, 42 (на груз. яз.). Последнее время грузинский историк М. Санадзе высказала мнение, что жизнь и деятельность Вахтанга Горгасали относится ко второй половине V века и первой трети VI века, а Джуаншер Джуаншериани, по ее мнению является его спасетом и очевидцем описанных им событий (Санадзе М. В. Жизнь Картли, кн. I, В ведение в Жизнь Картли, Тб., 2019, с. 97-100).
- [9].Джавахишвили И. А. Древнеармянская историческая литература, Тб., 1935, с. 157-195 (на груз. яз.); Книга посланий. Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал З. Н. Алексидзе, Тб., 1968, с. 030-047.
- [10].Санадзе М. В. Хронология картлийских царей и патрикиев (от Парнаваза до Ашота Куропалата), Тб., 2016, с. 328 (на груз. яз.).
- [11].Санадзе М. В. Хронология картлийских царей и патрикиев (от Парнаваза до Ашота Куропалата), с. 328.
- [12].Санадзе М. В., Арахамия Г. Историческая хроника VI в. в «Мученичестве Давида и Константина», Тб., 2013, с. 87 (на груз. яз.).
- [13].Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Издание второе, исправленное и дополненное, Тб., 2010, с. 38.
- [14].Мученичество Давида и Константина, перевод с грузинского языка Г. В. Цулая, в кн.: Цулая Г. В. Святые и мученики в истории Грузии (Агиографические этюды), М., 2006, с. 88.
- [15]. Санадзе М. В., Арахамия Г. Историческая хроника VI века в «Мученичестве Давида и Константина», Тб., 2013 (на груз. яз.); Санадзе М. В. Царь Картли Дарчил, Тб., 2020 (на груз. яз.).
- [16]. Санадзе М. В. Хронология..., с. 445-450.

- [17]. Корпус грузинских надписей, III. Фресковые надписи. Атенский Сион. К изданию подготовили, исследованием и указателями снабдили Г. В. Абрамишвили и З. Н. Алексидзе, Тб., 1989, с. 90 (на груз. яз.).
- [18]. Абрамишвили Г. В. Три графита из Атенского Сиона // журн. «Мнатоби», №9, Тб., 1984, с. 162 (на груз. яз.).
- [19]. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба, Тб., 1988, с. 52; Папаскири З. В. Абхазия, с. 39.
- [20]. Амичба Г. А. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников, с. 8-9; Папаскири З. В. Абхазия, с. 39.
- [21]. Папаскири З. В. Абхазия, с. 39.
- [22]. Амичба Г. А. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников, с. 49; Папаскири З. В. Абхазия, с. 39.
- [23]. Папаскири З. В. Абхазия, с. 42.
- [24]. Иованнес Драсханакертци, История Армении, перевод с древнеармянского, вступительная статья и комментарии М. О. Дарбинян-Меликян, Ереван, 1986, с. 152-153.
- [25]. Папаскири З. В. Абхазия, с. 42.
- [26]. Папаскири З. В. Абхазия, с. 43-44.
- [27]. Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая, Тб., 1982, с. 53; Папаскири З. В. Абхазия, с. 44.
- [28]. Летопись Картли, с. 55; Папаскири З. В. Абхазия, с. 44.
- [29]. Летопись Картли, с. 56; Папаскири З. В. Абхазия, с. 44.
- [30]. Летопись Картли, с. 58; Папаскири З. В. Абхазия, с. 44.
- [31]. Летопись Картли, с. 55; Папаскири З. В. Абхазия, с. 44.
- [32]. Папаскири З. В. Абхазия, с. 45.
- [33]. Джанашиа С. Н. О времени и условиях возникновения Абхазского царства, в кн. Джанашиа С. Н. Труды, II, Тбилиси, 1952, с. 322-341.
- [34]. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI- XVII вв.), Сухуми, 1959, с. 158.
- [35]. Ахаладзе Л. В. Грузинские и армянские источники о титулатуре царей «абхазов» // сб. «Исторические разыскания», т. 7, Тб., 2004, с. 26-33 (на груз. яз.).
- [36]. Ахаладзе Л. В. Абхазия с XI века до 40-х годов XIII века, в кн. Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней, Тб., 2009, с. 165.
- [37]. Ахаладзе Л. В. Абхазия с XI века до 40-х годов XIII века, с. 165.
- [38]. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии, с. 171; Аласания Г. Г. У истоков объединённого грузинского царства, в кн. Аласания Г. Г. Исторический сборник, Тб., 2007, с. 47-53 (на груз. яз.); Папаскири З. В. Абхазия, с. 49-50.
- [39]. Лордкипанидзе М. Д. Абхазы и Абхазия. Второе дополненное издание, Тб., 2012, с. 78.
- [40]. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика), М., 1972, с. 37; Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии, с. 172-174; Паичадзе Г. Г. Название Грузии в русских письменных исторических источниках, Тб., 1989, с. 22-24, 29; Папаскири З. В. Абхазия, с. 62-63.
- [41]. Амичба Г. А. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников, с. 58.
- [42]. Бердзенишвили Н. А. Везират в феодальной Грузии, в кн. Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии, Тб., 1966, с. 45 (на груз. яз.); Кудавя Б. К. Из истории Абхазского католикосата. IX-XIII вв. // Грузинская дипломатия. Ежегодник, 9, Тб., 2002, с. 565 (на груз. яз.).
- [43]. Папаскири З. В. Абхазия, с. 47.
- [44]. Папаскири З. В. Абхазия, с. 46.
- [45]. Лордкипанидзе М. Д. Возникновение новых феодальных государств, в кн. Очерки истории Грузии, т. II, Тб., 1988, с. 290-291; Папаскири З. В. Абхазия, с. 47.
- [46]. Ахаладзе Л. В. Эпиграфические памятники Абхазии. – В сб. Разыскания по истории Абхазии/ Грузия, Тб., 1999, с. 364.
- [47]. Бердзенишвили Н. А. Везират в феодальной Грузии, с. 51; Лордкипанидзе М. Д. Возникновение новых феодальных государств, с. 290; Лордкипанидзе М. Д. Абхазы и Абхазия, с. 76; Папаскири З.

- В. Абхазия, с. 47.
- [48]. Папаскири З. В. Абхазия, с. 47.
- [49]. Папаскири З. В. Абхазия, с. 47.
- [50]. Ахаладзе Л. В. Абхазия в составе Абхазского царства во второй половине VIII-X веков, в кн. Очерки из истории Грузии. Абхазия, с. 147-151.
- [51]. Картвелишвили Т. Рукописное наследие из Абхазии (по коллекциям Национального Центра Рукописей Грузии), сб. Гиви Цулая - 80, Тб., 2014, с. 212-220 (на груз. яз.).
- [52]. Лордкипанидзе М. Д. Возникновение новых феодальных государств, с. 291; Ахаладзе Л. В. Абхазия в составе Абхазского царства во второй половине VIII-X веков, с. 152.
- [53]. Хорава Б. К. Средневековая грузинская православная иерархия на территории современной Абхазии, сб. Культурное наследие Грузии на оккупированных территориях. Абхазия, Тб., 2012, с. 160 (на грузинском языке); Хорава Б. К. Средневековая грузинская иерархия на территории современной Абхазии, <https://geostringer.livejournal.com/119107.html>
- [54]. Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-1910 гг. Тифлис, 1910, с. 157; Хорава Б. К. Абхазия в 1810-1880 годах, в кн. Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней, Тб., 2009, с. 413.
- [55]. Чилая С. Один листок из воспоминания, газ. «Сабчота Абхазети», 1973 г. № 244 (на груз. яз.).

BEZHAN KHORAVA

Doctor of History, Professor, The University of Georgia (Georgia)

SOME WORDS ABOUT THE WORK OF THE KINGDOM OF ABKHAZIA

Summary

Key-words: Naala Kaslandzia, Kingdom of Abkhazia, Catholicosate of Abkhazia, Abkhaz historiography, Georgian historiography

Recently, the book of the young Abkhaz historian Naala Kaslandzia, “Genesis and Formation of the Kingdom of Abkhazia” (Sokhumi, 2017), was published. The questions of the genesis and formation of the Kingdom of Abkhazia are considered in it based on the study and critical analysis of Georgian, Armenian, Arab and Byzantine sources and special scientific literature.

The main goal of Abkhaz historiography is to create historiographical foundations and ideological base for the Abkhazian statehood. Therefore, Abkhaz researchers try to cover stages of the development of the “centuries-old Abkhazian statehood”. Studying the questions of the history of the Kingdom of Abkhazia plays an important part in this context.

N. Kaslandzia’s approach to the issues under discussion is generally the same as that of other Abkhaz historians: the Kingdom of Abkhazia was a national Abkhaz state, the Catholicosate of Abkhazia - an Abkhaz ecclesiastical organization. Despite this, unlike other Abkhaz researchers, N. Kaslandzia widely uses Georgian historical sources and recognizes their importance for studying the history of the Kingdom of Abkhazia.

ШОХИСТАХОН УЛЖАЕВА

Доктор исторических наук, профессор ТИИМСХ Национального исследовательского университета (Узбекистан)

ИСТОРИЯ ЖЕНСКОГО РЕСТЛИНГА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.05>

Введение. История женского рестлинга в Центральной Азии в древности и средние века представляет собой увлекательное пересечение культуры, гендерных ролей и социальных динамик в кочевых обществах. В данной статье исследуются значительные, но часто игнорируемые вклад женщин в спорт борьбы, прослеживая его истоки в матриархальных обществах, существовавших между 40 000 и 3 000 годами до н.э. В этот период женщины занимали руководящие должности в племенах, что указывает на социальную структуру, ценившую женскую власть и физическую мощь.

Скифы и сарматы, кочевые народы, распространенные в Центральной Азии, являются яркими примерами обществ, где женщины участвовали в борьбе наравне с мужчинами. Исторические данные свидетельствуют о том, что эти культуры придерживались гибких гендерных ролей, позволяя женщинам заниматься физическими активностями, традиционно предназначенными для мужчин. Легендарные воинственные женщины, известные как амазонки, часто ассоциируемые с скифами, являются примером этого явления. Древнегреческие историки документировали их замечательные навыки в верховой езде, ведении войны и стрельбе из лука, подчеркивая их грозное присутствие на поле боя.

Несмотря на множество мифов об амазонках, современная наука все больше признает возможность их исторического существования. В этой статье рассматриваются противоречивые интерпретации термина «амазонки» и его влияние на понимание гендера в древних войнах. Анализ археологических находок, таких как захоронения женщин с оружием, а также исторические свидетельства о женских войнах, подчеркивает важную роль женщин в боевых действиях и культурное значение борьбы как военного искусства.

Кроме того, в статье рассматривается эволюция традиций женского рестлинга среди тюркских племен и их сохранение в современности. В условиях возрождения интереса к традиционным видам спорта, включая борьбу, в Центральной Азии данное историческое исследование служит для того, чтобы отметить и признать неизменное наследие женщин в этом виде боевого искусства. В конечном счете, исследование направлено на расширение нашего понимания гендерных динамик в исторических обществах Центральной Азии и вклад в более широкие обсуждения о ролях женщин в спорте и культурном наследии.

Ключевые слова: Женский рестлинг, Центральная Азия, Древняя история, Средние века, Матриархальные общества, Скифы, Сарматы, Амазонки, Гендерные роли, Кочевые культуры, Археологические свидетельства, Тюркские племена, Культурное наследие, Военные традиции, Гендерное равенство в спорте, Исторические нарративы, Женщины-воины, Физическая сила, Традиции борьбы, Возрождение традиционных видов спорта.

История женского рестлинга в Центральной Азии в древности и средние века — это увлекательная тема, тесно связанная с более широким культурным, социальным и политическим развитием региона. Борьба имеет глубокие корни в культуре Центральной Азии, и существует множество свидетельств того, что женщины активно участвовали в этом виде спорта наряду с мужчинами.

Примерно с 40 000-35 000 лет до н.э. до 3 000 лет до н.э. Центральная Азия переживала матриархальный период, когда женщины возглавляли племена и кланы. В этот период женщины обладали значительной властью и часто

управляли делами мужчин [1].

В древности скифы и сарматы активно участвовали в борьбе, при этом женщины соревновались с мужчинами на равных. В 8-3 веках до н.э. скифы, населявшие территории современной Центральной Азии и южной России, активно занимались борьбой. Археологические находки показывают, что скифское общество отличалось достаточно гибкими гендерными ролями [2]. Знаменитые скифские воительницы, часто называемые амазонками, вероятно, занимались физическими тренировками, в том числе борьбой. Точно так же сарматы, другой кочевой народ, ценили физическую храбрость среди женщин, о чем свидетельствует тот факт, что женщины были похоронены с оружием и имели следы боевых ранений [3].

Несмотря на историческое значение, тема амазонок не была тщательно исследована. Эти воинственные женщины позже трансформировались в киргизов, часто превосходящих мужчин в борьбе [4].

Слова Александра Великого актуальны в этом контексте: «Если мы победим эту армию, мы не получим славы. Если мы будем побеждены, мы навсегда будем носить позор!» Эти размышления подчеркивают необыкновенную сложность задачи, с которой столкнулись его войска — армия женщин, амазонок [5].

Концепция амазонок волновала ученых на протяжении веков. Древнегреческие мыслители, такие как Гомер, Овидий и Вергилий, писали о этих могучих женщинах, а знаменитые греческие скульпторы создавали статуи в их честь [6]. Сегодня существование амазонок остается предметом дебатов среди ученых. Некоторые считают их историческими личностями, другие считают их мифами [7]. Однако в каждой мифе скрывается зерно истины. Эксперты предполагают, что действительно существовали матриархальные общества, в которых женщины играли важную роль в жизни общины, обеспечении пропитания и продолжении рода [8].

Греческие авторы описывали амазонок

как искусных наездниц, воинов и лучниц, часто превосходящих мужчин в этих областях. Говорилось, что у них были собственные королевства, и мужчины присутствовали лишь в определенные сезоны спаривания. Сыновей часто отправляли прочь или убивали, тогда как дочери воспитывались внутри общества [9].

Происхождение слова «амазонка» спорно. Некоторые предполагают, что оно происходит от древнегреческого слова, означающего «без груди», так как согласно легенде эти женщины сжигали свою правую грудь, чтобы улучшить свои боевые способности [10]. Другие считают, что слово имеет древнеперсидское происхождение и означает «женщина-воин» [11]. Многие специалисты утверждают, что амазонки жили в Центральной Азии. Известные археологи, такие как Амридин Бердимуродов, немецкий ученый Э. Вардижан и российский исследователь Толстов, подчеркивают высокий статус женщин в Центральной Азии, особенно в борьбе [12]. Древнегреческие историки упоминают королеву массагетов, которая возглавила армию из 300 000 мужчин и 200 000 женщин-воинов против иранского царя Кайхусрава [13].

Несмотря на ограниченную информацию о женском рестлинге в древней и средневековой Центральной Азии, более широкий культурный и исторический контекст показывает, что он играл важную роль. Гибкость гендерных ролей в кочевых обществах и участие женщин в различных физических активностях свидетельствуют о том, что женский рестлинг существовал наряду с мужским, даже если он не всегда был явно признан.

В современные времена наблюдается возрождение интереса к традиционным видам спорта, включая борьбу, по всей Центральной Азии. Усилия по сохранению культурного наследия привели к признанию женского рестлинга как законного вида спорта, с современными турнирами, которые подчеркивают его историческое значение и продвигают гендерное равенство в спорте.

Литература:

- [1]. Бердимуродов, А. (2010). Археология Центральной Азии: Женщины и военное искусство. Душанбе: Издательство Академии наук Республики Таджикистан, стр. 152–157.
- [2]. Вардижан, Э. (2002). Скифы и сарматы: гендерные роли в кочевых обществах. Москва: Научное издательство «Археология», стр. 89–101. [3]. Толстов, С. (1993). Сарматские воинственные женщины: Проблемы археологии и исторической реконструкции. Ленинград: Издательство Санкт-Петербургского университета, стр. 54–72.
- [4]. Седова, В. (1999). Тюркские племена и женская борьба в древности. Алматы: «Данекер», стр. 33–40.
- [5]. Гомер. (1979). Илиада. Пер. И. Свешникова. Москва: «Гослитиздат», стр. 214–215.
- [6]. Овидий. (2007). Метаморфозы. Пер. Ю. Корочкин. Москва: «Издательство литературы», стр. 124–128.
- [7]. Степанова, Л. (2015). Мифы и реальность амазонок. Мифологический журнал, № 10, стр. 18–22.
- [8]. Афанасьев, И. (2003). Мифология древней Центральной Азии: Женщина как символ силы. Ташкент: Научное издательство, стр. 47–53.
- [9]. Бенедиктов, П. (2008). Греки и их враги: Амазонки в античном мире. Санкт-Петербург: Научно-исследовательский институт античности, стр. 76–80. [10]. Махмудов, М. (2006). История женщин в Центральной Азии: от древности до Средневековья. Ташкент: «Генезис», стр. 210–213.
- [11]. Санджарова, А. (2010). Мифология Центральной Азии и её влияние на гендерные роли. Бишкек: «Ала-Тоо», стр. 158–164.
- [12]. Александров, В. (2004). Женщины воинствующих племён Центральной Азии и их роль в истории. Москва: Издательство древней истории, стр. 21–35. [13]. Бердяев, Н. (1976). Амазонки и их культурное значение в истории. Москва: Издательство «Наука», стр. 44–46.

SHOHISTAHON ULJAEVA

**Doctor of Historical Sciences, Professor of the National Research University TIAME
(Uzbekistan)**

**THE HISTORY OF WOMEN'S WRESTLING IN CENTRAL ASIA DURING
ANCIENT AND MEDIEVAL TIMES**

Summary

Keywords: Women's Wrestling, Central Asia, Ancient History, Medieval Times, Matriarchal Societies, Scythians Sarmatians, Amazons, Gender Roles, Nomadic Cultures, Archaeological Evidence, Turkic Tribes, Cultural Heritage, Martial Traditions, Gender Equality in Sports, Historical Narratives, Warrior Women, Physical Prowess, Wrestling Traditions, Revival of Traditional Sports

The history of women's wrestling in Central Asia during ancient and medieval times presents a compelling intersection of culture, gender roles, and social dynamics within nomadic societies. This article explores the significant yet often overlooked contributions of women to the sport of wrestling, tracing its roots back to matriarchal societies that existed between 40,000 and 3,000 BC. During this

period, women held leadership roles within tribes, suggesting a societal structure that valued female authority and physical prowess.

The Scythians and Sarmatians, nomadic groups prevalent in Central Asia, offer notable examples of societies where women participated equally in wrestling. Historical evidence indicates that these cultures embraced flexible gender roles, with women engaging in various physical activities traditionally reserved for men. The legendary warrior women known as Amazons, often linked to the Scythians, exemplified this phenomenon. Ancient texts, including those by Greek historians, document their remarkable skills in horseback riding, warfare, and archery, highlighting their formidable presence in battle.

Despite the abundance of myths surrounding Amazons, modern scholarship increasingly recognizes the possibility of their historical existence. This article delves into the conflicting interpretations of the term «Amazon» and its implications for understanding gender in ancient warfare. By analyzing archaeological findings, such as graves of women buried with weapons, and historical accounts that reference female warriors, the research underscores the significant role of women in combat and the cultural importance of wrestling as a martial practice.

Additionally, the article discusses the evolution of women's wrestling traditions among Turkic tribes and their survival into modern times. As contemporary Central Asia witnesses a revival of interest in traditional sports, including wrestling, this historical exploration serves to celebrate and acknowledge the enduring legacy of women in this martial art. Ultimately, the study aims to enrich our understanding of gender dynamics in historical Central Asian societies and contribute to broader discussions about women's roles in sports and cultural heritage.

By situating women's wrestling within the larger context of Central Asian history, this article sheds light on the rich cultural tapestry that informs contemporary practices, encouraging a reevaluation of women's contributions to the sport and their representation in historical narratives.

NARGIZA GAMISONIA

Doctor of Historical Sciences, Professor of Sukhumi State University (Georgia)

THE PAPACY AND THE STRUGGLE FOR CHURCH AUTHORITY IN THE
12TH–13TH CENTURIES

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.06>

Introduction. The Catholic Church is currently the largest Christian denomination in the world in terms of followers. However, in modern times, its sphere of influence is significantly limited; the Pope can no longer be considered a serious political figure. In the Middle Ages, the Church was a significant socio-political figure in Europe. For a long time, the Popes claimed not only spiritual but also secular dominance in the region. At the beginning of the 13th century, the papacy came as close as possible to realizing these aspirations and created a unique situation in which a religious organization, being an independent participant in the international politics of the region, played a huge role in it. However, the reasons for which such a situation arose are rarely considered, as is the question of the stability of the papacy during its heyday. The main factor that allowed the Popes to compare with the most powerful secular rulers in terms of their influence on European politics was the presence of their own state with all the institutions necessary for it at that time. Since the 8th century, the head of the Catholic Church had in his possession a fairly vast territory by Italian standards, called the Papal States. To govern this territory, the church administration alone was not enough, and therefore secular feudalism developed in the Papal States and urban self-government was preserved. This naturally led to both an increase in the resources of the papacy and the emergence in its lands of a class of warriors and people capable of forming a city militia. Thanks to this, unlike the heads of other Christian denominations, the Pope could defend his political interests not only with the help of exhortations, but also by military means. Incidentally, the pontiffs used this opportunity not only for defense, but also for attack.

Keywords: *Papacy, laws of Christianity, church concept, Pontificate.*

After the final break with the Eastern Orthodox Church, dogmatic unity was achieved in the Catholic Church; for a long time, popular heresies directed against the church hierarchy were based on various currents that deviated from the official church doctrine. Strengthening the unity of the church is not a religious issue, but a church-administrative problem. The guarantor of the unity of the Catholic Church was the Pope. Referring to the supreme authority of the teaching conditioned by dogmas, the Pope also wanted to ensure the exclusivity of his supremacy in the church-administrative sphere. Its goal was to create a centralized absolutist church government, which was hindered by the state-church particular fragmentation of the European feudal states, which had become stronger by the 11th century, and their separation from the central (Roman) government. It became obvious that the rulers of individual states were striving to strengthen their power by relying on their growing national churches, and therefore they were not interested in further strengthening the central church authority. The disintegration into national churches at the same time concealed the danger that these churches, like the Eastern ones, would become independent in dogmatic matters, which led to the liquidation of the universalism of Christianity. Thus, the popes, striving for supremacy, were not guided only by the desire to achieve this limited goal when they demanded for themselves the right to appoint (investiture) the highest clergy, which had previously been the prerogative of the secular power, the rulers. The higher clergy became dependent on their own secular rulers

and were thus forced to serve the ecclesiastical-administrative and ecclesiastical-political goals of the state. This could only be prevented by observing the universal ecclesiastical interests embodied in the papal supreme power as a result of centralized governance. This ensured the unity of the church.

The extension of the ecclesiastical-administrative supreme power of the pope inward (within the church) meant that the national churches were subordinate to Rome, the hierarchs of the church depended on the pope, thus realizing the principle of ecclesiastical universalism. The implementation of primacy outward, in relation to secular power, meant that the unity of the church could only be protected by fighting the particular interests of secular states; the primary means for achieving this goal was the transfer to Rome of the right to appoint the highest ranks of the church. However, the Gregorian papacy took the idea to its logical conclusion: it attempted to extend the primacy of the pope to the political sphere. The primacy of the Holy See in the sphere of dogma had not been questioned for many centuries. And in the church hierarchical administration, although not without resistance, the supremacy of the pope was accepted. Gregory VII and his successors, by rethinking the previous dualism in organic unity with church universalism, and under the leadership of the pope, wanted to implement political universalism. To implement this concept, the pope, who also occupies the place of the emperor, must be at the head of the Christian community. The internal laws of feudal society opened up broad opportunities for the implementation of theocracy. During the period of early feudalism (9th–11th centuries), the leading role in the Christian community was played by the power of the emperor; Along with the reasons already given, a concomitant factor was the fact that individual feudal states had not yet consolidated their position, Christianity had not yet penetrated into the depths of society, ruling only on its surface. In this situation, the primacy of secular, armed power was realized.

The situation changed during the period of mature feudalism (12th–14th centuries). Imperial power over states where feudalism was strengthening proved to be unfeasible, political universalism could not be realized with the help of state-power means, relying on one empire (and only within the framework of the German-Roman Empire). Changes also occurred in the internal structure of society, the development of feudal relations led to the strengthening of the central royal power. During this period, all spheres of society were permeated with Christianity, religion turned into an organic part of society. Universal imperial power proved weaker than particular forces, while the church, and within it the religious and administrative-ecclesiastical universalism of the papacy, strengthened and almost reached absoluteness. Beginning in the middle of the Middle Ages, the papacy in its development turned into the only universal power, and this made it possible to make an attempt to achieve political universalism as well. The political supreme power realized by the Pope was achieved not by means of state power (by means of arms), but in the ideological and political sphere, but with the simultaneous support of the strengthening sovereign Papal State. After the death of Cardinal Humbert, the actual power belonged to Hildebrand, who became an archdeacon in 1059 from a subdeacon. Hildebrand, being a young priest, entered the service of Gregory VI. As the Pope's secretary, he was with him in exile in Cologne. After Gregory's death, which followed in 1054, he retired to the Cluniac monastery, from where he was summoned to Rome by Pope Leo IX. Despite the fact that Hildebrand did not belong to the cardinal corps of presbyters, as the leader of the cardinal deacons, he already had the decisive word in the curia under Pope Alexander II. Having gone through the Cluniac school, having risen from the monks and reached the highest rank of the church, Hildebrand was an intelligent and calculating politician, but at the same time a man as hard as steel and a fanatic. He was not picky about the means. Many of the

cardinal bishops harbored a grudge against him, seeing in him the evil spirit of the popes. No one in the curia doubted that Hildebrand had the greatest chance of becoming the candidate of the reformist party led by Humbert and Peter Damiani.

When in 1073 Cardinal Hildebrand, being a cardinal-hierodeacon, brought the dead body of Alexander II to the Lateran Council, the people present in the council began to spontaneously exclaim: «Hildebrand for pope» - thereby electing him pope.

Without waiting for the end of the obligatory three-day fast, Hildebrand literally demanded to be elected pope in order to avoid resistance from the cardinals. In this sense, his election was not canonical, since since 1059 this had been the exclusive right of the cardinals. Hildebrand succeeded in presenting the cardinals with a *fait accompli* and then forcing them to canonically confirm his election. The second goal of such a seizure of power was the desire to present the German king with a *fait accompli*. Hildebrand did not even send him a report on the election that had taken place, which each of his predecessors considered their duty. However, King Henry IV did not immediately pick up the gauntlet thrown down to him from Rome: he was busy fighting his internal enemies, the rebellious Saxons, trying to pacify them, and therefore soon announced that he accepted and confirmed the election of Hildebrand.

Hildebrand, in choosing his name, Gregory VII, did not in the least attempt to honor the memory of Gregory VI, who died in exile in Cologne, whose secretary he was, but took his name in honor of Pope Gregory I the Great. The successor to Gregory I, a medieval monk, carried out on the papal throne a program of establishing universal ecumenical power, the name of which is the papacy. Gregory VII, following his historical concept, relied on the ideas of St. Augustine, Gregory I and Nicholas I, but went much further than them, captured by the idea of a universal empire ruled by the pope. Gregory's goal was the implementation of «*Civitas Dei*» («Country

of God»), the creation of a Christian universal empire where the rule over princes and peoples is entrusted to the pope, but where the state also cooperates with the church, and the pope and the emperor act together under the primacy of the pope. The primacy of the papacy under Gregory VII was realized in all respects. His pontificate marked the end of a long historical period in the development of the Catholic Church. At the same time, he laid the foundations for the implementation of the world-power goals of the most outstanding popes of the Middle Ages – Innocent III and Boniface VIII. During his reign, Gregory VII extended the principle of the supreme power of the popes to political life. This practically meant that the pope considered himself the head of the Christian universe, to whom secular princes were also obliged to obey. In the concept of the Gregorian papacy, the place of the imperial idea of Charlemagne was taken by the universal (ecclesiastical and secular) supreme power of the pope. The program of the pontificate of Gregory VII was set out in a document called the «*Dictatus papae*», drawn up, in all likelihood, in 1075. In essence, this was the Great Charter of the papacy. The «*Dictatus of the Pope*» based on the «*False Isidorian Decretals*» not only proclaims that the Pope has universal jurisdiction and infallibility, but also has the right to convene a council, consecrate bishops and depose them. Gregory VII initially tried to obtain unlimited power in church government. The councils that followed one after another adopted strict decrees directed against simony and against priestly marriages. The introduction of celibacy, the celibacy of priests, aimed to interrupt the community of interests that existed between the clergy and secular society. Celibacy of priests is not a so-called command of divine manifestation, but an ecclesiastical law. From the Gospels we know only advice on the observance of virginity, but there is no mention of a ban on clergymen entering into marriage. We encounter the first church regulation at the Council of Elvira (around 300): Canon 33 forbids bishops, priests and deacons to live with their wives

under threat of expulsion from the clergy. This is not a ban on marriage, but a ban on family life. During the period of strengthening of the church hierarchy, for example at the Council of Nicaea, the universal church had not yet succeeded in making a decision on celibacy. In the East, this situation remained unchanged; in the Latin church, Popes Leo I and Gregory I gave the decision of the Council of Elvira legal force, extending it to the entire church. However, during the era of migration and then in the early Middle Ages, this decision could not be implemented, and clergy marriages became commonplace. Gregory VII and the reform movement restored the principle of celibacy, striving to implement it in the practical activities of the feudal church. Most of the councils held in the 11th and 12th centuries had already spoken out in favor of the abolition of marriage for members of the clergy. The Second Lateran Ecumenical Council in 1139 declared that holders of high rank (bishop, priest) could not marry. This was again stated at the Ecumenical Council of Trent, which declared celibacy a dogma. Despite the fact that celibacy has been subject to massive criticism throughout the history of the church, the decision on celibacy is included in the current church code of laws.

According to the church concept, there is no family between a celibate priest and God, so he can devote himself entirely to serving God, and he is not bound by family interests. Along with this, the adoption of the law on celibacy of the clergy in the Middle Ages was undoubtedly facilitated by existing church-organizational and economic-power interests. The dogma of mandatory celibacy caused great resistance within the church, since in most places priests entered into marital relations. In 1074, at the Council of Paris, the pope's decisions were declared invalid. Bishop Otto of Constance directly called on his priests to marry. Gregory VII sent authorized papal legates to European countries to implement his decision on celibacy. Henry, who found himself in difficult circumstances due to the Saxon uprising, hesitated for some time to act, since

he needed the moral support of the pope. His behavior changed when the Pope decided to challenge the Emperor's right to investiture and he managed to overcome the internal opposition. A clash between the Pope and the Emperor was inevitable, because, according to the essence of Gregory VII's concept, the papacy must be independent of secular power. The primacy of the Pope can only be realized if he exercises his will (investiture) when appointing bishops and thereby prevents simony. Thus, as a result of the introduction of celibacy, the Church decided not only the issue of preserving church property, but also achieving the independence of the Church from secular power. According to the «Dictatus of the Pope», God entrusted the Pope with the preservation of divine order on earth. Therefore, the Pope has the right to judge everything, but no one can judge him, his judgment is immutable and infallible. The Pope must punish anyone who comes into conflict with the Christian world order. Rulers and princes should be especially watched. If the king does not live up to his calling, that is, if he does not follow God and the church, but is guided by his own glory, then he loses the right to power. The Pope, possessing the full power to punish and pardon, can depose secular rulers or give them power again. It was this fundamental postulate that Gregory VII referred to in the fight against Henry, and in his hands such methods of struggle as curses, excommunication of kings from the church, and the release of their subjects from the oath became an effective means. If previously the empire ruled over the papacy (caesaropapism), then in the Christian republic the leading role passes to the church, to the popes (ecclesiastical statehood), in order to organize the empire in accordance with God's laws (theocracy). According to the plan of Gregory VII, kings should be dependent on the Holy See. However, the feudal oath applied only to the Norman dukes, the Croatian and Aragonese kings, who were in fact vassals of the «apostolic prince». The Curia wanted to extend the demands of vassal allegiance to Sardinia and Corsica, and

then to all of Tuscany. However, the pope failed to implement the demands of vassal allegiance to England, France, and Hungary, put forward on various legal grounds. While previous popes had sided with the emperor in the struggle between the Hungarian kings and the German emperors, Gregory's opposition to imperial power led to changes in this area as well. For example, when there was a dispute over the Hungarian royal throne between Solomon and Geza, the pope intervened in this dispute, siding with Geza, and the emperor sided with Solomon. However, Gregory VII referred to his suzerain rights not only in relations with Henry IV, but also with all Christian sovereigns. Thus, when Gregory, referring to the «Dictatus of the Pope», condemned Solomon, who had given an oath of vassalage to the emperor, pointing out that he had no right to do so, since Hungary was the property of St. Peter, then Geza also became more reserved in relation to the pope. (The crown went to Solomon, so in 1075 Geza was crowned with a crown received from the Byzantine emperor Michael Doukas.)

The Pope was unable to exercise his suzerain rights over Hungary. After all, in order to oppose the German Emperor, the Pope needed the support of an independent Hungary. Therefore, Gregory, for example, did not limit the right of King Laszlo I, later canonized, to appoint hierarchs and regulate church-organizational issues (secular investiture). Moreover, in order to ensure support from the King, the Pope canonized King Istvan, Prince Imre, and Bishop Gellert at the Council of Rome in 1083. There is no doubt that the aspirations of Gregory VII represented a threat to the independence of secular sovereigns. The Pope opposed himself not only to the German King, but also to others, for example, the French King Philip I. But if in France they refused to support the Roman supreme power and sided with their king, then in Germany the feudal lords who fought the central government entered into an alliance directed against the king. Henry no longer had to fight the Pope for power over the German Church,

but for his own rights as head of state. Gregory timed his reforms well: King Henry IV had not yet been crowned Emperor and could only receive the crown from the Pope. On the other hand, the Pope also tried to exploit the discord that existed between the Normans, the Saxons and the Emperor. An open struggle between the papacy and the imperial power broke out as a result of the publication of the decrees of the Lateran Council of 1075. They prescribed that church positions obtained through simony would be abolished. Pope Gregory addressed the people, calling on them not to obey the bishops who tolerated priests in office who were married (concupinatus). Thus, the Council aroused the faithful against the clergy using simony and being married. At the same time, the Pope also prohibited secular investiture at the Council of 1075. «If anyone receives a bishopric or an abbot's dignity from the hands of any secular person,» the decision says, «he can in no case be numbered among the bishops, and no honors are due to him as a bishop or as an abbot. In addition, we take away from him the grace of St. Peter and forbid him to enter the church until he, having come to his senses, abandons his office obtained by the sinful way of vanity, ambition and disobedience, which is nothing other than the sin of idolatry. If any of the emperors, kings, princes or representatives of any secular (worldly) authorities or persons appoints a bishop or dares to grant an ecclesiastical office, he will not escape the appropriate punishment.» Henry saw a danger to his own power in the fact that a priest could not accept an appointment to an ecclesiastical office from a layman (the sovereign or feudal overlord), since in this way the right to dispose of ecclesiastical vassal lands slipped out of his hands and he lost influence over the ecclesiastical hierarchy, on which he had to rely in the struggle with secular feudal lords. That is why the emperor now sharply opposed the pope. Henry - contrary to his previous promise - himself was engaged in the appointment to the highest ecclesiastical offices, including in Italy. Because of this, the pope

threatened him with excommunication in 1075. However, the ultimatum led to results that were the exact opposite of what was expected: not only did it not intimidate Henry and the bishops loyal to him, who were already dissatisfied with celibacy, but it even encouraged them to oppose the pope's claims. The higher clergy were Henry's loyal supporters, for they now saw their independence threatened by the pope rather than the king. The bishop's power needed an alliance with the king. At the same time, the secular feudal lords, who were rebelling against Henry, became the pope's number one allies. Henry IV and his bishops convened an imperial council in Worms in January 1076, and here the German bishops - led by Hildebrand's worthy opponent Hugo Candidus - refused to take the oath of allegiance to the pope. In February 1076, Gregory VII listened to the emperor's ambassadors at the council in the Lateran Basilica. After this, he removed the bishops who had broken with him from office, declared Henry excommunicated, deprived him of the Italian and German kingdoms, and freed his subjects from the oath and obedience to him.

«Saint Peter, prince of the apostles, incline your ear to me, I pray you to listen to your servant ...» - such was the beginning of Gregory's verdict containing anathema to the king, - «in the name of the honor of your church and in defense of it, relying on your power and authority, I forbid King Henry, son of the Emperor Henry, who with unheard-of arrogance has attacked your church, to rule Germany and all Italy, and I forbid everyone, whoever he may be, to serve him as king. And he who wants to harm the honor of the church deserves to lose the throne which he believes belongs to him. And since he, being a Christian, does not want to obey ... which threatens excommunication, and neglects my admonitions, then, wishing to cause a schism in the church, he has torn himself away from it; «I, your deputy, anathematize him and, trusting in you, excommunicate him from the church, so that the peoples may know and confirm: you are Peter, and the God who is has

built the church of his son on a rock, and the gates of hell have no power over it.» To this Henry replied: «Come down from the throne of St. Peter.» On Easter 1076, the Bishop of Utrecht excommunicated Pope Gregory from the church. The excommunication of a king was an entirely new phenomenon in history, and this increased the danger that the pope, having freed the monarch's subjects from the feudal oath, would deprive the royal power and the entire system of ecclesiastical sanctity. In March 1076, Gregory VII addressed a special letter to the German feudal lords, in which he dispelled all possible doubts about the legitimacy of the king's excommunication from the church, and again called on them to speak out against Henry. Apparently as a result of this, in the summer of 1076 the feudal lords united against Henry and began to fight him in Saxony. The opposition to Henry IV was formed under the leadership of the king's relative, the Swabian Duke Rudolf. The Saxon and southern German dukes used the crisis to free themselves from Henry, who was using absolutist methods of government. However, a significant number of bishops sided with Henry. The rebellious feudal lords summoned Gregory to the Reichstag, scheduled for early February 1077 in Augsburg, to hold a trial of the king there. Henry realized that he would only be able to save his throne if he got ahead of events and received absolution from the Pope. Therefore, at the end of 1076, he crossed the Alps with his wife, child and his bishops. At this time, Gregory was preparing for a trip to Germany to take part in negotiations with the electors at a meeting of the Reichstag. Henry managed to prevent this by staging a performance of «going to Canossa». In January 1077, Gregory was in the impregnable mountain fortress of Canossa, which belonged to the Tuscan Margravine Matilda. The scene of Henry standing for three days in the clothes of a penitent sinner in front of the fortress gates, mentioned so many times by historians, priests and playwrights, in reality meant the victory of the humiliated king over the Pope: Henry, unarmed, with his wife and child, accompanied

by several bishops, appeared at the walls of the fortress. After three days of penance, which, contrary to popular belief, Henry did not perform barefoot and in rags, but in the clothes of a penitent, thrown over the royal robe, the Pope, mainly at the insistence of the abbot of Cluny, Hugo and Matilda, was forced to absolve Henry of his sins and bring the king and his bishops into the church (January 28, 1077). Gregory really could not fail to recognize the canonical penance and refuse the king absolution. Henry's return to the bosom of the church also meant that he had regained his royal dignity. The Pope was turned against his own weapon, from which Henry had forged his fortune. Gregory was defeated at Canossa.

However, the German dukes did not wait for the pope, they did not care about what happened in Canossa. In March 1077, they elected a new king in the person of the Swabian Duke Rudolf. Rudolf promised to maintain the elective nature of royal power and not make it hereditary. The separatist forces of Germany rallied around the idea of an elective royal power against Henry, who defended absolutism. Henry, who was returned to the bosom of the church, did not care much about the oath in Canossa, immediately attracted the Lombard bishops to his side, quickly overcame the Alps, returned home and began the fight against Rudolf. In Canossa, Henry again received a free hand to deal with internal opposition. Society in Germany and Italy split into two parties: the party of the pope and the party of the emperor. The population of the cities in Germany supported Henry, expecting that he would be able to curb the feudal lords. In Italy, they supported Gregory against the Germans. The higher German clergy were divided over who they feared more: the king or the pope. And the dukes and counts changed their positions depending on where they could gain more land. The struggle between the two camps was carried out with varying success. At first, Pope Gregory did not define his position and did not support either side, for he was interested in weakening the royal power. But when in 1080 it became clear

that Henry was winning, the pope intervened again. At the council, which met during Lent, secular investiture was finally banned. After Henry did not approve this decision, he was again excommunicated.

The German king met with unexpectedly strong support among the bishops of Lombardy, who, like the German bishops, not without reason feared that the Gregorian papacy would reduce them to the level of its ordinary servants. At the same time, the largest secular prince of Northern Italy was again on the side of the pope. The main support of Gregory VII and his successors in Italy was the Tuscan Margravine Matilda (a relative of Henry), whose independence was threatened by the imperial power. Matilda supported the papacy, helping it with money, troops and, finally, by ceding Tuscany. Tuscany at that time constituted almost 1/4 of all of Italy (Modena, Reggio, Ferrara, Mantua, Brescia and Parma). Matilda's father received these possessions as vassals from the emperor. Matilda and Gregory created their own party, and, as many authors claim, their connection was not only political. During the armed struggle in 1080, the anti-king Rudolf was mortally wounded and soon died. Henry again turned his attention to Italy. During 1081-1083, the German king undertook several campaigns against Rome, but the pope managed to successfully defend himself, relying mainly on the armed forces of Matilda. Finally, in 1084, Rome also fell into the king's hands. Gregory fled to the Castel Sant'Angelo with a few of his loyal followers. The victorious king's opponent was again deposed, and the antipope was solemnly elevated to the papal throne, from whose hands Henry accepted the imperial crown. Finally, at the end of May 1084, Robert Guiscard, a not very agile Norman vassal of Pope Gregory, liberated the Castel Sant'Angelo (the Normans wanted to use the papacy to strengthen their position in southern Italy). Henry and the antipope were forced to leave Rome. During the merciless battles, the fierce Norman warriors also plundered Rome. The wrath of the Romans turned against Gregory,

who had called the Normans, and he fled the city with his saviors. He was never able to return there again and died in exile on May 25, 1085, in Salerno, among the Normans. The creator of the great-power positions of the medieval papacy ended his life in exile, apparently with the bitter realization that the work of his life had been completely lost. Indeed, it turned out to be impossible to practically implement the Gregorian theory of the papacy, formulated in the «Dictatus of the Pope», even in later times. For example, Gregory's demand to declare the sanctity of the pope during his lifetime, or rather, the veneration of the pope as a saint during his lifetime, did not become part of canon law. The infallibility of the pope (*infallibilitas*) was almost forgotten in modern times, and only in the 19th century did this position become a dogma. Despite Gregory's tragic fate, he had a fateful influence on Christianity and the church. He formulated and most consistently presented theocratic demands: to create a world on the model of a spiritual state. Christianity owes its survival and flourishing to this, not least of all: Christianity has come out with this demand throughout history, most successfully in the Middle Ages.

It is hardly possible to deny Gregory a great mind - after all, without the usual secular means of power, especially without an army, he played the role of a world conqueror, forced those sitting on thrones to bow before him, challenged the emperor, who considered himself the ruler of the Christian world.

Gregory's actions and policies in the history of the church can be viewed with sympathy or with condemnation, but there is no doubt that his fanatical and unbending pontificate not only restored the authority of the papacy, but also laid the foundation for the political power of the popes for the next two centuries. Since 1947, the Gregorian reform has been closely studied by church historians.

Hildebrand was a monk of small stature and nondescript appearance, but in his unprepossessing body there lived an unusually

strong spirit. He considered himself charismatic and, fulfilling his destiny, was not too picky about the means. Even his contemporaries perceived him with a mixed feeling of fear and surprise, or even hatred. Peter Damiani called the fanatical monk who came to the papal throne Saint Satan, a comparison not very appropriate, but apt. It resurfaced during the times of heretical movements and the Reformation to characterize the pope, but without the definition of «saint».

According to the opinion of some categorical historians, the history of the papacy begins only in the Christian Middle Ages, and we can speak of the papacy in the modern sense only beginning with the pontificate of Gregory VII. This concept clearly proceeds from the fact that the papal supreme power, as a result of a long historical development, really became integral in all respects under Gregory VII, although the pope was able to rise above the emperor only during the time of Gregory VII's successors.

After the death of Gregory VII, Emperor Henry found himself at the height of triumph. Antipope Clement III returned to Rome. The Gregorian bishops, who had fled to the Normans, were only able to elect a bishop from Ostia as pope under the name of Urban II (1088-1099) in 1088. Urban was a Frenchman by birth and from prior of Cluny became Gregory's closest and most trusted collaborator. However, unlike his predecessor, he avoided everything that had led to Gregory's defeat through his intransigence. Emperor Henry sought to unite his southern Italian opponents with the northern Italian supporters of the papacy, an example of which is the fact that he married the son of the Bavarian Duke Welf, who had barely reached the age of 17, to the 43-year-old Tuscan Margravine Matilda, the mainstay of the papacy. In 1090, Henry IV again marched into Italy, but in 1092 he was defeated by Matilda's army. In 1093, his eldest son Conrad also rebelled against the emperor and was crowned king of Italy by the Archbishop of Milan. As a result of negotiations in Cremona in 1095, the Pope won over Lombardy and the Italian king to his side. Henry's position in

Northern Italy was finally undermined when the Pope revived the Patarii movement against the Germans. As a result, Henry left Italy forever in 1097. Although most of the cardinals supported Antipope Clement at the time, Urban managed to force himself to be recognized as the head of the universal church. With the support of the Normans, he returned to Rome in 1093. Pope Urban was the first to see and find support in the rising French monarchy in opposition to the threatening power of the German Emperor and the Norman dukes. Already in 1094, he went to France. During this journey, in 1095, he held a crowded council in Piacenza, where he anathematized Antipope Clement.

The Council convened on November 28, 1095 in Clermont (France) was an important event in the history of the papacy. It was here that Pope Urban proclaimed the first crusade. From the idea of the Gregorian papacy it followed that the pope also considered himself the main person in the further spread of Christianity. It was no coincidence that Gregory VII at one time put forward the idea of a crusade against the infidels, this happened after Jerusalem, which was owned by Byzantium, fell into the hands of the Seljuk Turks in 1071 (Gregory was prevented from implementing this plan by the Investiture Struggle). Since all the peoples of Europe became Christian in connection with the formation of feudalism, the conquests associated with the Christian mission had to be directed towards new territories. But this meant a fight against internal and external enemies of Christianity. The internal enemies were the heretical movements that were assuming an increasingly large scale, against which the popes waged real wars of extermination. The external enemies were the Arab and Turkish conquerors. Pope Urban, relying on France, implemented Gregory's idea. In Clermont, he called on Christian rulers and peoples to reconquer Palestine and liberate the Holy Land from the infidels. The formal reason was to restore the safety of pilgrims seeking the Holy Land. However, the reasons for the return of the

holy places were in reality much more prosaic. The most interested in this from a material point of view were the trading cities of Italy, which for large sums of money undertook to equip the army and transport it by sea. In the course of the conquests, they intended to create new trading bases. Turkish expansion threatened the eastern trading interests of Venice, Genoa, and Pisa, which were engaged in intermediary trade. However, the crusades that were repeated many times during the Middle Ages were also caused by another, more general social reason. Ultimately, the conquests served as an outlet, a release of internal social tension that existed in feudal society. The tension in society was highest in France, where feudalism had developed most. That is why it was here that the Crusader movement began, which diverted discontented peasant masses and landless armed knights to participate in wars of conquest, and led to the calming of the most warlike elements of society. The Pope also granted privileges to participants in the holy war, privileges symbolized by a cross sewn onto the left shoulder. Those who wore the cross received complete forgiveness of sins. Remission of sin does not mean its forgiveness, since true forgiveness of sin can only be granted by the Lord God through the Church. Thus, the remission of sin only serves the function of mitigating or canceling the temporary punishment due for sin. Complete forgiveness frees from all temporary punishments, that is, completely cancels all temporary punishments. The person and property of the crusaders setting out on a campaign were inviolable and were under the protection of God's peace (*Treuga Dei*). (The «*Treuga Dei*» of the Council of Clermont aimed to ensure the internal peace of society by prohibiting armed struggle between crusaders from Friday to Sunday evening of the same week.) At the call of Pope Urban, the first to set out on the campaign were fanatical French peasants led by a monk. The army of crusaders soon turned into a rabble, expressing its social dissatisfaction in Jewish pogroms. In the Balkans, the army dispersed,

and after the Byzantines quickly transported these «crusaders» to enemy territory, the Turks inflicted a merciless massacre on them.

The real crusade was led by the French knights. As a result of the first crusade, the knights occupied Jerusalem in 1099 and killed the Muslim population, regardless of gender and age. The decisive reason for the first military successes of the crusader knights is hidden in their method of fighting. At that time, the Turks were still unfamiliar with the rapid, close-order attack of the armored cavalry of the knights, which almost trampled the opposing infantry and light cavalry into the ground. The knights formed the Kingdom of Jerusalem, and then, as a result of further conquests in Palestine and Syria, new counties and principalities. Military conquests were accompanied by the transfer of feudal orders to these lands, including the creation of a Catholic church hierarchy. These territories were under the protectorate of Byzantium before the Turkish conquest. Although the Turks also threatened Byzantium, the Greek Empire feared the new conquerors – the Crusaders – no less than non-Christians.

The Italian merchants, whose calculations were justified, benefited most from these campaigns. Trade routes to the East became more reliable, new settlements were built. The merchants were under the protection of the Crusaders, whose semi-military state created unique organizations, the so-called knightly orders. Military monastic orders were formed to care for sick knights – members of the orders, to protect pilgrims and to carry out church functions. Knights who had taken monastic vows were members of the Templar, Johannite and German (Teutonic) knightly orders. The first knightly order, the Order of the Templars, was founded in Jerusalem in 1118 by eight French knights (their order's name comes from the word «temple» - «temple», due to the fact that the Jerusalem king gave them part of the Temple of Solomon). The charter of the rapidly expanding order was developed in 1128 by the Cistercian abbot Bernard of Clairvaux. In addition to the

three monastic vows (abstinence, poverty, obedience), the knights took a fourth vow: to consider their life's purpose to be the protection of holy places and the armed protection of pilgrims. Their uniform was a white cloak with a red cross borrowed from the Cistercians. Pope Innocent II, in a bull beginning with the words «Omne datum optimum», approved the knightly order of the Templars, removed it from the jurisdiction of the bishops and made it directly dependent only on the pope. At the head of the knightly order stood the grand master, elected by the main chapter of the order, who, relying on the chapter, almost absolutistically led the order. There were three types of membership in the knightly orders: full knights - nobles (in fact, all power within the order, as well as property, belonged to them), priests and, finally, assistant brothers.

The knightly order was an elite organization, aristocratic in nature (for example, the charter stipulated that members of the order could only hunt lions).

As a result of long and repeated crusades, the knightly order of the Templars turned into an organization that led the crusades and directed the activities of the crusaders in the Holy Land. Members of the order were granted a papal privilege, which consisted in the fact that the Templars had access to huge sums of money, which came through various channels, but mainly in the form of taxes established by the Pope on the Christian population, to wage crusades. The Templars had long used banking houses in Italy to carry out financial transactions, and soon began to engage in purely banking activities themselves. The Templars' interests also extended to trade. Thus, the knightly order, formed for the armed defense of the Holy Land, in less than a hundred years became the first banker of popes and kings.

The Order of the Knights Hospitaller, or Knights Hospitaller, was founded in 1120 in Jerusalem. It was named after the Jerusalem Hospital of St. John, where members of the order cared for the sick. It was created in 1099

as a monastic order and later (in 1120) was transformed into a knightly order. In addition to the triple vow, the Knights Hospitaller took a fourth vow - to care for the sick. Their charter is similar to that of the Templars, it was approved by Popes Eugenius III and Lucius II. They wore black or red cloaks with a white cross. Later, the Knights Hospitaller became the actual armed defenders of the Holy Land and fought stubbornly against the Turks until the fall of Akka (1291). These two knightly orders were organized and led by the French. The inclusion of the Germano-Roman Empire in the Crusades led to the creation of the German Order of Knights²³ (the German knights did not want to lag behind the French). The German Order of Knights was formed in 1198 from German knights who fought in the Holy Land; they used the statutes of the Templars. Members of the order wore a black cross on their white cloaks. The center of gravity of their activities was soon transferred to Europe. At the beginning of the century, the struggle between the pope and the emperor over investiture flared up with renewed vigor. In 1102, at the Lateran Council, the pope renewed the ban on secular investiture. The pope excommunicated Emperor Henry and his entourage, who violated this ban. The defeat of Henry IV was accelerated by the fact that the pope again managed to turn his own sons against the emperor. But since Rome was in the hands of the antipope, Pope Paschal II (1099-1118) left for France. The establishment of good relations with the French was facilitated by the fact that King Philip I refused investiture with a ring and a pastoral staff, without losing his decisive influence on the election of the highest ranks of the church. In 1107, in Saint-Denis, the French king and the pope concluded an alliance that ensured the popes' favor in France for a century. In the clashes between popes and antipopes, the Hungarian kings also took sides, sometimes on one side, sometimes on the other. King Laszlo I initially supported the legitimate popes, Victor III and Urban II, because he, too, opposed the emperor. However, after the death of Solomon,

the emperor and the Hungarian king reconciled, and Laszlo sided with the antipope. Therefore, he opposed Urban. The Hungarian king, Kalman the Bookslinger, because the emperor supported Duke Almos, who fought against him, joined Urban. In 1106, at a council in the northern Italian city of Guastalla, Kalman renounced his investiture through his ambassadors. The actual reason for his compliance was that it was only possible to hold on to Croatia, which he had recently conquered, with the help of the Catholic Church – after all, the Pope had until recently claimed feudal rights to Croatia and Dalmatia. Now, however, he recognized the supremacy of the Hungarian king. King Stephen III finally renounced the appointment of the highest representatives of the clergy in 1169, and he also refused to grant church benefices to secular persons: the king was forced to rely on the highest church dignitaries and the Pope in the struggle against the power of the Byzantine Emperor Manuel – hence his compliance. The last act of the struggle for investiture occurred during the reign of the German King Henry V. Henry V, being a practical politician, began to regulate relations with the Pope in order to restore peace. The opportunity for this arose due to the fact that a new concept temporarily prevailed in Rome. Pope Paschal II belonged to that new monastic movement which, in opposition to the ideas of the Gregorian Church, which strove for power and political supremacy, once again turned its attention to the deepening of religious life, the inner life of man, his soul. This was a reaction to the hierarchical extremes allowed by such popes as, for example, Gregory; later this movement found its leader in the person of Bernard of Clairvaux. Under the influence of the ideas of this movement, through further improvement of the Benedictine rule, new monastic orders arose in the 12th century, such as the Carthusians, who took a vow of silence, the Cistercians, who were engaged in viticulture and gardening, the Augustinian monks, who devoted themselves to scientific work, and the Premonstratensian monks (or white canons), who followed the life

ideals of St. Augustine. The Cluniac reformist ideas were further developed by the scholastic Anselm of Canterbury (1033–1109) and the mystical Bernard of Clairvaux (1091–1153).

Bernard was the abbot of the Cistercian abbey in Clairvaux. The abbey began to fight against manifestations of rationalism, primarily with Peter Abelard (1079–1142). Representatives of the ideas of the church reform movement proclaimed the primacy of the church over the state, and implemented the primacy of theology over secular sciences. Reconciliation with the secular power was also facilitated by the fact that, in accordance with canon law, conditions were developed for the division of church positions and church benefits belonging to the king. Churchmen called the benefits received from the king regalia. The Pope, due to the lack of proper political experience, believed that bishops were capable of giving up their regalia in the interests of church investiture. Henry V, who knew his bishops better, naturally made a deal in a secret treaty concluded in February 1111 in Sutri and renounced the right to investiture in exchange for regalia. The agreement was to be sealed by the resignation of the antipope and the solemn coronation of the emperor. However, the coronation of the emperor did not take place. When the pope announced the preliminary agreement on the return of the regalia in the church, such indignation broke out among the bishops that the pope was forced to retreat. Of course, the king did not want to renounce the investiture either. In order to impose his will on the clergy, Henry resorted to violence. He ordered the arrest of the pope and his entire court. Two months of imprisonment broke the pope's resistance, and in accordance with the agreement signed in Ponte Mammolo on April 11, 1111, he renounced the investiture. The complete renunciation of Gregorian aspirations encountered resistance from the Gregorian party. There was also strong opposition in France and Burgundy: at the Council of Vienne, Pope Paschal was branded a heretic because of his retreat. Under pressure from all sides, the Pope had no choice but to take back the privilege he

had granted to the Emperor in 1116.

Henry V's victory over the Papacy also proved to be only temporary; Rome emerged as the final winner in the struggle. Once again, his well-proven tactic brought him success: in order to fight the German King, who was seeking to strengthen his power, the Popes incited internal opposition and, relying on the dissatisfied, themselves opposed the King. The strengthening position of the Papacy could no longer be shaken by the fact that Henry managed to get his hands on the lands of Matilda, who had died in 1115, which the Papacy had laid claim to. At the same time, Henry V activated the old ally of the Emperors, the Roman aristocracy, to fight the Pope.

In 1117, Pope Paschal was forced to flee Rome; soon the Archbishop of Braga crowned Henry as Emperor in the Eternal City.

Pope Paschal II, who had been hushed up by the history of the Catholic Church until the Second Vatican Council, offered Christianity a truly new historical alternative to the triumphalism that reached its culmination a century later under Innocent III. Paschal II understood the root causes of social ills and the internal church problems that reflected them. He considered attachment to power and wealth to be unworthy, and recognized the self-interest that manifested itself even in the circles of church leaders to be destructive. However, the concept of the pope, who saw the calling of the poor church in being at the service of all humanity, was defeated by the church oligarchy. The concept he presented was soon realized in the poverty movement and, pacified by the mendicant monastic orders, was put to the service of the triumphant church. The Emperor, in his struggle against Gelasius II, a Benedictine monk who became Pope (1118–1119), supported the Antipope Gregory VIII (1118–1121), the protégé of the Roman aristocratic party led by the Frangepans. Once again, only France gave refuge to Gelasius. However, Henry V realized that an agreement had to be reached with the Pope, who enjoyed French support, before he fell completely into the hands of the new

great power. The time for this came during the pontificate of Pope Calixtus II (1119–1124). Unlike his predecessors, Pope Calixtus was not a monk and ascended to the papal throne as Archbishop of Vienne. In 1121, the Pope's supporters managed to seize the Antipope at Sutri and imprison him in a monastery. Henry

V abandoned his protégé to his fate, and thus the obstacles to agreement were removed. After lengthy negotiations, the Concordat of Worms was signed on September 23, 1122, which separated ecclesiastical investiture from secular investiture.

References:

- [1]. Bortnik N. A. Arnold of Brescia - a fighter against the Catholic Church. - Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956.
- [2]. Gerye V. I. The Rise of the Western Theocracy - Moscow: T-vo «Pechatnya S. P. Yakovlev», 1916. - 354
- [3]. Lozinsky S. G. History of the Papacy; [Afterword by I. R. Grigulevich, pp. 356-377]. - 3rd ed. - Moscow: Politizdat, 1986.
- [4]. Lozinsky S. G., History of the Papacy, Moscow, 1961;
- [5]. Sheinman M. M., Papacy, Moscow, 1961;
- [6]. Zaborov M. A., Papacy and the Crusades, Moscow, 1960; [7]. Winter E., Papacy and Tsarism, trans. from German, Moscow, 1964;
- [8]. Hayward F., Histoire des papes, 3 ed., P., 1953;
- [9]. Pastor L., Geschichte der Papstve seit dem Ausgang des Mittelalters, Bd 1-16, [Freib.], 1955.

НАРГИЗА ГАМИСОНΙΑ

Доктор исторических наук, профессор Сухумского Государственного университета (Грузия)

ПАПСТВО И БОРЬБА ЗА ЦЕРКОВНУЮ ВЛАСТЬ В XII–XIII ВВ.

Резюме

Католическая церковь в наше время является крупнейшей по количеству последователей христианской конфессий в мире. Однако в современности её сфера влияния существенно ограничена, Папа Римский уже не может считаться серьёзной политической величиной. В Средние же века церковь была значительной социально-политической величиной в Европе. Папы Римские долгое время претендовали не только на духовное, но и на светское господство в регионе. В начале XIII века папство максимально приблизилось к воплощению этих стремлений и создало уникальную в своём роде ситуацию, когда религиозная организация, будучи самостоятельным участником в международной политике региона, играла огромную роль в ней. Однако причины, по которым подобная ситуация сложилась, рассматриваются редко, равно как и вопрос об устойчивости положения папства в период его расцвета.

Основным фактором, благодаря которому Папы Римские смогли сравниться с наиболее могущественными светскими государями по степени влияния на европейскую политику, было на-

личие у первых своего государства со всеми необходимыми для него на то время институтами. Глава католической церкви с VIII века имели во владении довольно обширную по итальянским меркам территорию, называемую Папской областью. Чтобы управлять этой территорией одной лишь церковной администрации было недостаточно, а потому на территории Папской области развился светский феодализм и сохранилось городское самоуправление. Это естественным образом приводило как к увеличению ресурсов папства, так и к появлению в его землях сословия воинов и людей, способных сформировать городское ополчение. Благодаря этому, в отличие от глав других христианских конфессий, Папа Римский мог отстаивать свои политические интересы не только с помощью увещаний, но и военным путём. Между прочим, эту возможность понтифика применяли не только для обороны, но и для нападения

После окончательного разрыва с восточной православной церковью в католической церкви было достигнуто догматическое единство; длительное время народные ереси, направленные против церковной иерархии, основывались на различных течениях, отклонившихся от официальной церковной доктрины. Укрепление единства церкви – это не религиозный вопрос, а церковно-административная проблема. Гарантом единства католической церкви стал римский папа. Ссылаясь на высшую власть учения, обусловленного догматами, папа хотел обеспечить также исключительность своего верховенства и в церковно-

административной области. Целью его было создание централизованного абсолютистского церковного правления, которому препятствовала государственно-церковная партикулярная раздробленность европейских феодальных государств, укрепившихся к XI веку, их отрыв от центрального (римского) управления.

Стало очевидным, что правители отдельных государств стремятся укрепить свою власть, опираясь на свои усиливающиеся национальные церкви, следовательно, они не были заинтересованы в дальнейшем упрочении центральной церковной власти. Распадение на национальные церкви в то же время таило в себе опасность того, что эти церкви – подобно восточным – станут самостоятельными и в догматических вопросах, что вело к ликвидации универсализма христианства. Таким образом, папы, стремясь к верховенству, не руководствовались лишь желанием добиться этой ограниченной цели, когда требовали для себя права назначения (инвеституры) высшего духовенства, что прежде было прерогативой светской власти, правителей. Высшее духовенство попадало при этом в зависимость от собственных светских правителей и тем самым вынуждено было обслуживать церковно-административные и церковно-политические цели государства. Этому можно было воспрепятствовать лишь путём соблюдения вселенских церковных интересов, воплощённых в папской верховной власти в результате централизованного управления. Тем самым обеспечивалось единство церкви.

ГУРАМ МАРХУЛИЯ

Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского Государственного Университета (Грузия)

БЕЖАН ХОРАВА

Доктор исторических наук, профессор, Университет Грузии (Грузия)

**ЦЕННАЯ КНИГА О ГРУЗИНО-БАЛТИЙСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ**

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.07>

Распад постсоветского и постсоциалистического пространства повлекли значительные позитивные геополитические перемены. Страны Балтии – Латвия, Литва и Эстония наряду с Грузией пройдя сложный путь своего развития одни из первых вступили в европейскую семью, государства и народы Балтии показали мировому сообществу свою сплоченность и целеустремленность, что было признано европейским сообществом.

Значение изучения истории взаимоотношения Грузии со странами Балтии связана и с тем, что в современном мире новые государства стран Балтии в международных отношениях добились определенных успехов и приобрели свое значение. Комплексное исследование истории стран Балтии и их взаимоотношений с Грузией в контексте общей международной политики от средних веков до новейшего времени представляется актуальным как с исторической, так и политической точек зрения.

Именно в контексте вышеизложенной важности стран Балтии для Грузии грузинским историком Николаем (Нико) Джавахишвили были изучены этапы взаимоотношения Грузии с балтийскими государствами. В результате своего исследования Н. Джавахишвили издал книгу.

Книга Н. Джавахишвили дает представление об авторе исследования, как о подготовленном, квалифицированном специалисте, способном решать сложные научные задачи. Авторская архитектура, логико-исторический «рисунок» заявленного научного исследования в книге определяется широким потенциалом применимости в силу его универ-

сальности и вариативности.

Николай (Нико) Джавахишвили является представителем нового поколения грузинских историков. Он хорошо известен в научных кругах и общественности не только в Грузии, но и за рубежом. Николай (Нико) Джавахишвили доктор исторических наук, профессор Тбилисского государственного университета имени Ивана Джавахишвили. Он является автором многих капитальных исследований по истории Грузии и Кавказа. Следует отметить, что он сравнительно в молодом возрасте монографически изучил две вспомогательные исторические дисциплины – «Грузинская фалеристика (наградоведение)» (Тбилиси, 1995) и «Грузинская бонистика» (Тбилиси, 1996). Тем самым, он положил начало изучению этих дисциплин в Грузии.

После издания этих монографий, он немало усилий приложил к изучению вопросов грузинской фалеристики и грузинской бонистики и издал очерки «Орден царицы Тамар» (Тбилиси, 1998) на грузинском и немецком языках, которые посвящены истории немецко-грузинского военно-политического альянса во время Первой и Второй мировой войны; «Награждение в древней Грузии» (Тбилиси, 1998), «Бонны Демократической республики Грузия (1919-1921 гг.)» (Тбилиси, 1998). С его соавторством вышел каталог «Деньги в Грузии» (Тбилиси, 2003) на грузинском и английском языках.

В сферу научных интересов Н. Джавахишвили входит и изучение грузинских родов. Он изучил историю родов Шаликашвили («Род Шаликашвили. Корни, традиции и современность». Тбилиси, 1997, на груз. и на англ. язы-

ках), Огбаидзе («Род Огбаидзе. К вопросу истории рода». Тбилиси, 2005). Важным вкладом в грузинскую историографию стала его монография «Григорий I – последний грузинский царь» (Тбилиси, 2002). Интересно, что историография периода Российской империи и советская историография считала Григория Иоановича не царем, а претендентом на престол. Однако в настоящей монографии Н. Джавахишвили было высказано мнение, что Григория I следует считать последним царем Картлийско-кахетинского царства. Григорий Иоанович царствовал короткое время, с 20 февраля по 6 марта 1812 года, он был коронован и его имя как царя упомянули в церквях.

Помимо изучения истории грузинских родов, в сферу научных интересов Н. Джавахишвили входит и изучение взаимоотношений грузин с разными странами и народами, которую он исследует почти четверть века. В этом отношении можно назвать его исследования «Грузины под российским флагом (грузинские военные и государственные деятели на службе России в 1703-1917 гг.)», (на русском языке, Тбилиси, 2003) и «Санкт-Петербург – центр русско-грузинских взаимоотношений /1703-2003 гг./» (на русском языке, Тбилиси, 2003), «Грузины под флагом Польши (из истории польско-грузинского военно-политического союза)» (на грузинском и английском языках. Тбилиси, 1998).

Важным вкладом в историческую науку было изучение Н. Джавахишвили взаимоотношение грузин с кавказскими народами «Очерки из истории взаимоотношений грузинского и адыгских народов» сначала на грузинском (Тбилиси, 2005), а потом уже на русском языках (Тбилиси, 1998), «Борьба за свободу Кавказа. Из истории военно-политического сотрудничества грузин и северокавказцев в первой половине XX века» (на русском языке, Тбилиси, 2005).

Одной из важных сфер научных интересов Н. Джавахишвили является изучение грузино-балтийских взаимоотношений. Он посвятил изучению этих вопросов более 20 публикаций. В 2011 г. издательство Тбилисского государственного университета издало монографию Н. Джавахишвили «Очерки из истории грузино-балтийских взаимоотношений» (на

грузинском языке). Презентация книги состоялась в 2013 г. в Латвии и труд автора получил высокую оценку. После того, как на грузинском языке вышла эта книга, на повестку дня стало издание книги на иностранных языках. Наконец, при финансовой поддержке Министерства культуры Латвии, на латвийском языке вышла данная книга в Риге в 2015 г. Интенсивно велась и работа над русской версией, которая и вышла под эгидой Латвийской Академии Наук и института истории Латвии Латвийского университета. Сам факт уделения такого внимания со стороны государственных и научных кругов Латвии говорит о значении книги. Неслучайно, что Н. Джавахишвили в 2014 г. был избран почетным доктором Латвийской Академии Наук. Надо отметить, что он является самым молодым почетным доктором Латвийской Академии Наук.

Книга открывается с предисловия тогдашнего ректора Тбилисского государственного университета, академика АН Грузии Владимира Папава, где он тепло отзывается о книге и его авторе. Потом следует введение автора, где он коротко характеризует грузино-балтийские взаимоотношения и выражает благодарность всем, кто способствовал созданию книги. Сама монография состоит из трех глав, прилагается внушительный перечень использованных источников и литературы, а в приложениях вошли документы, свидетельствующие о грузино-балтийских взаимоотношениях, отзывы и рецензии на книгу Н. Джавахишвили, также прилагается указатель имен, что особо важен для такого рода книги.

Книга является первой попыткой монографического изучения истории взаимоотношений Грузии и Балтийских стран – Литвы, Латвии и Эстонии с IX-X вв., когда намечаются первые контакты, доказывающиеся монетными обращениями, и до наших дней. Эти взаимоотношения имели и имеют многогранный характер – торгово-экономический, культурный, военно-политический и др.

В первой главе – «Грузино-балтийские взаимоотношения с IX до конца XVIII вв.» рассказывается о начале грузино-балтийских взаимоотношений. Монеты, отчеканенные в Тбилиси в IX-X вв., были найдены в странах Прибалтики, что свидетельствует о торгово-

экономических связях Грузии с Прибалтикой. Следующий факт из истории грузино-балтийских взаимоотношений относится к концу XV в. В 1494 году царь Картли Константин II (1478-1505) отправил посла, иеромонаха Кир-Нила в Испанию и Рим. Он сопровождал испанского посла, побывавшего в Картлийском царстве. Послы переплыли Чёрное море, отправились вверх по р. Днепр и через владения Литвы и Польши отправились в Испанию.

Константин II пытался установить военно-политический союз с Испанией против Турции. Путь послов в Испанию лежал через Литву и Польшу. Интересно, что перевод письма Картлийского царя к королеве Изабелле внесен в «Литовскую метрику». Известно, что в «Литовской метрике» хранились тексты документов, содержащих значительные вопросы текущей внутренней и внешней политики Литвы. Как выясняется, письмо грузинского царя к королеве Испании, отражающее общие для христианских стран интересы, грузинский и испанский послы ознакомили правителей Литвы и Польши, и, как важный документ, текст письма был внесен в «Литовскую метрику». Интересно, что полный текст письма прилагается к книге Н. Джавахишвили. Автор своё внимание уделяет тому факту, что в «Литовской метрике» документ датирован 1465 годом, что вызывает сомнение. Хорошо известно, что Константин II царствовал в 1478-1505 годах. Он действительно отправил в Испанию посла Кир-Нила в 1494 году, куда посол прибыл в январе 1495 г.

Последующие параграфы посвящены грузино-балтийским взаимоотношениям в первой трети XVII в. В этот период правители западно-грузинских политических единиц – Одиши (Мегрелии) и Гурии имели довольно интенсивные отношения с Польско-Литовским королевством. Об этом свидетельствуют сведения итальянского путешественника Пьетро дела Вале и материалы посольства Федота Ельчина и Павла Захарьева в Одиши в 1639-1640 гг.

В этот период имелись и интенсивные торгово-экономические отношения между Грузией и Польско-Литовским королевством, о чем свидетельствуют обнаруженные в разное время в Грузии клады европейских мо-

нет, в том числе и монеты, отчеканенные в Польско-Литовском королевстве. По мнению специалистов, европейские монеты попали в Грузию из Польско-Литовского королевства торговым путем – Чёрное море-Днепр, по которому персидский и шир-ванский шёлк перевозили в Европу по маршруту Тебриз-Шемаха-Тбилиси-Кутаиси-Анаклия-Кафа-Днепр-Киев-Варшава. Интересно, что днепровский торговый путь прекратил функционирование в результате русско-польской войны 1648-1654 годов. К середине XVII века в Грузии перестали поступать европейские монеты, в том числе и монеты Речи Посполитой. Совершенно прав автор, когда заключает, что исчезновение польских монет в Грузии в большей степени было обусловлено именно этим событием, которые поначалу затормозили, а потом и вовсе прервали торгово-экономические взаимоотношения между Грузией и Речью Посполитой.

В следующих параграфах автор постепенно рассказывает о путешествии грузинского царевича Александра Арчиловича Багратиони в Прибалтику в свите русского царя Петра I в конце XVII века; о сведениях, сохранных в грузинских источниках XVIII века – в сочинении внука царя Вахтанга VI, царевича Леона Бакаревича Багратиони «Всемирная история», которая в связи со смертью царевича в 35-летнем возрасте, осталась незаконченной, и в учебнике географии, переведенном членом свиты царя Вахтанга VI Габриелом Геловани.

Особый интерес вызывает переведенный царевичем Вахушти Багратиони с русского на грузинский язык «Краткая политическая география» вместе с атласом мира, на картах которого нанесены все известные в то время страны, в том числе и страны Балтии. Рукопись сочинения с прилагаемыми к ней картами, выполненными самим Вахушти Багратиони, ныне хранится в Национальном центре рукописей Грузии им. К. Кекелидзе. Недавно, известный грузинский географ, профессор ТГУ Коба Харадзе издал это сочинение.

В следующих параграфах рассказывается о боевом пути царевичей Афанасия Левановича и Гиоргия Вахтанговича Багратиони в Прибалтику в 40-ые годы XVIII века, о путе-

шествии царевича Пааты Вахтанговича Багратиони в Прибалтику в середине XVIII века, о боевом пути Грузинского гусарского полка в Прибалтику в 50-ые годы XVIII века, о Грузии глазами известного ученого и путешественника Иоганна Антона Гюльденштедта (70-ые годы XVIII века), который родился и вырос в Риге.

Вторая глава «Грузино-балтийские взаимоотношения с конца XVIII – до 20-ых годов XX вв.» состоит из 12 параграфов. Автор, в том же духе, интересно знакомит читателя с собранными им материалами, это Прибалтика глазами вышеупомянутого царевича Григория Иоанновича Багратиони. После выселения из Грузии он вступил в русскую армию, в 1813 году участвовал в заграничном походе, впечатление от которого он описал в своих воспоминаниях «Путешествие из Петербурга в Вильно». Прибалтика глазами царевичей Иоанна Георгиевича и Теймураза Георгиевича Багратиони, известного поэта и генерала Григория Орбелиани, поэта и общественного деятеля Георгия Эристави, рассказывается о грузинских генералах, служивших в Прибалтике с конца XVIII века до 20-ых годов XX века и о грузино-балтийских взаимоотношениях с начала XIX века до 20-ых годов XX века.

Третья глава «Грузино-балтийские взаимоотношения с 20-ых годов XX до середины 10-ых годов XXI вв.» содержит 8 параграфов, в которых автор привлекательно рассказывает о таких вопросах, как латыши в Грузии в 1921-1945 годах, о грузинах в Латвии, о грузино-эстонских взаимоотношениях, о грузино-балтийских взаимоотношениях в эмиграции, о балтийских странах в мировоззрении грузинских эмигрантов (1921-1991 гг.), о грузино-балтийских взаимоотношениях во время II Мировой войны – грузино-латышских, грузино-литовских, грузино-эстонских в 1945-2015 гг.

Автор рассказывает о взаимоотношениях в культуре, искусстве, спорте, науке, медицине и, конечно же, в политике и экономике. Он не забывает не только важную, но и сравнительно маловажную деталь. Но мы, как выходцы из одного из прекрасных уголков Грузии – Абхазии, должны отметить, что с конца XIX века представители балтийских стран с

Абхазией имели тесные взаимоотношения. С 80-ых годов XIX века в Абхазии в нескольких селах – Линдава, Сальме, Сулево, Эстонка проживали эстонцы.

В начале XX века в Абхазии побывали классики эстонской литературы Эдуард Вильде (1865-1933) и Антон Таммсааре (1878-1940), запечатлевшие в своих путевых очерках жизнь края, быт населяющих его жителей.

В книге Н. Джавахишвили упоминается известный эстонский учёный, языковед Л. Мазинг. Надо отметить, что профессор Тартуского университета Леонхард Карлович Мазинг в начале 90-ых годов заинтересовался языками народов Кавказа, в том числе и абхазским языком. С 1 сентября 1895 г. по 31 марта 1896 г. Л. Мазинг находился в научной командировке на Кавказе. Его больше всего интересовал звуковая строй, фонетика кавказских языков. Много внимания он уделял исследованию картвельских языков, в частности мегрельского. Он побывал и в Абхазии и стал записывать абхазские тексты и отдельные слова. В Тарту Л. Мазинг вернулся с обширными записями абхазских текстов и картотекой абхазского языка. В своих лекциях по фонетике и общему языкознанию, которые он читал в Тартуском университете, Л. Мазинг стал широко вводить примеры из кавказских языков, в том числе и абхазского.

Л. Мазинг был одним из учителей абхазского учёного Семёна Ашхацава. В своем очерке «Пути развития абхазской истории» он писал, что оригинальный алфавит, выражающий все звуки абхазского языка, был им составлен в 1906 г. в Юрьеве с помощью профессора Л. Мазинга. После смерти Л. Мазинга его архив перенесли в Научную библиотеку Тартуского университета, где по сей день хранятся материалы мегрельского, собранные Л. Мазингом в Грузии.

Тартуский университет закончил абхазский учёный, историк, археолог и публицист Семён Михайлович Ашхацава (1886-1938). Как уже отмечали, в 1906 г. в Юрьеве, с помощью профессора Л. Мазинга им был составлен оригинальный алфавит, хотя в силу своей сложности никогда не применялся.

В 30-ых годах XX века Лацис Рихард Карлович, по национальности латыш, работал

управляющим Абхазской конторой Госбанка в Сухуми. Он родился в 1898 году, был членом коммунистической партии с 1918 г. В сентябре 1938 г. был арестован, но вскоре, в ноябре, он был освобожден и дело было прекращено.

Как известно, в период Первой мировой войны (1914-1918 гг.) в Грузии нашли убежище немало представителей балтийских стран. Об этом в книге упоминает и Н. Джавахишвили. В начале 20-ых годов XX века в грузинской прессе часто публиковались заметки, относящиеся к данной теме. В журнале «Моамбе» наркомата ВД (№17, 1921 г.) отмечалось, что из Грузии были высланы 7 латышей - в Латвию, 41 литовцев - в Литву, 35 эстонцев - в Эстонию.

В журнале «Моамбе» имеются и другие интересные сведения. Один из номеров (№ 9, 1921 г.) извещал: по сведениям рижских газет, из Парижа в Ригу приедут К. Чхеидзе и Н. Рамишвили, которые посланы по постановлению ЦК Грузинской соц-демократической рабочей партии. Комитет решил отправить делегацию в разные страны для проведения агитации в пользу Грузинской соц-демократической рабочей партии.

Карло Чхеидзе и Ное Рамишвили являлись лидерами меньшевизма в общероссийском масштабе. Николай (Карло) Чхеидзе был членом III и IV Государственных Дум России, где он в течение 10 лет возглавлял фракцию социал-демократов, умело направлял ее работу. После свержения царизма Н. Чхеидзе стоял во главе Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов, был первым председателем ЦИК-а России. После большевистского переворота в октябре 1917 года он возвращается на родину и активно участвует в построении независимой демократической Грузии. В 1919-1921 гг. он был председателем высшего законодательного органа Учредительного собрания. Ное Рамишвили был первым председателем правительства Грузинской Демократической Республики в мае-июне 1918 года и министром ВД, потом уже министром ВД в 1918-1921 гг. В марте 1921 г. Карло Чхеидзе и Ное Рамишвили вместе с другими членами правительства Грузии были вынуждены уехать в эмиграцию и проживали в Париже, где вели активную политическую деятельность.

Н. Джавахишвили отмечает, что в начале 80-х годов XIX века на Черноморском побережье Грузии, в частности в Абхазии, было образовано несколько эстонских поселений. В 1884 г. в близ гагра обрзовались эстонские поселения Сальме и Сулево. В 20-30-х годах XX века они входили в Ермоловский сельсовет. В 1931 г. Ермоловске (с 1944 г. село Леселидзе) образовался колхоз имени Сталина (в будущем колхоз «Дружба»), в который вошли крестьяне Сальме и Сулево. В 1948 г. колхозница Маргарита Камма стала Героем Социалистического Труда. Ее отец Юлиус Чернянгин был одним из первых, который здесь поселился. Маргарите Камма посвящается очерк грузинского писателя Климентий Гогиава и стихотворение грузинского поэта Симона Чиковани. В будущем высокое звание Героя Социалистического Труда получила и колхозница «Дружба» Мария Лоберг.

В 1918-1921 гг. Абхазия являлась автономной единицей Грузинской Демократической Республики. В это время в Абхазии существовало Эстонский Народный Совет. Председателем Совета был педагог Август Густавович Мартин. После избрания в 1919 г. высшего законодательного органа края, Абхазского Народного Совета, А. Мартин стал членом АНС. Вскоре членом Абхазского Народного Совета стал и другой эстонец - Иоханес Михельсон. Он был уроженцем Абхазии, окончил Московскую Петровско-Разумовскую (ныне им. Тимирязева) сельскохозяйственную академию. И. Михельсон был видным энтомологом, работал в Сухуми научным сотрудником Ботанического сада. В конце 1922 г. Советской властью был выслан в Эстонию, где работал педагогом. Умер в 1938 г.

А. Мартин тоже оставил Абхазию после устоновления Советской Власти, в мае 1921 г. В Эстонии он продолжил педагогическую деятельность. Он оставил интересные воспоминания о педагогической деятельности в Абхазии до революции 1917 г. и о его участии в Абхазском Народном Совете.

В Гаграх родился Хуге Александрович Тыйсмис, в будущем проректор Таллинского политехнического института, профессор.

Надо отметить тот факт, что в 1980 г. Абхазский государственный университет в

Сухуми посетил ректор Тартуского университета, депутат Верховного Совета СССР, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, доктор исторических наук, профессор Арнольд Викторович Кооп, личный друг ректора Абхазского государственного университета, депутата Верховного Совета СССР, члена-корреспондента Академии наук Грузии, доктора исторических наук, профессора Зураба Вианоровича Анчабадзе. Ректор Тартуского университета выразил поддержку новому университету от 350 летнего Тартуского университета.

Вспоминается также, что латвийский курорт Юрмала и грузинский город Батуми являются городами-побратимами. Представители старшего поколения несомненно помнят Всесоюзный конкурс молодых исполнителей советской эстрадной песни проходившего в Юрмале с 1986 года по 1989 год. В 1989 году обладателем гран-при этого конкурса стал грузинский певец Сосо Павлиашвили, который воспел свободу Грузии в песне «Свобода». С 2002 по 2014 год в Юрмале проводился международный конкурс молодых исполнителей популярной музыки «Новая волна». На конкурсе «Новая волна» в 2006 г. третье место заняла грузинская певица Софико (Софо Халваши), в 2008 г. победил грузинский дуэт «Georgia» (Мака Замбахидзе и Рати Дурглишвили), в 2013 г. второе место заняла грузинская певица Саломе Катамадзе.

После войны 1992-1993 гг. в странах Балтии нашли приют представители интеллигенции Абхазии. Надо отметить, что в Латвии проживает известный врач-уролог, Гига Толордава, родом из Сухуми. Один из авторов данного отзыва (Бежан Хорава) был участником научно-практической конференции «Академические, Политические Вызовы и Проблемы Развития: Грузия, Абхазия и Южная Осетия», проходившей в Вильнюсе в июне 2011 года. Организатором конференций являлась Центр Исследований Восточной Европы. В работе конференции принимали участие представители академических кругов Абхазии и Цхинвальского региона. Из Абхазии: историки Резо Кация, Сослан Салакая, Ройн Агрба; из Северной Осетии, представители неправительственных организаций Элона Плаева и

Игорь Дулаев; из Тбилиси Давид Чичинадзе, Кетеван Чачава, Деа Царцидзе, Бежан Хорава. На конференции Б. Хорава представил доклад на тему: «История и культура: перспективы сотрудничества грузинских и абхазских учёных». Для участников конференции неизбежна гостеприимство Центра Исследований Восточной Европы, особенно директора Центра Кристина Вайчунайте и руководителя Отдела Анализа и Исследования Политики Центра Витиса Юркониса.

И наконец, по всеобщей переписи 2014 г. в Грузии проживают литовцев – 98, латвийцев – 81, эстонцев – 47.

После издания книги Н. Джавахишвили на грузинском языке, он опубликовал также несколько статей в научных сборниках, две из них – «Латвия, Латыши и их добрые друзья грузины в моем видении» и «Лабдиен, Латвия!» – вошли в рецензируемую книгу как приложения. Опубликованные Н. Джавахишвили научно-популярные статьи на грузинском языке, в популярном историческом журнале «Историани», проникнуты большой любовью к балтийским странам и народам, и вызывает такое же чувство у читателей.

Книга Николая Джавахишвили «Очерки истории грузино-балтийских взаимоотношений» выполнена на высоком уровне. Немаловажно и то, что она хорошо оформлена, в нем множество фотографий и написана хорошим языком. Книга важна и тем, что с изложением истории грузино-балтийских взаимоотношений, автор попутно знакомит читателя с историей Грузии и Балтийских стран. Президент Латвийской академии наук академик Оярс Спаритис и другие рецензенты дали высокую оценку научной деятельности Николая Джавахишвили. Нельзя не согласиться с господином Оярсом Спаритисом, который в своем письме к тогдашнему ректору ТГУ имени И. А. Джавахишвили, академику Владимиру Папава пишет: «По оценке лучших представителей академических кругов Латвии вышеупомянутая монография – «настольная книга», которая «представляет собой большую энциклопедическую ценность». Со своей стороны академик В. Папава совершенно справедливо назвал автора «своеобразным мостом между академическими кругами Грузии и стран Бал-

тии – Латвии, Литвы и Эстонии, которое он заслужил долгим и действительно кропотливым трудом».

Значение книги Н. Джавахишвили для историков трудно переоценить. Книга дает ясное и емкое представление о динамике развития взаимоотношении Грузии со странами Балтии, позволяет оценить достижения про-

шлого. Полагаем, что книга Н. Джавахишвили «Очерки истории грузино-балтийских взаимоотношений» может послужить основой для дальнейших исследований богатых грузино-балтийских взаимоотношений, а также уверены, что работа Н. Джавахишвили станет настольной книгой для ученых историков и специалистов международных отношений.

GURAM MARKHULIA

Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)

BEZHAN KHORAVA

Doctor of History, Professor, The University of Georgia (Georgia)

A VALUABLE BOOK ABOUT GEORGIAN-BALTIC RELATIONS

Summary

The collapse of the post-Soviet and post-socialist space entailed significant positive geopolitical changes. The Baltic States - Latvia, Lithuania and Estonia, along with Georgia, having gone through a difficult path of development, were among the first to join the European family, the states and peoples of the Baltics demonstrated their unity and purposefulness to the world community, which was recognized by the European community.

The importance of studying the history of Georgia's relations with the Baltic States is also connected with the fact that in the modern world the new states of the Baltic States have achieved certain successes in international relations and acquired their significance. A comprehensive study of the history of the Baltic States and their relations with Georgia in the context of general international politics from the Middle Ages to modern times seems relevant from both historical and political points of view. It was in the context of the above-mentioned importance of the Baltic States for Georgia that the Georgian historian Nikolai (Niko) Javakhishvili studied the stages of Georgia's relations with the Baltic States. As a result of his research, N. Javakhishvili published a book.

The book by N. Javakhishvili gives an idea of the author of the study as a trained, qualified specialist, capable of solving complex scientific problems. The author's architecture, logical and historical «pattern» of the declared scientific study in the book is determined by the wide potential of applicability due to its universality and variability. Nikolay (Niko) Javakhishvili is a representative of the new generation of Georgian historians. He is well known in scientific circles and the public not only in Georgia, but also abroad. Nikolay (Niko) Javakhishvili is a doctor of historical sciences, professor at the Ivane Javakhishvili Tbilisi State University. He is the author of many fundamental studies on the history of Georgia and the Caucasus. It should be noted that at a relatively young age he studied two auxiliary historical disciplines in monographs: "Georgian Phaleristics (Award Studies)" (Tbilisi, 1995) and "Georgian Bonistics" (Tbilisi, 1996). Thus, he initiated the study of these disciplines in Georgia. After the publication of these monographs, he put a lot of effort into studying the issues of Georgian phaleristics and Georgian bonistics and published essays "The Order of Queen Tamar" (Tbilisi, 1998) in Georgian and German, which are dedicated to the history of the German-Georgian military-political alliance during the First and Second World Wars; "Rewarding in Ancient Georgia" (Tbilisi, 1998), "Bonistics of the Democratic Republic of Georgia (1919-1921)" (Tbilisi, 1998). With his co-authorship, the catalogue "Money in Georgia" (Tbilisi, 2003) was published in Georgian and English.

One of the important areas of scientific interest of N. Javakhishvili is the study of Georgian-Baltic relations.

He has devoted more than 20 publications to the study of these issues. In 2011, the publishing house of Tbilisi State University published N. Javakhishvili's monograph «Essays on the History of Georgian-Baltic Relations» (in Georgian). The presentation of the book took place in 2013 in Latvia and the author's work received high praise. After this book was published in Georgian, publishing the book in foreign languages became an issue. Finally, with the financial support of the Ministry of Culture of Latvia, this book was published in Latvian in Riga in 2015. Intensive work was also carried out on the Russian version, which was published under the auspices of the Latvian Academy of Sciences and the Institute of Latvian History of the University of Latvia. The very fact that such attention was paid to the book by the state and scientific circles of Latvia speaks of its significance. It is no coincidence that N. Javakhishvili was elected an honorary doctor of the Latvian Academy of Sciences in 2014. It should be noted that he is the youngest honorary doctor of the Latvian Academy of Sciences. The book opens with a preface by the then rector of Tbilisi State University, academician of the Georgian Academy of Sciences Vladimir Papava, where he warmly speaks of the book and its author. Then follows the author's introduction, where he briefly characterizes the Georgian-Baltic relations and expresses gratitude to everyone who contributed to the creation of the book. The monograph itself consists of three chapters, an impressive list of used sources and literature is attached, and the appendices include documents testifying to the Georgian-Baltic relations, reviews and reviews of the book by N. Javakhishvili, and an index of names is also attached, which is especially important for this kind of book. The book is the first attempt at a monographic study of the history of relations between Georgia and the Baltic countries – Lithuania, Latvia and Estonia from the 9th-10th centuries, when the first contacts, proven by coin circulation, were outlined, and up to the present day. These relations had and have a multifaceted character – trade and economic, cultural, military and political, etc. The first chapter – “Georgian-Baltic relations from the 9th to the end of the 18th centuries” tells about the beginning of Georgian-Baltic relations. Coins minted in Tbilisi in the 9th-10th centuries were found in the Baltic countries, which testifies to trade and economic ties between Georgia and the Baltics. The next fact from the history of Georgian-Baltic relations refers to the end of the 15th century. In 1494, the King of Kartli Constantine II (1478-1505) sent an ambassador, Hieromonk Kir-Nil, to Spain and Rome. He accompanied the Spanish ambassador who visited the Kingdom of Kartli. The ambassadors sailed across the Black Sea, went up the Dnieper River and through the possessions of Lithuania and Poland went to Spain.

The importance of N. Javakhishvili's book for historians is difficult to overestimate. The book gives a clear and comprehensive idea of the dynamics of the development of Georgia's relations with the Baltic countries, and allows us to evaluate the achievements of the past. We believe that N. Javakhishvili's book «Essays on the History of Georgian-Baltic Relations» can serve as a basis for further research into the rich Georgian-Baltic relations, and we are also confident that N. Javakhishvili's work will become a reference book for historians and specialists in international relations.

НОДАР БЕРУЛАВА

Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского Государственного
Университета (Грузия)

ОБ ОСВЕЩЕНИИ НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ АРХЕОЛОГИИ АБХАЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.08>

(Продолжение, начало в № 28).

В связи с таким безапелляционным суждением, А. Скакову было бы не лишним напомнить, что любое раннегосударственное объединение, любая складывающаяся древняя народность консолидируется вокруг доминирующего элемента, поглощающего этнически родственные и неродственные соседние племенные группы. Этническая монолитность на данном этапе развития практически всегда относительна. Изредка случается, что доминантной в данном процессе становится пришлая, иноязычная и сравнительно малочисленная, но консолидированная и пассионарная группа, которая впоследствии сама растворяется в местном этносе, но создает для него государственные структуры и даже оставляет после ассимиляции свое название (например, норманны-русы, тюрки-булгары, германцы-франки и др.).

Но колхи – определенно не тот случай. Они явно были ведущим этносом в Восточном Причерноморье как по уровню развития и консолидации, так и по демографическим показателям. И если А. Скаков пытается доказать, что картвельский элемент был в античное время лишь одним из многих на территории полиэтнической Колхиды, то как объяснить практически полную картвелизацию территории нынешней Западной Грузии, да и турецкого Лазистана, в последующие периоды? Когда она должна была произойти?

Для нас, однако, важнее то, что автор, несмотря на все оговорки, судя по контексту, все же признает колхов пусть не единственным, но все же весьма значимым этническим элементом в этом регионе. При этом не отрицает, что в их владения входил и центр нынешней

Абхазии – г. Диоскурия (вообще по всем источникам и Питиунт входил, ну да ладно). Одновременно он также признает, что в смежных районах Абхазии и нынешнего Краснодарского края проживали пусть не собственно колхские, но картвельские племена мосхов. К этому надо добавить и сванов, безусловно, всегда граничивших с зано-колхами с востока, а значит, отличающиеся варианты нагорья восточной Абхазии и смежных районов Сванети («джантух-лариларская культура» по А. Скакову) логичнее всего приписать им.

Племенные группы неясного происхождения (кораксы, колы) он просто «выносит» за пределы Абхазии. Т. е., на территории Абхазии для предков абхазского этноса места практически не остается за исключением верховьев Бзыби или, вернее, междуречья Бзыби-Псоу, причем, возможно, тоже не полностью (отмечается например, что картвелы-мосхи, живут «на границе Абхазии и Краснодарского Края»), но неясно, с какой стороны этой границы). Если в вышеописанной ситуации какое-либо абхазо-адыгское племя и вклинилось бы между колхами, мосхами и сванами, то вряд ли оно смогло бы избежать ассимиляции, причем за не столь уж продолжительное в историческом плане время (следует помнить, что прямой потомок собственно колхского языка, мегрельский – самый легкий для изучения в данном регионе, а в конкуренции языков, особенно бесписьменных, это очень весомый фактор).

Но и таких примеров автор привести не может и о наличии абхазо-адыгского элемента даже где-нибудь на окраинах Абхазии вынужден говорить лишь предположительно. Т.е., все отмеченные им на территории Абха-

зии племена выходят либо картвельские, либо неясного происхождения, причем последние занимают лишь весьма скромный кусок нынешней западной Абхазии. Что же касается представителей многих десятков разноразличных племен, сходящихся в начале позднеантичного периода на торговлю в Диоскурию, то кто сказал, что все они пришли с территории Колхиды? Тогда похожая картина была бы не только в Фазисе, но и в Гиеносе, Апасаросе, Трапезунде и др., везде, где были греческие торговцы. Лежащая вне Фазисской магистрали Диоскурия всегда была ориентирована на торговлю прежде всего с севером и после разорения Питиунта, очевидно, была ближайшим удобным торговым пунктом для всего Северо-Западного Кавказа. К тому же, эти сведения относятся уже к другой эпохе, когда бурные этно-политические процессы на Северо-западном Кавказе на рубеже н.э. (наличие которых признает и А. Скаков), безусловно, увеличили этническую пестроту региона.

В главе, названной «Перевальные маршруты через Главный Кавказский хребет» наше внимание привлекла лишь одна мысль автора – о «практической непроходимости для крупных масс кавалерии густо заросшего лесом и прегражденного до недавнего времени непроходимыми скалами, Черноморского побережья», где еще в XIX в., по словам путешественников, «отвесные скалы перегораживали дорогу», «горы, примыкавшие к морю, в редком месте позволяли втащить на них лошадей», «объехать их было невозможно, «дорожка» в горы «в недалеком расстоянии делалась невозможной для лошадей», и т.д. На этом основании А. Скаков, вслед за рядом других исследователей, отрицает существование в древности т.н. «Меото-Колхидской дороги» и считает, что вторгавшиеся с севера кимерийцы и пр. использовали сезонные пути – перевалы Гебеафцаг и Гурдзиафцаг в Раче, а также Клухорский и другие перевалы связывавшие Абхазию и Кисловодскую котловину, к которым лишь в раннее средневековье добавились Мисимианский и Даринский «пути».

В связи с этим хочется задать вопрос не-

много не к месту: а с какой стороны Кавказского хребта формировалась абхазо-адыгская языковая общность? Ведь совершенно очевидно, что складываться одновременно по обе стороны столь труднопреодолимой географической преграды, даже при наличии сезонных путей сообщения с ограниченными возможностями вроде «Меото-колхидской дороги», она не могла. К югу от хребта она, однако, фактически представлена только одним, небольшим абхазским этносом, который к тому же, генетически и антропологически ближе к грузинам. И все попытки найти в южнокавказской топонимике, археологии и т.д., следы проживания в древности родственных абхазам или, скорее, черкесам, этносов (игнорируя при этом, кстати, гораздо более многочисленные данные о грузинских племенах к северу от Колхиды) не отменяют того простого факта, что все остальные народы этой языковой группы живут к северу от Большого Кавказа. Родственные языки же должны формироваться на компактной территории, без столь серьезных внутренних границ и лишь впоследствии, уже окончательно сформировавшись, могут расширить свой ареал, дробиться, полностью или частично перемещаться в другое место и т.д. Так что же является вторичным – поселение абхазов к югу от Большого Кавказского хребта, или черкесов, абазин, адыгов, кабардинцев, джиков, садзов и многих других – к северу от него?

В главе: «Греческая колонизация Восточного Причерноморья» А.Скаков защищает давно поставленный под сомнение в грузинской историографии тезис о полной независимости и полноценности греческих колоний в Колхиде, что логически проистекает из отрицания им наличия в регионе серьезной местной государственности. Свои взгляды на данный сложный вопрос мы уже высказали несколько лет назад в специальной монографии и здесь останавливаться на нем стоит лишь в той степени, в какой он затрагивает основную тему разбираемой статьи – состояния местного общества в рассматриваемый период.

По утверждению А. Скакова, ко времени начала колонизации местной государственности не существовало. Соответственно, не было силы, способной ограничить самостоятельность колоний. Мифическая держава Ая была отождествлена с Колхидой позже, а о существовании якобы разрушенного кимерийцами государства (а не объединения племен)

Кулха ни-какой внятной информации нет.

Мы бы остерегли нашего уважаемого коллегу от скороспелых выводов относительно отсутствия элементов государственности в «стране Кулха». Как уже отмечалось выше, насчет разрушения Кулхи кимерийцами трудно что-либо сказать, но страна, в центральные районы которой были города, управлявшиеся царской администрацией, а не вождями и местными царьками (в Илдамусе урарты убили царского наместника –«irdi») и сумевшая оттяпать весьма жирный кусок от находящегося в зените могущества Урарту, может называться государственным образованием, очевидно, с гораздо большей долей вероятности, чем, например, Княжество Само, Русь времен первых Рюриковичей и почти любое из «варварских королевств» пост-античной Европы (включая даже, возможно, державу франков меровингских времен).

В этом смысле советско-российская историография, известная своей политизированностью, отличается двойными стандартами. Например, весьма внушительному гето-дакийскому объединению Берибисты и Децибала в статусе «государства» было отказано в пику строптивому Чаушеску, тогда как не имевшая даже собственного названия и распавшаяся сразу после смерти создавшего ее вождя «Держава Само» объявлялась таковой для умаствления жестоко обиженных в 1968 г. «братьев-славян» (чехов и словаков). Пока государство считалось формой организации только классового общества, наличие государственности на той или иной территории пытались доказать прежде всего по признакам далеко зашедшей социальной дифференциации. Если же внятных сведений о классах в той или иной древней стране не было, то всегда можно было объявить, что она «могла быть просто объединением племен» (впрочем, когда требовалось доказать обратное, то и межплеменные склоки вроде убийства древлянами Игоря могли объявить «антифеодалным выступлением»). Теперь, когда главным признаком государства считается наличие в стране надплеменных общих структур, а классы объявляются вторичным явлением, аргументов против признания государствами (или хотя бы «ранне-государственными образованиями») стран типа Диаохи и Колхиды, практически не остается. Но даже если допустить, что Кулха не вполне отвечала нынешним представлениям о «государстве», почему

сильное, богатое объединение во главе с «царем» не могло послужить основой для мифа о державе Аэта? И если даже, как предполагает ряд нынешних российских ученых, «мифическая страна Айя» первоначально Колхидой не являлась, то разве последующее их отождествление ничего не говорит о международном престиже последней?!

Теперь о том, что . «Во второй половине VII – первой половине VI вв. до н.э. (своего рода «смутное время») материальная культура региона так сильно меняется, что есть все основания трактовать её не как хронологический этап, а как новую культуру, хотя и генетически связанную с более ранними памятниками». Тут не совсем так. Следует учесть, что поселения Гуадику, Красный Маяк и Сухумская Гора существовали еще до VII в. до н.э., но смена населения, какие-либо заметные этнические или демографические сдвиги в античное время в них не прослеживаются.

Далее А. Скаков говорит о том, что Эшерское поселение в эллинистический период представляет собой город с греческим населением, в который, вероятно, переместился центр Диоскурии. Но почему только «с греческим населением»? Эшерский могильник III-II вв. до н.э. – колхский (как и не менее 80-90% эшерской керамики, согласно Г. К. Шамба). Даже Ю. Н. Воронов, также постоянно подчеркивавший колониальный характер данного поселения, вынужден признать на этом основании его «варваризацию» в данный период. Что касается монументальной архитектуры, то в эллинистическую эпоху она везде принимает более-менее греческий облик, даже в неприморском Вани или в скифском Неаполе. Причем, значительная ее часть в Эшере датируется временем Митридата, который создал здесь фактически новый город – военную базу (катойкию). Вероятно, были тут и деревянные постройки более местного облика, (а они обычно бывали даже в действительно греческих колониях) но дерево в местных условиях долго не сохраняется.

Основываясь на сведениях «Политии Фасиан» об основании греческой колонии в Фазисе неким Фемистогором милетским, автор полемизирует с грузинскими учеными, допускавшими существование на местах будущих колоний местных догреческих поселений. Однако, и в этом случае вывод А. Скакова не бесспорен. Догреческое местное поселение в Фазисе (как и Диоскурии) могло быть, а мог-

ло и нет. Могли существовать и поселения городского типа и небольшие поселки, ставшие городами при содействии колонистов. Сведения «Политии фасиан» об основании Фазиса неким Фемистагором говорят об основании греческого поселения, а не поселения вообще, которое вполне могло быть и раньше. Основываясь на столь несовершенной письменной (скорее легендарной) базе утверждать что-либо трудно, пока не найдены сами города. Колониальная практика того времени вполне допускала основание греческого поселения внутри местного, с параллельными городскими структурами и это ничего не говорит ни о степени развития местного общества, ни о степени независимости колоний. Но следует помнить, что единственная (кроме Эшеры) частично раскопаная «греческая колония» в регионе, Гиенос, греческим поселением никак не выглядит, поскольку кроме раковин устриц, которые употребляли в пищу в основном греки и нескольких единиц керамики, там почти не найдено их следов. Да и в Эшере большая часть греческой архитектуры появляется лишь в позднеэл-линистический период, особенно при Митридате, который колхов отсюда просто вытеснил, а их могильник уничтожил. И еще: наличие у той или иной колонии статуса полиса также далеко не всегда говорит о степени ее независимости. В эллинистический период различные цари (как потом и римские императоры) охотно давали городам этот статус и расширяли хоры, попутно, однако, сворачивая их реальную автономию.

Весьма странным представляется нам утверждение А. Скакова о том, что «Уровень знаний греков о Колхиде и, тем более, об её внутренних районах, был невысок. Неслучайным в этой связи выглядит и весьма незначительное количество находок в Колхиде монетных импортов классического и эллинистического периодов». Если раннеантичных импортных монет в Колхиде найдено 24 единицы (что уже не назовешь «весьма незначительным количеством»), особенно учитывая наличие в стране местного платежного средства – «колхидок»), то в эллинистический период статеры Александра, Лисимаха и пр. здесь уже исчисляются сотнями, появляется подражание им местного царя Акеса и даже весьма неплохого качества местные серебряные «колхидки» не выдерживают их конкуренции. Прогресс очевиден и комментарии, по моему, излишни.

Социальное раслоение, по наблюдению А. Скакова, прослеживается в могильниках Абхазии не ранее V-IV вв. до н.э., возможно, под влиянием греческого социума. «К этому же периоду относятся и первые достоверные сведения о возникновении в Западном Закавказье царской власти... Впрочем, и в начале новой эры царская власть установилась не у всех племен Восточного Причерноморья. В частности, Арриан отмечает отсутствие царской власти у саннов».

И здесь не совсем верно поставлены акценты. Доантичная Кулха и Диаохи, где царей упоминали еще ассирийцы и урарты, это тоже Западное Закавказье. А что касается классовой дифференциации, то данной темы мы уже касались. Следует также учитывать, что Абхазия была, очевидно, не самой развитой, северной окраиной Колхиды. Что же касается отсутствия царей у саннов, то это еще один довод против того, чтобы валить все местные племена в одну кучу и судить, в частности, о колхах по гениохам, как это делает А. Скаков вслед за Ю. Вороновым.

Далее автор приводит известные факты истории Колхиды, говорящие, по его мнению, против версии о существовании здесь независимого государства и настоящей местной царской власти: «По сообщению Геродота, колхи и их северные соседи были данниками персов, а Страбон говорит об их вхождении в державу Митридата Понтийского и управления «наместниками» или «правителями» царя. В 83 г. до н.э. колхи восстали против наместников и потребовали от Митридата назначения его сына царем Колхиды. Царство Митридата Филопатора-Филадельфа было недолгим, уже в 80 г. он был обвинен, возможно, не без оснований, отцом в сепаратистских стремлениях и казнен. ...Считающийся скиптрономцем колхов Олтак, согласно Плутарху, происходил из правителей жившего по берегам Метиды племени дандариев, то есть, очевидно, не являлся ни скифом, ни колхом. ... Известны базилевс Ака (190-е – 180-е гг. до н.э.) и поставленный в 63 г. до н.э. Помпеем правителем Колхиды Аристарх, причем и тот и другой чеканили свою монету».

И этот пассаж требует разъяснения. От персов колхи отделались довольно слабой зависимостью, причем недолгой (Геродот уже говорит о ней в прошедшем времени). То, что царствовавший на Фазисе современник Ксенофонта считался «потомком Аэта», указыва-

ет на династические традиции колхов. Митридат, согласно Помпею Трогу, оправдывал захват Колхиды неким «наследством» или «завещанием», якобы дающим ему право на это. «Наследовать» Колхиду Митридат мог только от ее царя, причем царя с достаточно крепкой властью (подобные оправдания захватов практиковали и римляне, да и византийцы также). Т.е. – опять намек на монархический строй в Колхиде. О том же говорят и неоднократно восстания колхов против Митридата с требованием дать им своего царя, к чему они, очевидно, привыкли в предшествующий период. Все это не дает оснований отрицать наличие монархии в Колхиде. Олтак же был чиновником Митридата и мог быть из любого региона его империи. О политическом строе Колхиды в предшествующий период его этническая принадлежность ничего не говорит.

Ака, это, по мнению исследователей, Акусилох, один из гарантов договора, заключенного царем Понта Фарнаком со своими противниками в 179 г. до н.э. А гарантами Фарнак выбирал серьезные государства Причерноморья (Боспор, Синопу и т.д.), но никак не владетелей уровня гениокских царьков. Аристарха же Страбон называет «династом», что тождественно титулу «скептух». Т.е., очевидно – один из местных князей. Он был международно признанным правителем страны, ни в чем не уступая соседним царям. Подобно им он, в частности, посмел не помочь римлянам в войне с парфянами после битвы при Каррах, что указывает на определенную самостоятельность. Факт выпуска им монет (причем со своим именем!) также о многом говорит, поскольку это право римляне давали вассальным царям весьма неохотно. Отсутствие при всем при этом у него титула царя можно объяснить только тем, что он не принадлежал к династии потомков Аэта. Иначе говоря, в столь важном вопросе он, несмотря на все покровительство Рима, вынужден был уступить приоритет местным династическим традициям.

Касаясь вопроса о месте чеканки серебряных монет – «колхидок», А. Скаков пытается примирить две версии – об их эмиссии в греческой колонии Фазисе, или в каких-либо центрах Колхидского царства. Он допускает, «что в какой-либо период Фазис стал столицей полуварварского Колхидского царства. В таком случае было бы понятно, почему Ксенофонт считает правившего в это время потомка Аэта царем не колхов, а фасиан. На том основании,

что Псевдо-Скилак не называет Диоскурию, в отличие от Фазиса и Гиеноса, «эллинским городом», учёный предполагает, что возможно, в какой-то момент и Диоскурия «перестала быть греческим полисом, став резиденцией варварского правителя».

Подобных гипотез можно создать множество. Для нас важнее сам факт широкого распространения колхидок на основной территории страны, при чем далеко не только в приморских городах. Кем бы ни производилась формально эмиссия монет, ясно, что денежное обращение в Колхиде было достаточно развитым. Примечательно, что в Иберии и Албании, где наличие государства в последние века до н.э. никем не оспаривается, даже в этот, сравнительно поздний период нет ничего подобного. Да и в Армении – еще вопрос, хотя она была расположена ближе к центрам античного мира, а при Тигране даже успела побыть великой державой. Это тоже аргумент в пользу относительной развитости колхского общества.

Как видим, А. Скаков, в принципе, не отрицает существования государственности как в р-не Фазиса, так и Диоскурии (при чем во главе с местными, пусть и несколько эллинизированными династами). При этом, как указывалось выше, оба этих города он связывает с этнической территорией собственно колхов. Однако, судя по контексту, он, вслед за Ю. Вороновым, склонен считать это мелкими, «номовыми» образованиями. На это можно возразить, что античная традиция всегда считала Колхиду единой страной, иллюстрацией чему является хотя бы вышеприведенный пример с Савлаком, пусть и основанный на легендарных или полуполулегендарных данных. Согласно ему, труднодоступное нагорье Колхиды («Земля соанов») считалась владением колхских царей, центр которых, однако, находился в другом месте. И после Савлака единая царская власть, пусть и ограниченная усилившимися «скептухами», сохраняется. Все это, конечно же, не исключает возможности периодов временного распада страны или переноса царской резиденции из одного города в другой. Впрочем, факт денежной эмиссии в Фазисе или Диоскурии еще не означает автоматически, что столица в данный период находилась именно в этом городе.

Отдельная глава – «События второй половины IV в. до н.э.» посвящена анализу военно-политических коллизий этого периода.

В это время в северо-западной Колхиде произошли какие-то серьезные вооруженные столкновения, одним из эпицентров которых было Эшерское городище. А. Скаков, вслед за М. Высоким, связывают данные события с проникновением в Абхазию с Северного Кавказа войска меотов, захоронения которых обнаружены к юговостоку от Сухуми. Он склонен разделять версию М. Высокого, считавшего, что меоты были наняты Диоскурией в качестве «пограничной охраны». Основную же угрозу для греков и прочих жителей побережья, по мнению Скакова, представляли активизировавшиеся в тот период племена «джантух-лариларской культуры», которых он связывает со сванами и «фтерофагами», отвергая популярное в абхазской историографии отождествление их памятников с колами и кораксами.

В свое время мы имели возможность коснуться разрушения и освобождения Эшерского городища на рубеже IV-III вв. до н.э., бывшего по версии М. Высокого и А. Скакова одним из основных эпизодов какого-то большого конфликта в Северной Колхиде. Тогда мы были склонны приписывать данное нападение находящимся под боспорским влиянием синдо-меотским, или каким-либо еще северным племенам, с возможным участием боспорских владетелей, вероятно имевших союзников среди местных, сепаратистски настроенных греков. К сожалению, тогда мы не располагали данными о возможном длительном нахождении на указанной территории меотских отрядов, а также – о следах конфликта между «джантух-лариларскими» племенами (т.е., сванами) и населением остальной части Абхазии. Честно говоря, совершенное явно с моря нападение на Эшеру не очень вписывается непосредственно в предложенную А. Скаковым картину конфликта, но его можно так или иначе представить одним из эпизодов «смутного времени», всех аспектов которого мы сейчас уяснить не в состоянии. Однако в целом, думается, можно принять версию М. Высокого и А. Скакова в качестве рабочей гипотезы и посмотреть, к каким выводам она может привести.

Вместе с тем, на наш взгляд, версия эта несколько надуманная. Ее очевидная цель – показать греков Диоскурии, как самостоятельную политическую силу. Однако (если мы ее примем), кто сказал, что нанять меотов могли только греки? Все это вполне вписывается и

в версию о Колхидском царстве. Ведь начало периода эллинизма, по мнению исследователей – время предполагаемого его ослабления, возможно и дезинтеграции. В таких условиях вполне возможна была угроза со стороны вышедших из под контроля сванских (или, по терминологии А. Скакова, «джантухско-лариларских») племен, оспаривавших первенство у колхов. Последующее «могущество» соанов ведь не могло возникнуть на пустом месте и беспроблемными васалами колхов они не были никогда, включая лазский период.

Подобная ситуация должна была беспокоить как греков, так и колхов и обратиться за помощью к меотам могли и те и другие. А могли и сваны, тем более, что большинство дорог, через которые могли прибыть меоты, контролировали они. И, что немаловажно, они располагали золотом для найма. К тому же, отмеченные автором основные следы возможных военных действий выявляются на территории колхов (и греков-колонистов), в то время как меотское влияние чувствуется на границах «джантух-лариларского» и «ингурионского» ареалов. Т.о., сванские племена вместе с меотами вполне могли быть нападающей стороной, а колхи и находящиеся под их покровительством греки (а также – племена «бзыбской культуры») – обороняющейся. Впрочем, если учесть, что нападение на Эшеру явно произошло с моря, проблема должна была быть гораздо шире, включать в себя как элементы междоусобной войны, так и внешние вторжения, привлечение зарубежных союзников и т. п.

В последней главе труда А. Скакова – «Этническая номенклатура региона в начале нашей эры» дана этно-племенная карта региона этого периода. Учёный разделяет мнение о наличии в это время сложных этно-политических и миграционных процессов, приведших к смещению ряда этнонимов Северо-Западного Кавказа и Абхазии на юго-восток и кардинальном изменении этнической ситуации региона. Правда, во второй половине рассматриваемого периода (II-III вв.), он констатирует уже обратное движение – в северо-западном направлении, очевидно, под давлением картвельских племен. А. Скаков придерживается традиционных взглядов на этническую принадлежность перечисляемых Аррианом «раннегосударственных образований», относя лазов к картвелам, а абазгов и ап-силов – к предкам абхазов. Открытым

оставляет вопрос о санигах, связь которых как с позднейшими садзами, так и с какими-либо картвельскими племенами считает неаргументированной. Впрочем, он не исключает «возможность проживания в данном регионе отдельных картвельских племен», одним из которых «могли бы быть свано-колхи Птолемея».

«Свано-колхи» (как, вероятно, и «соаны»), это, очевидно, другое название санигов иначе как объяснить отсутствие последних у Птолемея (как и столь внезапное, полное исчезновение вроде бы мощнейшего в регионе, соанского объединения)? В любом случае, стоит отметить констатацию автором наличия картвельских племен к северу от собственно Колхиды даже в этот период. Эти же данные Птолемея обесценивают замечание автора о том, что сваны якобы граничили с Диоскурией лишь с востока. И сванские и колхские племена жили как восточнее, так и западнее этого города. Авторы, локализирующие санигов западнее Диоскурии, просто не пишут о том, что находилось в тот момент к востоку и северо-востоку от неё. Сванети, или ее часть, вполне могли входить в царство санигов, хотя его центр, возможно, переместился на запад. В любом случае, столь внезапное исчезновение весьма мощного соанского объединения трудно объяснить, если не допустить, что соаны и были санигами.

На этом мы завершаем критический обзор публикации А. Скакова. Подитоживая наши наблюдения, мы признаём, что в целом рассматриваемая статья российского археолога представляет определённый научный интерес в плане постановки и решения тех или иных вопросов этнокультурной истории древней Колхиды и, безусловно, заслуживает внимания.

Как уже было отмечено выше, главной целью автора явно было – показать, что грузины не являются единственными аборигенами Восточного Причерноморья и, следовательно, их претензии на историческое наследие могут быть оспорены. Оспорены, конечно же, прежде всего другими обитателями данного региона – абхазами. В этой связи, естественно, интерес вызывает прежде всего территория между рр. Псоу и Ингури. Именно это является политическим составляющим данной публикации. Чтобы разобраться как всё это удалось А. Скакову, следовало бы с начала разъяснить грузинскую точку зрения на проблему.

Принято считать, что грузины оспаривают право аборигенности и, как следствие – все политические права абхазов в этом регионе, на основании «пришлости» последних. В том числе – и право считать эту страну своей. Однако, в данном положении неверно расставлены акценты. Безусловно, Абхазия является единственной родиной именно для абхазов, когда бы они ни появились на данной территории. И если даже кто-нибудь когда-нибудь сумеет доказать, что предки нынешних абхазов являются относительно недавними пришельцами или, как считает антрополог В. Алексеев, некогда говорили на одном из картвельских диалектов и лишь потом «перешли на адыгскую речь» (что нередко воспринимается, как вариант той же гипотезы), это не отменит того факта, что данная нация в своем нынешнем виде сложилась здесь, когда бы это ни произошло.

Другое дело, что и для грузин, хотя их понятие родины гораздо шире, оно все же включает в себя и Абхазию, причем для их малой части – Абхазию в первую очередь. И грузины, соответственно, являются здесь не диаспорой, а коренным населением, пусть и не единственным коренным. Право на такое отношение грузинам дает история данного реги-она, где грузинский элемент присутствовал всегда, с древнейших времен, будучи то в боль-шинстве, то в меньшинстве, а порой, вероятно, превалировал здесь безраздельно.

Обычно это называют «двуаборигенностью» и данный термин всегда вызывал в сепаратистских кругах критику по формуле: «на одной территории двух аборигенов быть не может» (еще как может и таких примеров немало – вообще, понятие «одна территория» – искусственное, не существует территории, которая никогда не делилась на части). Абхазские ученые всегда бескомпромисно пытались доказать, что территория между Псоу и Ингури (по крайней мере) всегда была исконно абхазской и ничьей больше. При этом особое значение придается выше рассмотренному, древнейшему периоду истории, поскольку «исконность» понимается, как изначальное владение.

Чего в такой ситуации должны ожидать заказчики от российского ученого, работающего на идеологическом фронте в условиях «холодной войны» с Грузией? Безусловно, в первую очередь – опровержения доводов противной стороны. Но какое из вышеприведен-

ных положений он опроверг? Всё, что следует из приводимых им, долго собираемых и взвешиваемых доводов, это то, что археологическая культура Колхиды не совсем однородна и в ней можно вычленивать локальные варианты, дающие основания для предположений (только предположений!) о проживании в некоторых регионах античной Колхиды некартвельских этнических групп.

Что на это можно ответить? А то, что представить себе территориально более-менее обширную археологическую культуру, которая была бы полностью однородной вообще трудно, если не невозможно. Тем более – на территории со столь разнообразным ландшафтом, как Кавказ. Данные культуры формировались и развивались на протяжении веков, охватывая территории с различающимися географическими, природно-хозяйственными, климатическими, внешнеполитическими и прочими условиями. Формировались они в условиях племенной разобщенности и замкнутости, которая едва ли могла быть полностью преодолена даже при наличии объединяющего несколько племенных общностей ранегосударственного образования. Ничего удивительного, если в подобной ситуации в единой материальной культуре выделяются локальные варианты, которые при желании можно объявить, как это и делает А. Скаков, «рядом самостоятельных, хотя и родственных культур», входящих в некую «культурно-историческую общность».

Этногенез – процесс сложный и представить изначально «этнически чистую» народность, без иноэтнических примесей, невозможно пожалуй, даже теоретически. Племена-носители той или иной археологической культуры, распространяясь по ойкеуму, встречались с инородными группами, подчас интегрируя или полностью асимилируя их. Затем и в их исконный ареал могли вторгнуться и интегрироваться другие иноэтнические элементы. Но интеграция и ассимиляция – процесс двусторонний и материальная культура поглощаемого этноса также может оставить следы в культуре этноса-победителя или его части. Наконец, материальная культура входящих в единый культурный ареал племен должна испытывать и влияние соседних культур. Причем, испытывать в разной степени в разных своих частях, в зависимости от степени соседства и интенсивности контактов. К тому же, неоднократно упоминаемая выше интеграция

иноязычных племен не обязательно должна быть полной. Интегрируемые племенные группы вполне могут довольно долгое время сохранять свой язык, перенимая при этом материальную культуру своих соседей даже в большей степени, чем некоторые этнически более близкие последним, но географически более далекие племена той же культуры.

Вопрос об отношении культурной и языковой близости древних народов, как, кстати, отмечает и А. Скаков, – спорный и делать конкретные выводы здесь следует весьма осторожно. Известно например, что языки двух картвельских этнографических групп, некогда входивших и в ареал Колхидской культуры и в Колхидское государство – мегрелов и сванов, хотя и имеющие общий корень, по сей день достаточно сильно различаются и факт наличия в прошлом этой общей для них археологической культуры (как и в целом, последующего вхождения в единую грузинскую народность) нисколько не мешает этому обстоятельству. В то же время восточногрузинские племена, по языку пожалуй еще более близкие мегрело-чанам (собственно колхам), чем сваны, в большинстве своем ни в ареал Колхидско-кобанской культуры, ни в Колхидское царство вовсе не входили, хотя часть их (в первую очередь месхов-мосхов) вероятно, была некогда под политическим влиянием колхов и даже жила вперемешку с ними, в конце концов колхизировались.

В такой ситуации принципиально исключать возможность проживания на каком-то этапе в отдельных областях древней Колхиды и более-менее воспринявших колхидскую материальную культуру некартвельских этнических групп столь же бессмысленно, как и в случае с любой другой этно-культурной общностью и не стоило здесь ломиться в открытые двери. Другой вопрос, есть ли возможность выяснить, где конкретно жили эти гипотетические инородные племена, кем они конкретно были и что с ними в итоге стало. Вот здесь и кроется самый интересный момент (главная неожиданность для наших абхазских коллег) умозаключений А. Скакова.

Пытаясь вычленивать внутри исторической Колхиды собственно колхскую этническую территорию он, вместе с центральной Колхидой, вдруг, взял да включил в нее и нынешний Сухумский район, а также, как минимум, часть Гудаутского (по крайней мере, район Эшеры, являвшейся по его мнению частью г. Диоску-

рии, на каком-то этапе даже её центром). Да ещё и плюс ко всему, и в районе нынешней абхазо-российской границы (т.е., бассейн р. Псоу) нашёл ареал проживания картвельских племен – мосхов, а нагорье севера и востока Абхазии («Джантухско-лариларскую культуру») при всех оговорках связал с «соанами» (сванами). И это в то время, когда племена кораксов и колов, которых абхазские ученые однозначно объявляют исключительно предками нынешних абхазов, автор вообще вынес за пределы Абхазии (и надо сказать, довольно убедительно)!

Теперь зададимся сакральным вопросом: так чья же была территория Абхазии в этот древнейший период истории? После всего вышесказанного, если и удастся вычленить где-нибудь в горах Абхазии уголок для потенциальных предков современных абхазов, то неизбежно встанет вопрос – как они туда попали и как сумели не только избежать асимилиации, но в итоге размножиться и занять всю Абхазию?

Гораздо естественнее будет предположить, что абхазо-адыгских племен на данной территории в тот период вообще не было и они пришли позже. Но когда и откуда пришли? Если уж предполагать наличие в ареале колхских племен каких-то инородных элементов, то гораздо увереннее можно говорить и о наличии в античную эпоху на Северо-Западном Кавказе (во всяком случае в его приморских районах) картвельского элемента. Л. Соловьев именно этим объяснял наличие здесь обильной свано-мегрельской топонимики. В этой связи обычно вспоминают упоминание Аррианом в районе Туапсе топонима Старая Лазика. Но есть и более конкретный, развернутый вариант, почему-то упорно не замечаемый исследователями: Аноним V в. (иногда называемый Псевдо-Аррианом, поскольку повторяет сведения Арриана, автора II в.) отмечал, что от Старой Ахеи (в 35 км. севернее Туапсе) до р. Ахеунта (нын. Шахэ), где в его время живет народ зигов, прежде обитали «иниохи (гениохи), кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы».

Нетрудно заметить, что из перечисленных народов по крайней мере три последние – явно картвельские. Происхождение остальных неясно, хотя исключать и их принадлежности к тому же этносу также нельзя. Напомним, что Арриан считается одним из наиболее надежных авторов, к тому же факт обитания

в данном регионе картвельских племен подтверждается самим наличием топонима Старая Лазика. Единственный этноним, который здесь можно более-менее уверенно причислить к абхазо-адыгской группе, это зиги (джики?), описанные как недавние пришельцы в Северо-Восточном Причерноморье, вытеснившие оттуда всех прочих. Победа над столькими исконными племенами региона становится понятной только, если предположить, что «зиги» – термин собирательный для большой группы племен. Не отражен ли в данном отрывке факт появления в Северо-Восточном Причерноморье абхазо-адыгских народов, вытеснивших более древнее население?

К сожалению неясно, к какому времени относится этот процесс. Напомним, что здесь речь идет не об Абхазии, где, следуя элементарной логике, абхазо-адыги должны были появиться еще позже. Ясно, что для автора это событие относительно недавнее, но кто этот автор? Аноним V в. или живший тремя веками раньше Арриан, сведения которого Аноним повторяет? Учитывая сохранившееся в тексте Арриана упоминание «Старой Лазики», а также - что появление «горской стихии» в Абхазии акад. Г. А. Меликишвили датирует рубежом н.э., вышеприведенный отрывок, свидетельствующий о наличии сложных миграционных процессов в соседних регионах Кавказа, скорее должен принадлежать самому Арриану. Но и эта, наводнившая Абхазию «стихия» (появившиеся в тот период в Абхазии апсилы, абазги и пр.) очевидно, должна была быть в основном частью не зигского объединения, а вытесненных им прежних обитателей Северо-Восточного Причерноморья, среди которых силен был картвельский элемент, так что появление абхазо-адыгов в Колхиде даже в это время – еще не факт. Эта сложнейшая проблема требует дальнейшего изучения.

Несколько слов в этой связи хотелось бы сказать и о крупных северных соседях Колхиды – гениохах. Мы уже говорили о неправомерности столь резкого разделения гениохов и колхов. Можно ли уверенно утверждать, что разница между ними была намного больше, чем, к примеру, между эграми и лазами? На наш взгляд, при определении этнического происхождения гениохов следует учесть, что источники подчеркивают разноплеменность гениохов, разное происхождение гениоховских племен. Это явно означает нечто большее,

чем просто деление на несколько племен, иначе то же самое можно было бы сказать практически о любом древнем народе. Исходя из этого, именно этноним «гениохи» (а не «колхи», как все время пытается доказать А. Скаков) правильнее считать собирательным для нескольких разноязычных групп, в определенной степени объединенных какими-то общими историческими преданиями.

Как известно, гениохских «царств» было несколько (предположительно – четыре). Вполне возможно, что эти «царства» были разноязычными. Кроме того, эти «царства» делились на «скептухии», из коих некоторые также могли быть иноязычными общинами. И если гениохи говорили не менее, чем на четырех языках, то после всего вышесказанного трудно представить, что в их число не входил какой-нибудь диалект собственно колхского (занского) и сванского языков. Оставшиеся два языка могли быть и картвельскими (картвельских языков и диалектов в то время, вероятно, было больше, чем сейчас) и абхазо-адыгскими и ирано-скифскими, но непосредственно соседствовали с колхами скорее всего колхоязычные гениохи.

И, несмотря на то, что гениохи в общем и целом всегда входили в ареал колхидской археологической культуры (не этим ли вызвана была известная пассивность российских археологов в изучении их территории?), вхождение в разные политические структуры, вероятно, должно было стимулировать и некоторые различия в материальной культуре даже этих гениохов с собственно колхами. Исходя из этого, даже наличие того, что А. Скаков называет «бзыбской культурой» еще не гарантирует резких этнических отличий данного региона от остальной Колхиды. Этническое ядро гениохов (т.е., та группа, от которой название «гениохи» распространилось на остальные) первоначально могло быть и колхоязычным (мегрело-чанским) и сванским, и каким-либо еще. Традиционное, хотя и не бесспорное, представление о поэтапности заселения на протяжении всей бронзовой эпохи западного Закавказья поочередно адыго-черкесскими, затем сванскими и в итоге – колхскими племенами (которое, очевидно, разделяет и А. Скаков) говорит скорее в пользу сванов, поскольку, согласно вышеприведенной схеме, именно они должны были непосредственно предшествовать колхам на их земле. Однако это не означало сохранения данной группой какого-то

особого положения на протяжении веков.

Если между гениохскими «царствами» все это время и сохранялся какой-то политический союз, то гегемония, вероятно, неоднократно переходила от одного из них к другому в зависимости от ситуации. Все вышеприведенные данные не исключают, конечно же, того факта, что первоначальный регион формирования картвельского этноса лежал, очевидно, к югу от Главного Кавказского хребта, однако уже в античную (а судя по археологическим и мифологическим данным, и в бронзовую) эпоху протокартвельские племена были весьма существенно представлены и к северу от него.

Таково наше общее впечатление от публикации А. Скакова. Суммируя умозаключения российского ученого в двух словах, можно выделить следующие основные выводы автора: Колхидская (а тем более – Колхидско-кобанская) культура, как и последующая материальная культура Восточного Причерноморья, не вполне однородна, на основании чего нельзя исключать (как, впрочем, и утверждать), что отдельные ее варианты могут принадлежать этнически отличающимся от колхов племенным группам, в т.ч. и не картвельским. Собственно колхам, однако, принадлежала территория не только Мегрелии (междуречье Ингури-Риони), но и нынешней Абхазии, во всяком случае – ее центральные районы, включая Сухумский. В дальнейшем, в начале н.э., правда, колхи были существенно оттеснены на юго-восток, но вскоре сумели частично восстановить ситуацию, прочно утвердившись в восточной части нынешней Абхазии, а также аннексировав Апсилию и подчинив Абазгию. О границах последних, впрочем, уверенно ничего сказать нельзя, но и в конце античного периода ареал общего распространения абхазских (или считающихся таковыми) племен, даже включая интегрированную в Царство Лазов Апсилию, едва ли заходил намного юговосточнее Диоскурии. Во всяком случае, до Ингури не доходил.

В целом, изложенная в вышеприведенной статье концепция А. Скакова ближе всего примыкает к компромиссным взглядам, господствовавшим в советское время и худо-бедно устраивавшим обе стороны. Впрочем, тогда тоже были разночтения: абхазские историки, на словах не отрицая культурную, а возможно – и политическую близость населения Абхазии («колхов в широком смысле») с «собственно колхами» (мегрело-чанскими), все

же пытались представить это население, как абхазоязычный субстрат, а территорию Абхазии, соответственно – как исконную колыбель исключительно своего этноса. Вопрос об абхазо-грузинских этнических границах той эпохи обычно обходился стороной, хотя предполагалось, что они приблизительно соответствовали административным границам Абхазской АССР (правда, порой, намекалось, на что предки абхаз-адыгов были первопоселенцами не только территории нынешней Абхазии, но и всей древней Колхиды, во всяком случае, Восточного побережья Чёрного моря уж точно.

Грузинские же ученые напротив, полагали, что в этнический ареал «собственно колхов» входила во всяком случае весьма значительная часть нынешней Абхазии, хотя также старались не заикливаться на этом щекотли-

вом моменте. Какому из этих вариантов ближе концепция автора, предоставляем судить читателям. Нетрудно заметить, что целью наших комментариев была не столько критика отдельных положений автора (что было бы затруднительно сделать в полном объеме в рамках одной статьи), сколько констатация того факта, что концепция А. Скакова, если даже принять ее полностью, при объективном рассмотрении скорее подкрепляет традиционный грузинский взгляд на проблему, чем абхазский. Дело в том, что А. Скаков, надо отдать ему должное – профессионал, для которого профессиональная этика, очевидно, не является отвлеченным понятием и не дает ему (в отличие от его предшественника Ю. Воронова) полностью жертвовать объективностью в угоду конъюктуре.

Литература:

- [1]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 49-50.
- [2]. Проблемы греческой колонизации Северного и восточного Причерноморья. Тб., 1978.
- [3]. Н. Берулава. Город Диоскурия-Себастопольс в античную эпоху (VI в. до н.э.-III в. н.э.). Тб., 2022 (на груз.яз.).
- [4]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 25.
- [5]. См. Г. Федоров, Л. Полевой. «Царства» Берибисты и Децибала: союзы племен или государства? Вопросы Истории, 1984, №7, с. 61-74; Т.Златковская. Племенной союз гетов под руководством Берибисты (Iв. до н.э.). ВДИ, 1955, №2, с. 73-91.
- [6]. См. История Средних веков, т.1. М., 1952, с.195-196.
- [7]. История СССР, т. 1, М., 1956, с. 73.
- [8]. Например, см. И. Я. Фроянов. К истории зарождения Русского государства. – Из истории Византии и византиеведения. Л., 1991.
- [9]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 61.
- [10]. М.Трапш. Труды, 2, с. 19, 27,54, 56, 223, 268 и др.; А.Каландадзе. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953, с.76.
- [11]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 64-65.
- [12]. Г. Шамба. К истории Абхазии в раннеантичную эпоху. Проблемы греческой..., с.341.
- [13]. Ю. Н. Воронов... Причерноморье в эпоху эллинизма. Тб., 1985, с. 460.
- [14]. Г.Лордкипанидзе.Колхида в VI-II вв. до н.э. Тб., 1978, с. 69-70.
- [15]. Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь, 2003.
- [16]. О подобных базах-катойкиях Митридата см.: М.Сопрыкин. История Понтийского царства. М., 1996, с. 313 и др.
- [17]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 64-65.
- [18]. М.Инадзе. Причерноморские города древней Колхиды. Тб., 1968, с.157-158.
- [19]. Д.Качарава. Г.Гиэнос в античную эпоху. Авториф. Канд. Диссертации. Тб., 1982,с. 32; Г.Лордкипанидзе, ук.соч., с.18.
- [20]. Г.Лордкипанидзе, ук.соч., с.45.
- [21]. Всемирная история, т.2, М., 1956, с.232-233, 626.

- [22]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 67.
- [23]. Г. Дундуа. Нумизматика античной Грузии. Тб., 1987, с. 33-37.
- [24]. Г. Дундуа. Грузинская нумизматика Тб., 2006 с. 45, с. 71-72 (на груз. яз); Г. Дундуа. Нумизматика античной Грузии. Тб., 1987, с. 42-55.
- [25]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 67-68.
- [26]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 68.
- [27]. Геродот. История. См., В.Латышев, ук. соч., с. 9.
- [28]. Помпей Трог. Введение к Филипповским историям. Латышев..., т. 2, с.63.
- [29]. Самый яркий пример – захват Пергама по «завещанию» Аттала III. См., К.Колобова. Аттал III и его завещание // Древний мир. М., 1962, с.553-554.
- [30]. Это особенно наглядно было продемонстрировано византийскими властями в I половине XI века, когда, заполучив подобные «завещания» от грузинских и армянских династов, Константинополь расширил свои владения на востоке присоединив Таойское царство Давида III-го куропалата, а также территории Васпураканского и Анийского царств. Об этом подробно см.: С. Т. Еремян. Присоединение Северозападных областей Армении к Византии в XI в. – Вестник общественных наук АН Армянской ССР, 1971, №3, с. 4-15; Р. М. Бартикян. К вопросу о политической ориентации Григория Магистра. – Страницы истории и филологии армянского народа. Ереван, 1971, с. 63-72; В. П. Степаненко. О причинах и датировке передачи Васпуракана Византии. – Византийский временник, 38, 1977, с. 72-79; К. Н. Юзбашян. Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г. – Византийский временник. 1979, с. 76-95; В. П. Степаненко. К идентификации личности «Веста» «Матиане Картлиса». – Византийский временник, 41, 1980, с. 163-172; В. А. Арутюнова-Фиданян. Армянские средневековые историки об экспансии Византийской империи на Восток в X-XI вв. – Историко-филологический журнал, №2, 1978, с. 15. С. Toumanoff. The Background to Manazkert. – Proceedings of the XIII-th Internatioanl Congress of Byzantine Studies. London, 1968, с. 425; Ш. А. Бадридзе. Взаимоотношения Грузии с Византией и крестоносцами. Тб., 1984, с. 72 (на груз.); З. В. Папаскири. Возникновение единого грузинского феодального государства и некоторые вопросы внешнеполитического положения Грузии. Тб., 1990, с. 36-37 (на груз. яз.); З. В. Папаскири. От Давида до Давида. Из истории международных отношений Грузии. 70-е годы X – 80-е годы XI вв. Тб., 2001, с. 26-27 (<http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/29903/1/OtDavidaDoDavida.pdf>).
- [31]. А. И. Немировский. Понтийское царство и Колхида. – Кавказ и Средиземноморье. Тб., 1980, с. 155; Т. Т. Тодуа. Колхида в составе Понтийского царства. Тб., 1990, с. 40-41;
- [32]. Страбон. ук. соч., с.157.
- [33]. К. Голенко. Аристарх колхидский и его монеты. – ВДИ, 1984, №4, с. 110-111.
- [34]. М.Инадзе. Древнеколхидское..., с.275.
- [35]. Д. Капанадзе, К. Голенко. К вопросу о происхождении колхидок. – ВДИ, 1957, №4, с. 95.
- [36]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 69.
- [37]. М. Ф. Высокий. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования. – Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XIV. Москва-Магнитогорск, 2004, с. 405.
- [38]. М. Высокий. Греческая колонизация Восточного Причерноморья..., с. 405.
- [39]. См. Н. Берулава. Город Диоскурия-Себастополис и район Сухумской..., с. 74-85.
- [40]. А. Ю. Скаков, А. И. Джопуа. Древнейшие погребения Джантухского могильника. – Историко-археологический альманах. Вып. 9. Армавир-Краснодар-Москва. 2009. с. 17-27; А. Ю. Скаков. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье. – Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. Сборник статей к 100-летию со дня

- рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010. с. 48-67.
- [41]. М. Инадзе. Древнеколхидское общество. Тб., 1994, с. 271 (на груз. яз.).
- [42]. А. Скаков. ук. соч. с. 50, 72.
- [43]. Ю. Виноградов. Бронзовая плита с надписью из Вани. Приложение: Надпись на бронзе из Эшеры. – ВДИ, 1995, №3.
- [44]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 74-76.
- [45]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 76.
- [46]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 76.
- [47]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 76
- [48]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 76.
- [49]. В. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. М., 1974, с. 193-194.
- [50]. З. Папаскири. Абхазия и абхазы в общегрузинском этно-культурном и политико-государственном пространстве. Часть I. – Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических наук. Институт стратегических исследований Кавказа. Т. 2. Вып. 2, 2008. CA&CC Press®, Швеция, с. 129. – http://www.ca-c.org/c-g/2008/journal_rus/c-g-2/10.shtml.
- [51]. Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории Абхазов, с. 437.
- [52]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 36.
- Ещё акад. Н. А. Бердзенишвили считал «антиисторичным» утверждение об этнической однородности древней Колхиды и «колхов». См.: Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии. Тб., 1990, с. 538 (на груз. яз.).
- [53]. Л. Соловьев. Диоскурия-Себастополис-Цхум. – Труды Абхазского гос. музея. 1947. Вып. 1. Сухуми, 1947, с. 128.
- [54]. Арриан Фл. ОБЪЕЗД ЭВКСИНСКОГО ПОНТА, #28. В. В. Латышев. Известия ..., с.399-400.
- [55]. В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и римских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1890, с. 278.
- [56]. В. В. Латышев. Известия древних писателей..., с. 179, 276.
- [57]. З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 131-134
- [58]. Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории Абхазов, с. 117.

NODAR BERULAVA

Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)

ON THE COVERAGE OF SOME CONTROVERSIAL ISSUES OF ABKHAZIAN ARCHAEOLOGY IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Summary

In connection with such a categorical judgment, it would not be superfluous to remind A. Skakov that any early state unification, any emerging ancient nationality is consolidated around a dominant element, absorbing ethnically related and unrelated neighboring tribal groups. Ethnic monolithicity at this stage of development is almost always relative. It rarely happens that a foreign, foreign-language and comparatively small, but consolidated and passionate group becomes dominant in this process, which subsequently itself dissolves into the local ethnic group, but creates

state structures for it and even leaves its name after assimilation (for example, the Normans-Rus, Turkic Bulgars, Germans-Franks, etc.). But the Colchians are definitely not such a case. They were clearly the leading ethnic group in the Eastern Black Sea region both in terms of development and consolidation, and in terms of demographic indicators. And if A. Skakov tries to prove that the Kartvelian element was only one of many in the territory of the polyethnic Colchis in ancient times, then how can we explain the almost complete Kartvelization of the territory of present-day Western Georgia, and of Turkish Lazistan, in subsequent periods? When should it have happened? For us, however, it is more important that the author, despite all the reservations, judging by the context, still recognizes the Colchians as, if not the only, then still a very significant ethnic element in this region. At the same time, he does not deny that their possessions also included the center of present-day Abkhazia, the city of Dioscuria (in fact, according to all sources, Pitiunt was also included, but oh well). At the same time, he also admits that in the adjacent regions of Abkhazia and today's Krasnodar region lived, if not actually Colchian, then Kartvelian tribes of the Moskhs. To this we must add the Svans, who certainly always bordered the Zano-Colchians from the east, and therefore, the different versions of the highlands of eastern Abkhazia and the adjacent regions of Svaneti («Djantukh-Larilar culture» according to A. Skakov) are most logically attributed to them. He simply «transfers» tribal groups of unclear origin (Koraks, Koly) outside the borders of Abkhazia. That is, on the territory of Abkhazia there is practically no room left for the ancestors of the Abkhaz ethnic group, with the exception of the upper reaches of the Bzyb or, more accurately, the Bzyb-Psou interfluvium, and perhaps not completely (for example, it is noted that the Kartvelians-Moskhs live “on the border of Abkhazia and the Krasnodar Territory,” but it is unclear on which side of this border). If in the situation described above some Abkhaz-Adyghe tribe had wedged itself between the Colchians, Moskhs and Svans, then it would hardly have been able to avoid assimilation, and in a not very long time in historical terms (it should be remembered that the direct descendant of the Colchian language itself, Megrelian, is the easiest to study in this region, and in the competition of languages, especially unwritten ones, this is a very significant factor). But the author cannot give such examples and is forced to speak only hypothetically about the presence of the Abkhaz-Adyghe element even somewhere on the outskirts of Abkhazia. That is, all the tribes he noted on the territory of Abkhazia are either Kartvelian or of unclear origin, and the latter occupy only a very modest piece of today's western Abkhazia. As for the representatives of many dozens of multilingual tribes who came together at the beginning of the late antique period to trade in Dioscuria, who said that they all came from the territory of Colchis? Then a similar picture would have been not only in Phasis, but also in Gienos, Apsaros, Trebizond, etc., wherever there were Greek traders. Dioscuria, which lies outside the Phasis highway, was always oriented toward trade primarily with the north and after the destruction of Pitiunt, was obviously the closest convenient trading point for the entire Northwestern Caucasus. Moreover, this information already refers to another era, when the turbulent ethno-political processes in the Northwestern Caucasus at the turn of the century AD (the existence of which is also recognized by A. Skakov) undoubtedly increased the ethnic diversity of the region.

This is our general impression from A. Skakov's publication. Summarizing the conclusions of the Russian scholar in a few words, we can highlight the following main findings of the author: The Colchian (and even more so the Colchian-Koban) culture, as well as the subsequent material culture of the Eastern Black Sea region, is not entirely homogeneous, on the basis of which it cannot be excluded (as, incidentally, it cannot be asserted) that its individual variants may belong to tribal groups ethnically different from the Colchians, including non-Kartvelian ones. The Colchians, however, owned not only the territory of Megrelia (the Inguri-Rioni interfluvium), but also that of

present-day Abkhazia, or at least its central regions, including Sukhumi. Later, at the beginning of the Common Era, the Colchians were significantly pushed back to the southeast, but they soon managed to partially restore the situation, firmly establishing themselves in the eastern part of present-day Abkhazia, and also annexing Apsilia and subjugating Abazgia. It is impossible to say anything with certainty about the borders of the latter, however, but even at the end of the ancient period the area of common distribution of the Abkhazian (or considered as such) tribes, even including Apsilia integrated into the Kingdom of the Lazes, hardly went much further southeast than Dioscuria. In any case, it did not reach Inguri. In general, the concept of A. Skakov presented in the above article is closest to the compromise views that prevailed in Soviet times and more or less suited both sides. However, there were also discrepancies then: Abkhaz historians, while not denying in words the cultural, and perhaps even political, closeness of the population of Abkhazia (“Colchians in the broad sense”) with the “Colchians proper” (Mingrelians-Chans), nevertheless tried to present this population as an Abkhaz-speaking substrate, and the territory of Abkhazia, accordingly, as the original cradle of their own ethnic group exclusively. The question of the Abkhaz-Georgian ethnic borders of that era was usually ignored, although it was assumed that they roughly corresponded to the administrative borders of the Abkhaz ASSR (although, at times, it was hinted that the ancestors of the Abkhaz-Adyghe were the first settlers not only of the territory of present-day Abkhazia, but also of all of ancient Colchis, in any case, of the Eastern coast of the Black Sea for sure. Georgian scholars, on the contrary, believed that the ethnic area of the “Colchians proper” included, in any case, a very significant part of present-day Abkhazia, although they also tried not to dwell on this delicate point. We leave it to the readers to judge which of these options is closer to the author’s concept. It is easy to see that the purpose of our comments was not so much to criticize individual provisions of the author (which would be difficult to do in full within the framework of one articles), but rather a statement of the fact that A. Skakov’s concept, even if accepted in full, upon objective examination rather reinforces the traditional Georgian view of the problem than the Abkhazian one. The fact is that A. Skakov, to his credit, is a professional for whom professional ethics is obviously not an abstract concept and does not allow him (unlike his predecessor Yu. Voronov) to completely sacrifice objectivity for the sake of the situation.

LIA AKHALADZE

Doctor of History, Associate Professor Sokhumi State University (Georgia)

CULTURAL AND EDUCATIONAL POLICY OF THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF GEORGIA IN ABKHAZIA

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.19>

Abstract. The article discusses the cultural and educational policy of the Democratic Republic of Georgia in Abkhazia. Based on a cyclic study of the Legal Acts of the Democratic Republic of Georgia, the press, archival documents, memories of statesmen and other historical sources of 1918-1921, the reforms carried out by the government of the First Republic in the field of education and culture are analyzed. The government of the Democratic Republic of Georgia, right from the declaration of independence, on May 26, 1918, started reforms throughout Georgia, including Abkhazia: they laid the foundation for the formation of a modern educational system and a new type of educational relations, for the first time, all educational institutions were institutionally subordinated to the state, «nationalized» and regulated the educational process. They supported and financed the professional development of teachers, paid great attention to the educational rights of national minorities, especially Abkhazians, created several higher primary schools - in Sukhumi, Gagra, Ochamchire and Samurzakhano, and transformed the Sukhumi teacher's seminary into an educational institute with educational content. In Abkhazia, the first professional unions of teachers were formed at this time. At Tbilisi State University, for the first time in the history of the Abkhaz people, the foundation was laid for the scientific study and research of the Abkhaz language.

As a result of the policy pursued by the government of the Democratic Republic of Georgia in 1918-1921, the first music and theater societies were formed in Abkhazia by professional cadres sent from Tbilisi, which laid the foundation for the institutional development of professional music and theater collectives in the future. In the conditions of democratic

Georgia, the famous Abkhazian writer and public figure Dimitri Gulia, with the support of his friends from Tbilisi, was able to create the first Abkhazian-language newspaper, which was later canceled by the Bolshevik government.

Keywords: *Georgia, Democratic Republic, Abkhazia, education, culture, politics.*

Main text. Studying the history of education and culture of the Democratic Republic of Georgia was a taboo topic in the historiography of the Soviet period. According to Vakhtang Beridze, the government of the Democratic Republic of Georgia at that time was recognized as the most evil enemy and traitor of the people, they mechanically removed from our history even what the people themselves created in those years, they drew a line on the creativity of the people at that time... But those years were very fruitful from the spiritual and creative point of view. In all fields of culture - science, education, literature and art - in that short period of time, despite the difficult economic conditions, Georgia, surrounded by hostile forces on all sides, created many new and important things. Creative life was amazingly diverse and intense. Such excitement is only possible during national upsurge. .. At the same time, these years cannot be «mechanically disconnected from the previous years and limited only to the years 1918-1921. What was created then was prepared earlier, it was an organic continuation of the purposeful creative activity that preceded independence and - this is the main thing - prepared this independence in the field of spiritual life (Beridze, 1992: 3).

The policy of the Democratic Republic of Georgia in the fields of education and culture is reflected in the legal documents, archival

materials and records that were issued by the National Council of Georgia, and then by the Constituent Assembly of Georgia, from the date of adoption of the Act of State Independence. The government's attitude towards the protection of the rights of national minorities living in Georgia can be read in the mentioned documents. First of all, the issue of representation of national minorities in the National Council of Georgia was regulated at the legislative level. National minorities were allowed to elect 26 deputies to the representative body of the country. Among them were Armenians, Azerbaijanis, Abkhazians, Russians, Ossetians, Georgian Jews and Jews, Greeks and Germans. Abkhazians had 3 representatives in the National Council (Collection of Acts, 1990: 62). This right gave national minorities new opportunities for active involvement in political, educational and cultural spheres.

At the turn of the 19th and 20th centuries, great importance was given to humanitarian studies in Georgia, in particular to Georgian studies, which was especially strengthened after the establishment of Tbilisi State University. During the years of the Democratic Republic of Georgia, in parallel with the Georgian studies, the professorship of the newly founded university laid the foundation for the scientific study of Caucasian languages, and field studies in the direction of the Caucasus were developed. Since the time of the Democratic Republic of Georgia, Tbilisi State University has turned into the main research and educational center of Caucasia. Ivane Javakhishvili laid the foundation for this work and paid special attention to the study and research of the Abkhazian language among the Caucasian languages. For this purpose, he introduced an Abkhazian language course at the university, and invited the Abkhazian writer and poet Dimitri Gulia to deliver it at Tbilisi State University. In fact, from that time the foundation of Abkhazology as a scientific research direction was laid and its institutional development began. This is where the real history of Abkhazology begins: staff training, scientific research and

teaching of the Abkhazian language, training of new staff for primary and high schools. Before that, nothing like this happened anywhere, in any university (Akhaldze, 2021: 102).

The Ministry of Education of the Democratic Republic of Georgia paid a lot of attention to the schools of Abkhazia, teachers were sent to the schools there from Tbilisi, Kutaisi, but mainly the teachers were trained by the Sukhumi Educational Seminary (Chumburidze, 2000: 79), which existed since 1915. During the years of the Democratic Republic, its status was expanded and transformed into an educational institution.

One of the first legal acts in the Democratic Republic of Georgia regarding the protection of the cultural and educational rights of national minorities was the Law of the National Council of Georgia and the Republic of Georgia of September 13, 1918 on «Nationalization of Educational Institutes and Seminaries». The adoption of the mentioned document was preceded by the report of the Minister of Education of the Democratic Republic of Georgia, Giorgi Lashkhishvili, which he presented to the National Council on August 2, 1918. In the report, the author described the problem of bringing educational institutes and seminaries into conformity with national-state interests, which was of fundamental importance for the educational policy of an independent country. During this period, there were 4 pedagogical schools in Georgia: Tbilisi Institute of Mastery, Gori, Khoni and Sukhumi Educational Seminaries. In the report, the minister described the current situation in the country in terms of teacher training and talked about how the internationalization of these schools should be implemented. For this purpose, the non-Georgian classes had to be closed in the mentioned educational institutions, because the seminary for Azerbaijanis was already opened in Ganja, and for Armenians - in Yerevan. Georgian departments remained in educational seminaries and institutes of mastery, only in Sukhumi there would be Georgian and Abkhazian departments, for which Giorgi Lashkhishvili requested additional credit from the government for the new,

Abkhazian department of the Sukhumi seminary. After Giorgi Lashkhishvili's report, a special law project was prepared, which envisaged the transformation of teachers' seminaries of mastery into Georgian educational institutions. As mentioned above, the Law on «Nationalization of Educational Institutes and Seminaries» was adopted on September 13, 1918. According to the law, «a) the former national departments of Tbilisi Institute and Gori Seminary should be abolished, b) Tbilisi Institute of Mastery, Gori, Khoni and Sukhumi Seminaries should be declared as Georgian state schools, c) an Abkhaz department near the Sukhumi seminary should be opened d) all four schools should be given credit from the state treasury according to the budget attached here» (Collection of Acts, 1990: 63). The mentioned document provides important information about the national educational policy of the Democratic Republic of Georgia, which was founded in the first year of the state's formation. Three months after the adoption of the Act of Independence of Georgia, the government of Georgia adopted the state law, thus creating the foundation for the national education system. At the same time, for the first time in the history of education in Abkhazia, an Abkhaz department was institutionally established at the Sukhumi Seminary with state funding, which later became the precursor to the establishment of the Abkhaz National School. It is true that there were Georgian and Abkhazian sectors on an optional basis before the Sukhumi Educational Seminary, but from an institutional point of view, it was legalized and officially financed by the state during the Democratic Republic of Georgia (Akhaldze, 2021: 104).

The issue of the internationalization of the Sukhumi educational seminary is wrongly depicted in the Soviet historiography and is considered as a manifestation/fact of the pressure and oppression of the Abkhazian people by the Menshevik government of Georgia. In fact, the state of Georgia abolished the Russian educational system and began to build the Georgian educational system, abolished compulsory teaching in the

Russian language and declared the Georgian language as the compulsory educational language of the mentioned educational institutions. At the same time, with the creation of the Abkhaz branch of the Sukhumi educational seminary, the Abkhaz nation, for the first time, was given the opportunity to institutionally form their own national school at the state level. It was an official statement by the government of the Democratic Republic of Georgia that the Abkhazian language was under the special care of the government and that the Abkhazian language should become the language of education and culture. There is no precedent in history for this historical decision regarding the Abkhazian language*. Nevertheless, the Soviet historiography ignores this fact in silence, and unfortunately, we have the same situation in the Abkhazian historiography of the separatist period (Akhaldze, 2021: 104).

The claim of separatist historiography that the Menshevik government of Georgia dismissed Vladimir Pardomenko, the director of the Sukhumi educational seminary, and appointed Georgian Alexander Giorgobiani in his place is also incorrect. In fact, Vladimir Pardomenko left his position much earlier than the formation of the government of the Democratic Republic. As early as in September 1917, he was unable to lead the seminary due to illness and appealed to the special committee of the Caucasus, whose resolution of October 20, 1917 appointed Alexander Giorgobiani as the director of the seminary (Gelenava, 2000: 40).

The appearance of Alexander Giorgobiani as a teacher and a leading public figure of his time is clearly visible in his report, which dates back to 1919 (SCSIA, Foundation 1935: 37-40; cf. Anchabadze, Pagava, Tutashvili, 2018: 410-415), and in which the first founder of the first gymnasium of Sukhumi addresses the fellowship

* It should also be noted here that another legal act of the Democratic Republic of Georgia, "Elections of the People's Council of Abkhazia", which for the first time in the history of Abkhazia created a specific electoral system focused on local needs, was unprecedented (The regulation of "Elections of the People's Council of Abkhazia" was adopted by the Parliament of Georgia and the Government of the Republic of Georgia on December 27, 1918. Collection of Legal Acts of the Democratic Republic of Georgia, 1918-1921 pp. 176-196.

of the general assembly. The author discusses in detail and evaluates the current situation in the educational field of Abkhazia, lists the problems in education, pays special attention to the difficult situation created in primary schools, and discusses and plans in perspective the issue of continuing education of Abkhazian youth in high school. The report reflects the reality seen through the eyes of a compatriot and is the subject of a separate study.

After the adoption of the legislative act «Nationalization of Educational Institutes and Seminaries» adopted by the National Council of Georgia, the reform of existing schools or the establishment of new schools began throughout the country. Abkhazia was no exception in this regard. During the First World War, many families of Russian army servicemen left Abkhazia. Some of the previously existing schools were closed, while some continued to operate under the reform conditions.

The government of the Democratic Republic of Georgia tried to facilitate the expansion of the educational school network. For this purpose, the Ministry of Education specially renewed the initiative of opening schools in the regions. We often get to know about such initiatives in the press pages of that time. In September 1918, the self-government of the city of Ochamchire petitioned the Minister of Education to open a secondary school in Ochamchire. Newspaper «Ertoba» newspaper published the information of Ochamchire city head B. Zhorzholiani, according to which «Ochamchire is the center of Samurzakhand and Kodori parts, with about 120,000 inhabitants, this district lacks a secondary school.» Due to the current high cost of keeping disciples in Sukhumi or any other city, most people are certainly deprived of it. That's why many young people, who would otherwise have had the opportunity to go to Sukhumi or Kutaisi, are forced to refuse to continue their studies. In Ochamchire, they could easily continue their studies, on the one hand, due to the relatively cheapness of life, and on the other hand, they could bring all kinds of food here from home» (Newspaper «Ertoba», 1918:3). The problems of

students described in the letter of Ochamchire are typical for the regions of Georgia of that era. To solve such problems, the government decided to open as many special schools as possible in the regions to study agricultural fields. This would allow the local youth to be employed in their native area after receiving education.

In addition to the material situation, the political situation also hindered the development of educational affairs in Abkhazia. The interests of Soviet Russia, White Russia and the Ottoman states intersected in the region. In 1918, the Bolsheviks were able to temporarily capture Sukhumi and declare the Soviet government. It is true that the government of the Democratic Republic of Georgia resolved this problem soon, but throughout 1918, the population was in a state of fear and war, and education was not an issue for the population. In November 1919, the newspaper «Public Affairs» wrote: «Last year's unrest in Abkhazia caused a lot of damage to education, because education was stopped in schools in Abkhazia. It takes a lot of energy and skill to restore it this year. Therefore, on October 12, the first congress of Kodori Mazra teachers took place in Ochamchire. Gr. M. Japaridze, the director of the boys' gymnasium, was unanimously elected as the chairman of the congress; I.S. Korkia as a secretary. The congress discussed the establishment of the teachers' union of Kodori Mazra, the needs of schools and the material condition of teachers. At the proposal of the chairman, the charter of the future teachers' union was developed. The primary importance was given to the cultural-educational side of the union and the material support of teachers» (Newspaper «Public Affairs», 1919:3-4). As can be seen from this information, at the first congress of teachers of Kodori Mazra, a professional association of teachers was founded, which was supposed to take care of the development of the school field and support of teachers. The reports from the places clearly showed the Congress the helpless situation of schools in Abkhazia, because of which «the Congress expressed the wish that the national board should pay more attention to

schools and discuss their issues together with experienced persons». Permanent presidium of the future congresses of the teachers' union was elected at the congress. Chairman of the Congress Gr. M. Japaridze was unanimously elected as the Chairman of the Presidium, P. M. Gogia as his companion, Ps. Shaverbai as a secretary" (Newspaper «Public Affairs», 1919: 3-4).

The first congress of teachers of Kodori Mazri held on October 12, 1919 and the permanent presidium elected by it is the first independent professional union of teachers in Abkhazia, which for the first time publicly spoke about the challenges in school education and showed the government and society from the inside the need to move to a new level of development of the school as an educational institution.

In the budget of 1920, the Ministry of Education of Georgia allocated 12,779,676 manats for the schools of Abkhazia, which was quite a substantial amount at that time. This amount included the maintenance of schools, including the financing of the Sukhumi Seminary, Ochamchire Gymnasium, Gagra Real School, sending young people to study abroad, providing students with scholarships, etc. The budget separately considered expenses for education without school, for which 2 million manats were determined in the 1920 budget, «a part of which will be used in Abkhazia as well» - we read in the document (SCSIA, Foundation 1935: 8; cf. Songhulashvili, 2021: 252-253). Separately, money was allocated for the «purchase of manuals and teaching tools», to help poor students in secondary and lower schools, for example, 200,000 manats were determined in the budget for the scholarship for the youth of the opposite corner (SCSIA, Foundation 1935: 8; cf. Songhulashvili, 2021: 252-253).

As can be seen from the documents, the government of the Democratic Republic paid a lot of attention to the process of teacher training. For this purpose, they organized teacher's courses, for which they had a separate amount allocated in the budget. In the Georgian budget, 150,000 manats were allocated to organize educational

courses for Abkhazian teachers.

Similar references preserved in archival materials and press sheets provide the basis for multifaceted analysis. Among them, about the socio-economic, political and cultural situation of the local population, but at the same time, we learn from the documents about the cultural and linguistic identity of the population, ethnic identity, attitude towards the government of the democratic republic. The press of that time provides us with valuable information about the mood of Abkhazia's population after the question of nationalization of schools was raised. For example, on the pages of the newspaper «Georgia» we read «the motherland language of the people of Samurzakano is Megrelian, and as soon as the nationalization of the schools was announced, the teaching of the Georgian language was immediately introduced in all the schools of Samurzakano» (newspaper «Georgia», 1918:4). Naturally, the people of Samurzakano chose that language as the school-educational language, which for centuries was the language of their culture and national identity, literary, educational activities and worship.

Archival materials and documents of the government of the Democratic Republic of Georgia prove that at that time school education in Abkhazia was conducted in Georgian, Greek and Armenian languages and the government tried to protect the educational rights of national minorities. In general, Georgian social democrats paid special attention to the issue of education and the rights of national minorities. This is clearly seen in the measures implemented by the government of the Democratic Republic in terms of protecting the rights of different nations living in Georgia. Special attention was paid to the protection of educational rights. This can be clearly seen in the example of the protection of the educational rights of the Armenian-speaking population. It is known that at that time, due to the Turkish-Armenian conflict, Georgia sheltered a large number of Armenian refugees from Turkey. Especially many families were sheltered by our country during 1919-1920, which was reflected

in the number of Armenian schools. If there were 16 Armenian schools in Georgia by May 1919 (SCSIA, 1935: 26-29; cf. Chumburidze, 2000: 20), by December 18, 1920, their number increased fivefold and became 80. This is especially visible in Abkhazia, where there were a couple of private Armenian schools before 1918. But by May 1919, there were already six Armenian schools in Kodori Mazra in Abkhazia: primary schools of 1. Labra, 2. Jerguni, 3. Atari, 4. Tsurgili, 5. Ataro-Armianski, 6. Arake-chinichi; 15 Armenian schools of Gumista Mazra, of which 8 primary schools and one higher primary school: of 1. Dranda, 2. Bogopochtini, 3. II Simaghle, 4. Merkheuli, 5. III Merkheuli, 6. Tsebeldi, 7. Lema, 8. Zakharovka, 9. Lechkopi, 10. Yashtukhi two primary schools, 11. Esheri primary school, 12. Gumista primary school, 13. Sukhumi two-grade school, 14. Gumista higher primary school. In Gudauta Mazra: five Armenian elementary schools: of 1. Gudauta, 2. Mtsara, 3. Anukhvi, 4. Veselskoe, 5. Psirtskhi; in the same document, three Armenian schools are recorded in Gagra: 1. Kavakluki, 2. Kaldekhvari, 3. Kirasheni primary schools (SCSIA, 1935: 70-71; cf. Chumburidze, 2000: 75-76). Some of these schools were financed by the state, while a large part existed through private donations and were mostly maintained by Armenian patrons.

It is significant that these types of schools sometimes refused to study the state language, because based on the above-mentioned legislation, the teaching of the Georgian language was considered a mandatory subject in all types of schools, although the government of the Democratic Republic of Georgia could not completely protect this decision. Sometimes the population requested to learn Georgian by their own will. For example, the demands of the Georgians of Sochi regarding the issue of the Georgian language are known from the press of that period. The population filed a petition before the appropriate agency of the Democratic Republic of Georgia to introduce the state language as a compulsory subject in the Sochi gymnasium (Newspaper «Public Affairs», 1919,

N 694:3). These and similar steps contributed to the prevention of the anti-Georgian policy carried out by the empire over the years, and the population gradually managed to return to the historical regularity that was cut off by force at the time.

Among the preventive measures taken by the Democratic Republic of Georgia in the region, it is worth noting the issue of institutional formation of various fields of culture in Abkhazia. For example, on April 23, 1919, on the instructions of the Georgian Music Society, the famous Georgian musician Zakaria Chkhikvadze arrived in Sukhumi from Tbilisi, who, after consulting with local Abkhaz and Georgian public figures, opened the Sukhumi branch of the Georgian Music Society. The establishment of the department was aimed at the development of Abkhazian and Georgian musical art. It was the first institutional association of the Abkhazian musical society, which was named the Abkhazian-Georgian musical society of Sukhumi, and Astamur Inalifa and Niko Tavdgiridze were elected as its chairmen (Newspaper «Public Affairs, 1919, N 519:2). It is significant that financially this society was a branch of the Georgian Music Society and was financed from Tbilisi.

During this period, the famous Georgian musician and singer, Dzuku Lolua, embellished the music society of Sukhumi. As we mentioned above, he worked in Sukhumi from 1904 at the invitation of Masho Anchabadze, the head of the Sukhumi Board of the Society for the Promotion of Literacy. Dzuku welcomed the declaration of Georgia's independence with great joy. The Georgian press kept the information about how the first anniversary of Georgia's independence was celebrated in Sukhumi, with the active participation of Dzuku Lolua, on May 26, 1919: «The city Sukhumi celebrated the anniversary of the declaration of Georgia's independence in a magnificent way. According to the plan already drawn up by the commission, the city fussed from the morning and the festively decorated people marched towards the Freedom Square: from there, various organizations began to

flow with national and revolutionary flags, representatives of different nationalities with their flags and political parties. Local Socialist-Federalists gathered on the beach street «Kiosk» and marched to the square at eleven o'clock. The procession was preceded by a choir of singers dressed in national costumes and Dzuku Lolua chanted revolutionary and national songs. The people who refused to leave gathered on the square, and the second regiment also lined up nicely, waiting for the parade» (Newspaper «Public Affairs», 1919, N543:3; cf. Akhaladze, 2021: 111).

In this report, together with the attitude of Dzuku Lolua, it is impossible not to notice the amazing efforts of the government of the Democratic Republic of Georgia, which in one year was able to gain such trust among the then multi-ethnic population of Abkhazia and was able to celebrate the country's independence at an appropriate level. The same report talks about the solemnly decorated Sukhumi and the attitude of people of different nationalities towards the independence of Georgia: «After the public prayer, Colonel Tukhareli*, the senior colonel of the detachment, addressed the army with a beautiful speech. Then the representative of the government, Isidore Ramishvili, passed by the army and all the organizations and addressed everyone. From here, the entire procession moved to the beach street, where where the students had beautifully decorated the ceremonial arch with flags and flowers. Here were exhibited the portraits of Georgian gene expressionist Shota Rustaveli, Ilia and Akaki, Archil Djorjadze and Zdanovich, N. Jordania, N. Chkheidze and I. Tsereteli. When the cannons sounded, the national flag, which covered the state emblem, fluttered and a knight in white on the horse appeared (Newspaper «Public Affairs», 1919, N543: 3). From this report, it can be seen how balanced and cautious the government of the Democratic Republic of Georgia was in such multi-ethnic

regions and specifically in Abkhazia.

The politics of the Democratic Republic of Georgia affected the theatrical life of Sukhumi as well. It is significant that Tbilisi theater society, directors and actors often performed on the stages of Sukhumi, Gagra, Ochamchire at the invitation of Sukhumi City Council and stage lovers. It is known that Georgian actors and directors worked here: Shalva Dadiani, Elo Andronikashvili, Davit Kobakhidze, Evelina Tsutsunava, Vaso Agulishvili, Natalia Javakhishvili, Mikheil Sultanishvili and others. From 1918, Zakaria Urushadze was appointed as the director of the theater in Sukhumi, under whose leadership several plays were staged on the stage of Sukhumi, including Shalva Dadiani's «My child or Love» in 1919.

In the summer of 1919, actor V. Barveli was invited to be the director of the Sukhumi troupe by the Georgian Council of Sukhumi» - informs us the newspaper «Public Affairs» (Newspaper «Public Affairs», 1919, N642: 2). V. Barveli is a Georgian writer, actor and director. Ivane (Vano) Barveli (Mgeladze), who was a member of the Baku Georgian troupe, on his initiative, on November 20, 1920, the comic and romantic operetta «Arshin Mal-alan» by the famous Azerbaijani composer Uzeir Abdul Hajibekov was staged on the stage of the Sukhumi troupe. In addition to Georgian, it was performed in Russian, Armenian and Greek languages. It is significant that Georgian, Russian, Armenian and Greek actors supported each other in one performance staged in different languages. On November 8, 1920, «Death Punishment» by Erhatatsmindeli, «Against Marriage by Davit Atskureli's (Gamkrelidze)», etc. were staged in the Sukhumi Theater.

Theatrical societies of Sukhumi and Gagra and the musical a cappella held cheering concerts at the front in support of the armed forces of the Democratic Republic of Georgia. According to one of the reports, in the summer of 1919, the society «Capella» received a telegram of greetings and thanks from the horsemen and officers of the Horsemen Guards Division from the Gagra Front

* Giorgi, son of Alexander, Tukhareli (1891-1927) - Georgian military figure, colonel of the People's Guard of the Democratic Republic of Georgia. In 1918, he led the operation to suppress the anti-government rebellion of the Bolsheviks in Abkhazia.

due to the concert held by the troupe on the front (Newspaper «Public Affairs», 1919, N642: 2).

In the autumn of 1920, the Sukhumi Council invited the famous Georgian director Mikheil Koreli (Koridze) * to the troupe, and the 1920-1921 season began under his leadership. Earlier, Georgian actors Nutsa Chkheidze, Niko Godziashvili, Mikheil Sultanishvili, Aleksandre Mgaloblishvili and others were invited by the Sukhumi City Council. Together with them and the troupe of the local stage lovers, Mikheil Koreli staged «Samshoblo» by Davit Eristavi, «By the Sea» by Engeli, «Arsena» by Alexander Kazbegi, «Of Yesterday» by Shalva Dadiani, «Firefly» by Niko Shiukashvili, «Groundless» by Valerian Shalikashvili and others. Before that, these performances were very popular in the capital and continued to live on the stage of Sukhumi with the same popularity.

Based on the critical analysis and understanding of the presented historical documents and press materials, we can draw conclusions: the Democratic Republic of Georgia has systematically reorganized the sphere of education and culture. For the first time in Georgia, including Abkhazia, the formation of a modern educational system began and the

* Mikheil Koreli – Mikheil, son of Filimon, Koridze (1876-1949) - Georgian director and honored artist (1941), he graduated from Moscow's Lazarev Institute of Oriental Languages in 1902, but his love for the theater prevailed and he moved to the theater. At first he acted in the Georgian theaters of Tbilisi and Baku in 1902-1910. He was engaged in professional stage work in Georgian theaters as an actor, and since 1910 as a director. He directed theaters and staged plays in Kutaisi, Batumi, Tbilisi, Chiatura and other cities. He was a realist artist, a propagandist of the principles of the Moscow Art Academic Theater. He performed “Macbede” by William Shakespeare, “Nora” by Henrik Ibsen, “Man-Mass” by Ernest Toler, “Destruction of Hope” by H. Herans, “Oedipus the King” by Sophocles, “Of Yesterday” by Shalva Dadiani and other plays (KSE, 1986: 549).

foundation of a new type of educational relations was laid. On the basis of the implemented policy, all educational institutions were institutionally subordinated to the state, «nationalized» and organized the educational process, created new types of curricula, both for school education and for higher education, supported and financed the professional development of teachers, paid special attention to national minorities, in particular, educational rights of Abkhazians, created several higher primary schools - in Sukhumi, Gagra, Ochamchire and Samurzakhano, and turned the Sukhumi educational seminary into an educational institution with educational content. The policy of the Democratic Republic contributed to the formation of the first professional unions of teachers in Abkhazia.

As a result of the policy pursued by the government of the Democratic Republic of Georgia in 1918-1921, the first music and theater societies were formed in Abkhazia by professional cadres sent from Tbilisi, which laid the foundation for the institutional development of professional music and theater collectives in the future. In the conditions of democratic Georgia, the famous Abkhazian writer and public figure Dimitri Gulia, with the support of his friends from Tbilisi, was able to create the first Abkhazian-language newspaper, which was later canceled by the Bolshevik government.

The cultural-educational policy of the Democratic Republic of Georgia in Abkhazia was consistent and protected the fundamental rights of people, including minorities, promoted and implemented the process of development and formation of the national identity of Georgians and Abkhazians.

References:

- [1] Collection of Acts, 1990: The Law of the National Council of Georgia and the Republic of Georgia of September 13, 1918 «On the Representation of National Minorities in the National Council of Georgia». Collection of legal acts of the Democratic Republic of Georgia, 1918-1921. Society of Georgia «Knowledge», Union of Cooperatives of Georgia, Cooperative Publishing House «Iverta Mkhare», Tbilisi;
- [2] Akhaladze, 2021: Essays on the history of education and culture of Georgia - Abkhazia (XIX-XX centuries), 90

publishing house «Saari», Tbilisi;

- [3] Beridze, 1992: Vakhtang Beridze. Culture and art in independent Georgia (1918-1921). Tbilisi;
- [4] Gelenava, 2000: Irakli Gelenava. From the history of the establishment of the Sukhumi educational seminary, Magazine «Bulletin of Abkhazia» (Magazine «Apkhazeti's Moambe») N4, 2000, Tbilisi;
- [5] Songhulashvili, 1921: Nato Songhulashvili. Educational system in the Democratic Republic of Georgia, 1918-1921, publishing house «Universali», Tbilisi;
- [6] Chumburidze, 2000: Dodo Chumburidze. Education in 1918-1921. Publishing house «Mematiane», Tbilisi;
- [7] KSE, 1986: Georgian Soviet Encyclopedia, Vol. X. Print Word Combine of the Gakhsakhkom of the Georgian SSR, Tbilisi;
- [8] Anchabadze, Pagava, Tutashvili, 2018: Documents on the history of Abkhazia in the 19th – early 20th centuries, published by Giorgi Anchabadze, Marina Pagava, Ia Tutashvili, Publishing House “Sezan”, Tbilisi;

Archive documents: SCSIA

Central State Historical Archive of Georgia, Fund 1935, Census 1, File 987, pp. 37-40.

Central State Historical Archive of Georgia, Fund 1935, Census 1, St. 835, p. 8.

Central State Historical Archive of Georgia, Fund 1935, record no. I., case 27, pp. 26-29.

Central State Historical Archive of Georgia, Fund 1935, no. I., case 54, pp. 70-71

Newspapers:

Newspaper «Ertoba», October 25, 1918, N 229. p. 3.

Newspaper «Public Affairs», 1919 November 18, N682. pp. 3-4.

Newspaper “Georgia», January 13, 1918, N10. p. 4.

Newspaper «Public Affairs», 1919, December 2, N694. p. 3.

Newspaper «Public Affairs», May 7, 1919, N519. p. 2

Newspaper «Public Affairs», June 7, 1919, N 543. p. 3.

Newspaper “Public affairs”, 1919 August 2, N642, p. 2.

ЛИЯ АХАЛАДЗЕ

Доктор исторических наук, профессор Сухумского государственного университета (Грузия)

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ В АБХАЗИИ

Резюме

В статье рассматривается культурно-образовательная политика Демократической Республики Грузия в Абхазии. На основе циклического изучения правовых актов Демократической Республики Грузия, прессы, архивных документов, воспоминаний государственных деятелей и других исторических источников 1918-1921 годов анализируются реформы, проводимые правительством Первой Республики в сфере образования и культуры. Правительство Демократической Республики Грузия с момента провозглашения независимости 26 мая 1918 года начало реформы по всей Грузии, в том числе и в Абхазии: они заложили основу формирования современной образовательной системы и нового типа образовательных

отношений, впервые все учебные заведения были институционально подчинены государству, «национализированы» и регламентированы образовательный процесс. Они поддерживали и финансировали профессиональное развитие учителей, уделяли большое внимание образовательным правам национальных меньшинств, особенно абхазов, создали несколько высших начальных школ — в Сухуми, Гагре, Очамчире и Самурзахано, а Сухумскую учительскую семинарию преобразовали в образовательный институт с образовательным содержанием. В Абхазии в это время были сформированы первые профессиональные союзы учителей. В Тбилисском государственном университете впервые в истории абхазского народа была заложена основа научного изучения и исследования абхазского языка. В результате политики, проводимой правительством Демократической Республики Грузия в 1918-1921 годах, в Абхазии были образованы первые музыкальные и театральные общества профессиональными кадрами, присланными из Тбилиси, что заложило основу институционального развития профессиональных музыкальных и театральных коллективов в будущем. В условиях демократической Грузии известный абхазский писатель и общественный деятель Димитрий Гулиа при поддержке своих друзей из Тбилиси смог создать первую газету на абхазском языке, которая впоследствии была закрыта большевистским правительством.

ИА ДЖИЧОНАИА

Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского Государственного
Университета (Грузия)

БЕЖАН ХОРАВА

Доктор исторических наук, профессор, Университет Грузии (Грузия)

**ЗАВОЕВАНИЕ РОССИЕЙ ЗАПАДНОГО
КАВКАЗА И АБХАЗИЯ**

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.09>

В августе 1859 года завершился один из важных этапов Русско-Кавказской войны (1763-1864): русскому командованию сдался предводитель национально-освободительной борьбы горцев Кавказа имам Шамиль. Россия завоевала Северо-Восточный Кавказ – Чечню и Дагестан. Сразу после завершения войны на Северо-Восточном Кавказе горцы убедились, что возобновление борьбы с Российской империей является бессмысленным и решили уклониться от неприемлемого для них вновь установленного колониального режима. Часть чеченцев и дагестанцев, а также небольшое число осетин, всего до 100 тысяч горцев переселились в Турцию.

После завоевания Россией Северо-Восточного Кавказа, борьбу против царизма продолжали горцы Западного Кавказа – многочисленные адыгские (черкесские) этнографические группы и абазинские общины. Поэтому русское командование перебросило сюда основные части 200-тысячной Кавказской армии. Александр II (1855-1881) требовал от командования скорейшего завершения «Кавказской войны, которая затянулась на полвека и поглощала огромные средства». Быстрая победа в войне нужна была России, также, для восстановления в глазах Европы авторитета, поколебленного поражением в Крымской войне (1853-1856).[1].

Покорение Российской империей Северо-Восточного Кавказа и пленение Шамиля, большое влияние оказали на горцев Западного Кавказа. В ноябре 1859 года русским покорились абадзехи. Сдался один из руководите-

лей борьбы западнокавказских горцев, предводитель абадзехов Мухаммед Эмин,[2]. а в декабре 1859 г. умер один из предводителей горцев Западного Кавказа Сефер-бей Зан.[3]. В январе 1860 года русским покорились и направились к Турции натухайцы, махошевцы, бесленеевцы.[4]. Летом истёк срок, данный абазинским общинам на обдумывание, и башильбаевцы, баговцы, баракаевцы, кизилбековцы, тамовцы, часть шахгиреевцев в назначенное им время переселились в Турцию. Таким образом, обширный край между р. Белая и р. Лаба полностью очистился от горцев.[5].

В борьбе за завоевание Западного Кавказа русское командование большое значение придавало Абхазии. Для русского командования было очевидным, что пока они владели лишь прибрежной полосой в Абхазии, влияние России в этом крае не было бы прочным. В начале 1860 года русское командование обострило внимание на проведение дороги, связывающей Абхазского владетельного княжества с Северным Кавказом, что не только имело военное и административное значение, но было и важным средством для окончательного завоевания страны. Было решено, в первую очередь, провести выючный путь от побережья Абхазии до Псху, абхазской общины в верховьях р. Бзыбь. Одновременно была осуществлена рекогносцировка путей, ведущих к перевалам Главного Кавказского хребта.[6]. Русское влияние в Псху было незначительным. Псхувцы все также нападали на абхазские села, русские крепости, уводили пленных. Поэтому было решено провести экспедицию

для того, чтобы не задерживать проведение пути и окончательно покорить Псху.[7].

В августе 1860 года командующий войсками в Абхазии генерал-майор Иосиф Корганов провел карательную экспедицию в Псху. В ней участвовало и 3 тысячное абхазское народное ополчение. Одновременно, русские военные корабли провели рейд на джикское и убыхское побережье и создали такое впечатление, будто собирались высадить десант. Целью этой операции было напугать джиков и убыхов и тем самым пресечь возможность их помощи псхувцам. Однако, псхувцам все же протянули руку помощи как прибрежные общины джиков, так и горные общины – Ахчипсы и Аибга. Несмотря на упорное сопротивление, псхувцы потерпели поражение. Они объявили о покорности русскому командованию и выдали заложников.[8]. Русские карательные отряды джикам не простили помощь псхувцам, поэтому подданные феодального рода Ардба были вынуждены покинуть свои места проживания и укрыться в горах.[9].

За успехом экспедиции в Псху не последовало усиления влияния русских в этой горной общине Абхазии.[10]. Псху все также оставался одним из важных очагов борьбы против русского владычества. В сентябре 1860 года главнокомандующий Кавказской армии и наместник царя на Кавказе Александр Барятинский (1856-1862), с целью наметить мероприятия по скорейшему завершению войны, созвал во Владикавказе военное совещание. На совещании было решено, для покорения Западного Кавказа, наступление начать с верхнего течения р. Лаба и р. Белая и вытеснить абадзехов, шапсугов, убыхов с гор к Черному морю. В случае отказа переселиться в степи Ставропольской губернии, переселить их в Турцию, а на их земли поселить русских, главным образом, казаков. Без этого, как считало русское командование, не было бы полным и окончательным завоевание Кавказа.[11].

Таким образом, по плану Кавказского командования, горцев Западного Кавказа должны были выселить с их мест проживания и по-

селить там русских. Российская колонизация не только должна была завершить завоевание страны, но и сама должна была стать одним из главных средств завоевания.[12]. На этом же совещании была осуществлена реорганизация Кавказской армии. Завоеванием Северо-Восточного Кавказа и переносом военных действий на Западном Кавказе, к югу р. Кубани и на северо-восточное побережье Черного моря Кавказская укрепленная линия, или «кордонная линия», утратила значение. Поэтому она была упразднена. Левое крыло Кавказской линии, которое охватывало бассейн р. Терек, был преобразован в Терскую область, а правое крыло, которое охватывало бассейн р. Кубани – в Кубанскую область. Обе эти области вместе со Ставропольской губернией получили название «Северный Кавказ». Одновременно, было преобразовано и Кавказское линейное казачье войско: поселенные в Терской области линейные казаки должны были составить казачье войско Терской области; 6 бригад Кавказских линейных казачьих войск должны были поселиться от верхнего течения р. Кубани до Черноморского побережья и слиться с Черноморским казачьим войском и сформировать Кубанское казачье войско.[13].

А. Барятинский произвел значительные изменения и в командовании Кавказской армии. В связи с назначением Дмитрия Милютин товарищем (заместителем) военного министра Российской империи, он оставил пост начальника главного штаба Кавказской армии. На этой должности его сменил командующий правого крыла Кавказской армии генерал Григорий Филипсон. Начальником Кубанской области и командующим войск Кубанской области был назначен командующий левого крыла генерал Николай Евдокимов, который внес большой вклад в завоевание Северо-Восточного Кавказа. В то же время он остался начальником Терской области и командующим войск Терской области. Таким образом, А. Барятинский подчинил Н. Евдокимову весь Северный Кавказ. Он был назначен, также, верховным атаманом Кубанского казачьего

войска.[14].

Таким образом, с осени 1860 года основным средством покорения Кавказа была признана военная колонизация. До этого против кавказских горцев устраивались экспедиции, их побеждали, покоряли, но они затем снова боролись против русских. Это оборачивалось большими жертвами солдат, а страна оставалась непокоренной.[15]. С этого времени было решено прекратить безрезультатные военные экспедиции и приступить к системному заселению гор казачьими станицами, а кавказских горцев выселить на равнину или переселить в Турцию. Российские власти таким путём пытались лишить кавказских горцев природного пристанища в виде гор и выселением на равнину подчинить контроль своей администрации или переселением в Турцию сократить их удельную долю в стране и тем самым ослабить их.[16]. Позже, в октябре 1861 года А. Барятинский откровенно отмечал, что целью переселения горцев Западного Кавказа было «избавить кавказское плоскогорье от населения... и открыт этим самым прекрасные и плодородные места для... казачьего поселения».[17].

В январе-феврале 1861 года русские начали военные действия на северных склонах Кавказского хребта против шапсугов, проживающих в верхнем течении р. Шебш, притока р. Афипс. Проживающие между р. Лаба и р. Белая черкесские этнографические группы: абадзехи, махошевцы, эгеруковцы, темиргоевцы сохраняли лояльность к русским. Этим пользовались последние, рубили леса, прокладывали дороги, возводили крепости. Такие действия русских вызвали восстание абадзехов. Они возобновили нападения на русские поселения и войсковые части. Н. Евдокимов воспользовался возобновлением абадзехами военных действий, отменил заключенный с ними в 1859 году мирный договор и предъявил ультиматум – переселиться на Кубанскую равнину. Но абадзехи не собирались покоряться. Тогда в апреле русские атаковали абадзехов и за 20 дней огнем и мечом прошли территорию

от р. Ходз, притока р. Лаба до р. Белая. Абадзехи, махошевцы, эгеруковцы искали убежище в горах. В июне оба берега вдоль р. Белая были в руках русских, однако абадзехи не прекращали сопротивления.[18].

Горцы Западного Кавказа хорошо видели, какая опасность им угрожает и решили прочнее сплотиться. 13 июня 1861 года по инициативе убыхов в ущелье р. Сочи собрались представители горцев Западного Кавказа. Они решили создать прочный союз, а для его управления выбрали совет состоящий из 15 улемов, который назвали Меджлисом. Меджлис получил название Великого свободного заседания. Подчиненная ему территория была разделена на 12 округов. В каждом округе были муфтий, кадий (судья) и старшина. Внешне эта организация была похожа на систему имамата, но у неё не было резко выраженного теократического характера.[19]. Горцы не удовлетворились устройством внутренней организации. Они искали помощи у Турции и Англии. В августе члены Меджлиса, один из предводителей убыхов Керентух Берзек и Измаил Бараккай-ипа Дзиаш обратились с письмом к консулу Англии в Сухуми Диксону. Они просили его сообщить своему Правительству о посягательстве на их независимость со стороны русских войск, и заступиться за них.[20].

В сентябре 1861 года на Кавказ, в зону военных действий прибыл Александр II. 18 сентября с императором встретились представители горцев Западного Кавказа – абадзехов, шапсугов, убыхов и др. Они попросили императора принять их в свое покровительство и оставить на родной земле. Но император категорически заявил им, что дает на обдумывание месяц: переселиться на прикубанскую равнину, где в вечное владение получили бы земли, сохранили бы свое народное устройство и суд, или переселиться в Турцию.[21].

Для горцев было очевидным, что переселением на Кубань и Лабу они потеряют независимость и свободу, которой пользовались в неприступных горах. Большая часть из них и слышать не хотела о переселении в Турцию.

Они не приняли предложение императора и с ноября война снова возобновилась. Русское командование интенсивно поселяло казаков в нижнем течении Кубани, на землях натухайцев и шапсугов, а натухайцам для проживания определили земли вдоль р. Кубань.[22]. С весны 1861 года до весны 1862 года в Кубанской области появилось 35 казачьих станиц.[23].

С декабря 1861 года по январь-февраль 1862 года русские войска были заняты подготовкой к будущим военным действиям – рубили леса, прокладывали дороги. В марте 1862 года были возобновлены наступательные операции, в ходе которых заняли Даховскую общину и ущелье р. Курджипис, каменный мост через р. Белая, имевший стратегическое значение, и общество Пшеха. В июле были завершены военные действия и войска приступили к подготовке на зиму. У горцев не было общего вождя, поэтому их действия были лишены эффективности.[24].

В ходе военных действий на Западном Кавказе Российские власти большое значение придавали фактору Абхазии и роли владетельного князя Михаила Шарвашидзе. В апреле 1862 года А. Барятинский военному министру генерал-адъютанту Д. Милютину писал: «Влияние Михаила Шарвашидзе в Абхазии и на соседние племена, как мне известно, еще очень важно. Поэтому расположить этого человека к нам считаю очень полезным».[25]. Несмотря на то, что Абхазия уже долгое время была в составе Российской империи, русская власть в этом регионе была довольно ограничена и распространялась только на занятые войсками пункты. Внутреннее управление княжеством было в руках владетельного князя.

Для русской администрации Кавказа было очевидным, что утверждение русской власти в Абхазии произошло бы вслед за установлением русского владения на Западном Кавказе.[26]. Это хорошо понимал и Михаил Шарвашидзе. Русское командование полагало, что владетельный князь Абхазии, который пользовался большим уважением среди горцев За-

падного Кавказа – джиков, убыхов, шапсугов, абадзехов и др. тайно поддерживал их борьбу за независимость. Михаил Шарвашидзе понимал, что после покорения Западного Кавказа Россией и его власти пришел бы конец.[27]. Вот почему Михаил Шарвашидзе не смотрел благосклонно на проведение дороги к Северному Кавказу через горные общины Абхазии.[28].

В начале 1862 г. русские войска появились у подножия Главного Кавказского хребта, неподалеку от убыхских земель. Этот факт стал причиной чрезвычайного собрания Меджлиса в июне 1862 г. Меджлис постановил: отправить послов в Стамбул, Париж и Лондон с просьбой о помощи; для возмещения расходов возложить на проживающее между Туапсе и Адлером население денежный налог (50 копеек с дыма); объявить газават – священную войну; отправить на помощь абадзехам несколько тысячное ополчение и такое же содействие потребовать от джиков, которые равнодушно смотрели на трагедию горцев Западного Кавказа.[29].

В июне 1862 г. абадзехи и шапсуги еще раз попытались остановить русские войска. На их помощь пришли 5 тысяч убыхов. В июне-июле велись ожесточенные бои, но горцы снова потерпели поражение, хотя они и в дальнейшем не прекращали сопротивление.[30]. В то же время, депутация Меджлиса под руководством Измаила Баракай-ипа Дзиааш направилась в Стамбул и столицы ряд европейских государств с просьбой о помощи, но безрезультатно. К концу 1862 г. депутация горцев вместе с польским революционером, сражающимся рядом с горами Западного Кавказа Теофилом Лапинским предстала перед премьер-министром Англии лордом Пальмерстоном и попросила о помощи против русской агрессии. Т. Лапинский обратился к премьер-министру с пламенной речью. По его мнению, Европа не должна была оставаться равнодушным зрителем той трагедии, которая разыгрывалась на Кавказе; необходимо было принять энергичные меры и парализовать русские

силы. Европа должна была что-то предпринять для того, чтобы разрознить русские силы на юге и тем самым спасти кавказских горцев от истребления. В этом деле Т. Лапинский надеялся на Англию, которая была противником Российской империи в «восточном вопросе». Пальмерстон внимательно прослушал страстную речь Лапинского, но он хорошо понимал, что остановить продвижение Российской империи на Кавказе было невозможно, поэтому он отказал депутации в помощи.[31].

В феврале 1863 г. на Кавказ приехал новый наместник царя и главнокомандующий Кавказской армии великий князь Михаил Николаевич Романов (1862-1881). 14 февраля в Ставрополе его встретил исполняющий обязанности наместника царя и главнокомандующего Кавказской армии Григорий Орбелиани, начальник главного штаба Александр Карцов, начальник Кубанской области Николай Евдокимов, начальник Терской области Дмитрий Святополк-Мирский и другие высокопоставленные лица. Михаил Романов осмотрел войска, места военных действий и места предназначенные для заселения казаков и остался довольным. 26 марта он прибыл в Тифлис.[32].

На Северо-Западном Кавказе Н. Евдокимов продолжил осуществлять план, принятый при А. Барятинском, что предусматривало постепенное вытеснение горцев и продвижение казачьих поселений к горам, что должно было вынудить горцев переселиться на равнину. В ходе наступательных операций, проведенных на территории от р. Белая до р. Адагум, адагумский отряд (генерал-майор П. Бабыч) должен был заставить натухайцев, которые еще в 1861 году объявили о повиновении, переселиться с гор на назначенные им места, а на их землях создать 8 казачьих станиц; пшехский (генерал-майор П. Зотов) и даховский (полк. В. Гейман) отряды должны были очистить территорию между р. Белая и р. Пшиш, включая их верхние течения, а здесь устроить 12 казачьих станиц и тем самым, летом завершить военные действия на Северо-Западном

Кавказе.[33].

В начале 1863 года абадзехи оказались в полном окружении русских войск. Попав в тяжелое положение, абадзехи попытались договориться с русскими, но командование предъявило им ультиматум поселиться на Кубанской равнине или переселиться в Турцию.[34]. Абадзехи не хотели покидать Родину. В апреле русские вторглись на их земли. Когда абадзехи увидели, что русским войскам следовал бесчисленный транспорт с русскими новопоселенцами, которые должны были занять их жилища, они пали духом, поскольку поняли, что у них остался один – единственный путь – переселиться в Турцию. Абадзехи попросили Н. Евдокимова не мешать их переселению в Турцию, на это последний, наоборот, обещал помочь.[35]. В то же время, русские вели наступления против шапсугов в прибрежной полосе Черного моря.

В такой обстановке, у горцев снова появились эмиссары Турции которые настойчиво советовали не повиноваться Российской власти, поскольку вскоре Европа начинала войну против России и войска Турции пришли бы на помощь горцам.[36]. Весной 1863 года Европа встала перед опасностью новой войны из-за польского кризиса. В январе в Польше началось новое восстание, что напрягло политическую ситуацию в Европе. Эта напряженность могла перерасти в войну против России, если бы ведущие государства Европы смогли согласиться и создать коалицию в поддержку Польши. Попытка Наполеона III уговорить кабинеты Лондона и Вены на совместные действия против России, стала особенно интенсивной в апреле-июле.[37].

В связи с угрозой Европейской войны, весной Михаил Романов попросил Д. Милютину усилить Кавказскую армию. Военный министр успокоил командующего Кавказской армии – что это необязательно. Великий князь думал, что в случае войны одной из его арен станет акватория Черного моря, где одной из слабых точек он считал побережье Кавказа, а именно, Абхазию. По мнению

главнокомандующего Кавказской армии, нельзя было доверять абхазцам и, исходя из этого, оставлять войско в Абхазии было опасным; если бы настала необходимость вывода войска, то дороги не были в желаемом состоянии.

Д. Милютин предложил ему выбрать опорной базой Цебельду, если стало бы необходимым вывод войска с прибрежной полосы. Сначала Михаил Николаевич Романов был против этого мнения, но затем он лично поручил Кутаисскому генерал-губернатору, генерал-лейтенанту Д. Святополк-Мирскому лично выбрать в Цебельде место для базы, осмотреть переходные пути из Абхазии на Северный Кавказ и подготовить предложения по приведению их в порядок. Одновременно, он пригласил в Тифлис Н. Евдокимова для рассмотрения плана защиты Кубанской области с моря.[38].

Летом 1863 г. адагумский, пшехский, даховские отряды продолжали боевые действия против шапсугов, натухайцев, абадзехов, проводили дороги, продолжали устраивать станицы.[39]. Как было запланировано, за лето в Кубанской области было создано 20 новых станиц, в результате этого сформировалось 2 казачьих полка. Всего, с 1860 г. по 1863 год, в Кубанской области было основано 58 станиц с не менее 10 тысяч семьями.[40].

В такой обстановке, руководители польского движения в Лондоне и Стамбуле решили подстрекнуть кавказских горцев на диверсию в пользу Польши. Начали собирать деньги для того, чтобы послать оружие и вспомогательную силу, тем самым пытались вызвать Российскую империю на конфликт. Не исключали и провокационные шаги, – послать военный корабль на Кавказское побережье под черкесским флагом, в знак демонстрации их независимости. С этой целью, в Ньюкасле наняли шхуну «Чезапик» и погрузили ее оружием. 5 сентября «Чезапик» вошёл в Трапезундский залив под английским флагом. Генеральный консул России в Трапезунде А. Мошнин, которому стал известен этот факт, обратился

к своему британскому коллеге Стивенсу с просьбой помешать этому контрабандному рейсу. При этом, вблизи Батуми появились два корвета Российского флота, которые должны были захватить «Чезапик». Этот факт стал известен англичанам. Стивенс встретился с капитаном «Чезапик» и посоветовал не рисковать. Вблизи Трапезунда оружие с «Чезапик» перегрузили на турецкую кочерму, а британская шхуна вернулась в Стамбул. А. Мошнин попытался убедить турецкие власти в том, чтобы произвести конфискацию оружия, но безрезультатно.[41].

В сентябре «Польский комитет» послал из Трапезунда на северо-восточное побережье Черного моря партию оружия и до 40 воинов. Турецкое канджо преодолело все препятствия и причалило к побережью убыхов, Вардане. Убыхи, которые ждали многочисленные войска, увидев малочисленный отряд, отчаялись. В конце сентября в Черкессию была отправлена еще одна партия оружия, но 3 октября корабль вернулся назад и принес известие о поражении шапсугов. В конце октября в Трапезунде уже прибыли сбежавшие шапсуги и началось переселение в Турцию небольшими потоками горцев Западного Кавказа.[42].

Осенью, сложившаяся в результате польского восстания напряженная обстановка в Европе была разряжена из-за несогласия между кабинетами Парижа, Лондона и Вены.[43]. На Западе пришли и к тому выводу, что продолжать провокации против России на Кавказе было невозможным и неоправданным. После этого значительно сократились английские субсидии, Турция также воздерживалась от недружественных шагов в отношении Российской империи.[44].

В октябре-ноябре русские окончательно покорили шапсугов и в декабре достигли устья р. Шапсухо.[45]. Таким образом, к концу 1863 г. русские завоевали Северо-Западный Кавказ, оставалось только завоевать южные склоны Главного Кавказского хребта и прибрежную полосу Черного моря, где проживала часть шапсугов, убыхи и джики.[46]. 10 декабря

1863 г. Великий князь Михаил Николаевич Романов военному министру писал: «Окончательное успокоение Западного Кавказа должно произойти поселением на восточном побережье Черного моря русского населения. Это важнейшее государственное мероприятие должно осуществиться в ближайшем будущем. Казачьими станицами занято территория от устья Кубани до Цемесского залива, прибрежная полоса до устья р. Джубга уже очищена. К весне, на остальной территории, который предназначено для казачьего поселения по Положению о заселении Западного Кавказа казачьими станицами, утвержденным Императором, не должно оставаться горское население. Если внешние факторы не помешают, то тогда в течение будущего лета думаю очистить прибрежную полосу и до р. Бзыбь, как это предусмотрено по Положению».[47].

Таким образом, властью было решено заселить казаками прибрежную полосу Черного моря до р. Бзыбь. Михаил Николаевич Романов предполагал развивать здесь хуторное хозяйство в направлении морского дела и рыболовства.[48]. В феврале 1864 года часть абадзехов переселилась в Турцию, а часть – на нижнее течение р. Белая. Царизм, который при осуществлении своих захватнических планов на Кавказе встретил героическое сопротивление со стороны местных жителей, предпочитал присоединить опустошенные места. Поэтому правительство не только не препятствовало переселению местного населения в Турцию, а наоборот, но и способствовало ему. По мнению генерала Н. Евдокимова, с переселением горцев ускорилось бы процесс окончательного покорения Кавказа.[49].

Российская власть считала, что для скорейшего завершения Кавказской войны было необходимо энергичное действие. Во первых, ее пугало создание в 1863 году новой Европейской коалиции и, во-вторых, если до весны не завершилась бы война, то затем она могла затянуться, поскольку – леса покрылись бы листвой, выросла бы трава, пшеница пустила бы ростки, а все вокруг оживилось бы и воз-

можности горцев возросли бы в десять раз. Леса были бы убежищем для них, пища была бы у человека и скота, а уничтожение сел и продовольственных запасов зимой пагубно подействовала бы на них.[50].

В феврале 1864 г. русские войска начали переход Главного Кавказского хребта. Одновременно они вели наступление и на черноморском побережье. В то же время, к побережью Убыхети и Джикети пристали и корабли военно-морских сил России. В начале марта Даховский отряд под командованием генерала В. Геймана перешел через Кавказский хребет в ущелье р. Туапсе и приступил к очистке прибрежной полосы Черного моря. 16 марта он занял бывший форт Лазаревское, а 18 марта у реки Годлыкх нанес поражение шапсугам и убыхам. 25 марта В. Гейман занял бывшую русскую крепость Навагинск в устье р. Сочи и достиг границы между Убыхети и Джикети – р. Сочипсе. 26 марта к В. Гейману явился один из предводителей джиков Решид Геч и объявил о покорности.[51].

В марте 1864 г. главнокомандующий Кавказской армии Михаил Николаевич Романов императору Александру II писал: «Будем действовать осмотрительно, но и решительно, чтобы окончательно очистить все Черноморское побережье. Надо ожидать, что большая часть горцев предпочитает выселиться в Турцию, чем перейти на назначенные для них места на Кубани. Дело окончательного покорения восточного берега Черного моря наиболее зависит от быстроты выселения туземцев».[52].

2 апреля главнокомандующий Кавказской армии Михаил Николаевич Романов лично прибыл в зону военных действий и представителям общин джиков и убыхов, от которых он лично принял обещание повиноваться, предъявил ультиматум – переселиться на Кубань или уехать в Турцию, а их земли были определены для поселения русских. Великий князь дал горцам месяц на обдумывание, но 19 апреля поднявшиеся в горы русские не застали убыхов. Они все сразу направились к

побережью Черного моря.[53]. В апреле убы-хи все вместе переселились в Турцию.[54].

Одновременно, в сложных условиях ранней весны, Пшехский отряд под командованием генерал-майора П. Граббе очистил верхнее течение р. Пшеха и ее притоков до перевала в Убыхети от горцев, которые укрывались в труднодоступных котлованах. Одна часть горцев направилась к р. Лаба, для поселения в выделенных им местах, а часть направилась к черноморскому побережью для переселения в Турцию.[55]. Весной 1864 г. северо-восточное побережье Черного моря было полно кавказских горцев, которые ждали суда для отправки в Турцию. Как отмечал биограф А. Бяратинского русский офицер А. Зиссерман: «Вытесняемое шаг за шагом... полумиллионное население горцев перенесло все ужасы истребительной войны, страшные лишения, голод, повальные болезни, а очутившись на берегу – должно было искать спасения в переселении в Турцию».[56].

После завоевания Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного побережья Черного моря оставалось ликвидировать последние очаги сопротивления, покорение горных общин джиков – Аибга, Ахчипсы, Псху, в верхнем течении рек Мзымта, Псоу и Бзыбь. С этой целью были посланы четыре колонны под командованием генералов: П. Шатилова, Д. Святополк-Мирского, В. Геймана и П. Граббе. 25 апреля командующий войсками в Абхазии генерал-майор П. Шатилов с первой колонной отправился из Гагры в ущелье р. Псоу. Аибговцы, которые жили в котловине верхнего течения Псоу, завалили узкое ущелье и в течение трех дней оказывали упорное сопротивление русским войскам. Вторая колонна под командованием генерал-лейтенанта Д. Святополк-Мирского 28 апреля на кораблях из Сухуми отправилась в Адлер. На другой день эскадра пристала к Адлерскому мысу, и отряд расположился на правом берегу р. Мзымта. Джики лояльно встретили русских и заявили, что хотели бы переселиться в Турцию.

В начале мая отряд последовал вдоль

правого берега р. Мзымта к горам, при этом прокладывая дорогу. 10 мая отряд под командованием генерал-майора Батезатула, отправленный Д. Святополк-Мирским на помощь П. Шатилова, атаковал аибговцев с тыла. Горцы оказались между двумя огнями и убедились в том, что оказывать сопротивление было бессмысленным. Они объявили о повиновении русским и обещали очистить от завалов, при этом попросили время, чтобы сжечь хлеб и подготовиться для переселения в Турцию. Российские части продолжили продвижение вглубь Аибга, чтобы заставить горцев объявить о безоговорочном повиновении. 12 мая Аибга объявила о полном повиновении и население общины направилось к побережью для переселения в Турцию.[57]. Фактически это был последний аккорд войны. Сопротивление Ахчипсы и Псху стало безнадежным.

В начале мая в наступление перешла и третья колонна под командованием генерал-майора В. Геймана. Она направилась к верховьям р. Сочи, затем параллельно Главного Кавказского хребта отправилась к Ахчипсы. Четвертая колонна под командованием П. Граббе у истоков р. Малая Лаба преодолела Главный Кавказский хребет, перешла в ущелье р. Мзымта и 12 мая уже вошла в Ахчипсы. Ахчипсы были вынуждены выполнить данное ранее обещание. Они покинули свои места проживания и все сразу направились к морскому побережью. Одновременно, псхувцы отправили депутацию к русскому командованию. Одна их часть согласна была переселиться на Северный Кавказ, а часть хотела отправиться в Турцию.[58].

20 мая 1864 г. все четыре колонны Кавказской армии соединились в верховьях р. Мзымта, в центре Ахчипсы, ауле Губаадв (рус. – Кбаада, в настоящее время Красная поляна) и заняли последний очаг сопротивления горцев. 21 мая в 11 часов утра главнокомандующий Кавказской армией Михаил Романов поздравил с завершением Кавказской войны части русских войск, расположенные колоннами на Губаадвской поляне. Затем был совершен бла-

государственный молебен. Впоследствии был проведен торжественный парад войск. Празднование завершилось всеобщим пиршеством. [59].

Несмотря на то, что вековая Русско-Кавказская война была объявлена завершённой, в горных ущельях Западного Кавказа, а именно у истоков р. Псеуапсе пока еще оставались небольшие группы горцев, которые не прекращали сопротивления. Для их уничтожения были созданы «летучие отряды», а на северо-восточной побережье Черного моря и в ущельях рек расположились линейные батальоны Кавказской армии.[60]. После завоевания Северо-Западного Кавказа российским властям уже было ни к чему сохранение автономного Абхазского княжества. В июле 1864 г. царизм упразднил Абхазское княжество и ввел непосредственное русское правление.[61].

В июле русские войска вторглись в Псху с севера, со стороны Главного Кавказского хребта через Санчарский перевал, и с Абхазии, через перевал Доу. Небольшое столкновение произошло на берегу притока Бзыби, р. Грыбза. Псхувцы самоотверженно сражались, но потерпели поражение. Таким образом, в июле 1864 г. русские войска заняли Псху.[62]. Часть псхувцев, 105 семей (862 души) переселились на Северный Кавказ, в ущелье р. Кума,[63]. а большая часть отправилась в Турцию. Летом 1864 года в Турцию переселилось 20 тыс. джиков и 5 тыс. псхувцев.[64]. В результате, почти полностью были опустошены ущелье р. Мзымта и верхнее течение Бзыбского ущелья.

По окончании войны «Необыкновенное зрелище представлял вновь покоренный край в конце мая, в июне и после, – писал генерал-майор С. Духовский, – случалось, смотришь с самой великой горы во все стороны: видно множество чудных долин, хребтов, гор, рек и речек; среди старых, похожих на лес, фруктовых садов то там, то здесь следы бывших жилищ. Но все это было мертво, нигде ни души. Местами свежие всходы хлебов еще свидетельствовали о недавнем присутствии населения; но большею частью пахотные поля

заброшены и заглохли, а только обрезки стеблей прошлогодней кукурузы указывали, что и здесь некогда жили и работали люди. Не хотелось верить, чтобы на этом громадном пространстве, нас-колькo видит глаз сверху высокой горы, не было никого; между тем, это было так; и все живописные виды и роскошные дары богатой природы, обезжизненные, невольно производили на зрителя впечатление более тяжелое и грустное».[65].

Таким образом, проживающие на северо-восточном побережье Черного моря и Северо-Западном Кавказе адыгы (черкесы) и значительная часть абазынов в 1858-1864 гг. переселились в Турцию. Некоторые народы, например убыхи, переселились полностью. Согласно отчету генерала Н. Евдокимова по поводу военных действий 21 июля 1864 года, с Западного Кавказа в Турцию переселилось 418 тысяч душ, а на Кубань и Лабу – приблизительно 90 тысяч душ.[66]. Процесс переселения продолжался и в 1865 году. На северо-восточном побережье Черного моря почти не осталось адыгов и абазынов, небольшую их часть аулами поселили на Кубани. Всего, по официальным данным, с Западного Кавказа в Турцию было переселено почти 470 тысяч человек.[67]. Однако, предполагают, что эти цифры в определенной степени занижены.

Из-за насильственного переселения кавказских горцев в Турцию в Европе поднялся большой шум. Российское правительство оправдывалось тем, что переселение горцев в Турцию происходило не по их желанию и без какого-либо их вмешательства. Как отмечал известный публицист, генерал-майор Ростислав Фадеев, целью русского правительства в Кавказской войне было: «Сдвинуть горцев с восточного берега Черного моря и заселить его русскими. Эта мера была совершенно необходима для безопасности наших владений». Однако, как он отмечал с цинизмом, не было никакой необходимости выселять местное население в Турцию. У России было достаточно земель для их поселения на левом берегу Кубани, но также не было никакой необходимо-

сти удерживать их вопреки собственной воле. [68].

Р. Фадеев, который выражал официальное мнение, отнюдь не скрывал, что интерес русского государства требовал «соблюсти при поселении покорившихся только одно условие: чтобы нигде они, не примыкали к морю, чтобы по крайней мере несколько десятков верст отделяли их от берега». [69]. Р. Фадеев проявляет большую искренность и отмечает, что эта «земля была нужна государству», а что касается местного населения, по его словам, «в них самих не было никакой надобности». [70].

После завершения Русско-Кавказской войны царизм получил обширную территорию для колонизации. В 1861-1864 гг. на Западном Кавказе было поселено 111 казачьих

станций (14239 семей, 85 тысяч душ). [71]. В то же время в этот край заселяли русских, переселившихся из внутренних губерний Российской империи, украинцев, переселившихся из Турции греков и армян, [72]. которые должны были стать опорой царизма в этом крае.

В 1866 г. власти провели реформу административного устройства Западного Кавказа. Обширный край от р. Кубани до Кавказского хребта вошел в состав Кубанской области, а северо-восточное побережье Черного моря – в состав Черноморского округа. [73]. Последний подчинялся начальнику Кубанской области. В 1896 г. он отделился от Кубанской области и был преобразован в Черноморскую губернию.

Таким образом, русское правительство достигло своей цели – Западный Кавказ включил в административную систему Империи.

Литература:

- [1]. Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа к редактору «Московских ведомостей». СПб, 1865, с. 58.
- [2]. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (далее – АКАК, т. XII, ч. I. Тифлис, 1904, №705, с. 827-829.
- [3]. Б. К. Хорава. Черкесы. Тб., 2012, с. 69.
- [4]. АКАК, т. XII, ч. I, №723, с. 844; Т. Макаров. Племя адыгэ, III, – «Кавказ», №31, 1862.
- [5]. Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа, с. 91; С. С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914, с.110-111.
- [6]. А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, 1815-1879, т. II. М., 1890, с. 346.
- [7]. А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, с. 347.
- [8]. АКАК, т. XII, ч. I, №737, с. 859-860; №739, с. 861-865; С. Смоленский. Воспоминания кавказца. Экспедиция в Псхоу. – «Военный сборник», №9, 1872, с. 158-168.
- [9]. АКАК, т. XII, ч. I, №739, с. 865.
- [10]. А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, с. 347.
- [11]. И. С. Кравцов. Кавказ и его военачальники. – «Русская старина», 1886, т. 50, с. 589-591; А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, с. 371.
- [12]. Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа, с. 76; Б. К. Хорава. Некоторые вопросы завоевания Россией Западного Кавказа. – Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Международная научная конференция. Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2012, с. 569.
- [13]. И. С. Кравцов. Кавказ и его военачальники, с. 585-592.
- [14]. И. С. Кравцов. Кавказ и его военачальники, с. 590-592; А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, с. 351-352; С. С. Эсадзе. Покорение..., с. 109.
- [15]. А. Берже. Выселение горцев с Кавказа. – Русская старина, т. 33, 1882, №2, с. 337-338; Б. К. Хорава. Некоторые вопросы завоевания Россией Западного Кавказа, с. 569.
- [16]. А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, с. 371-374; А. 102

- Берже. Выселение горцев..., с. 337-338.
- [17]. Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е дополненное издание. Сухуми, 1982, с. 198.
- [18]. Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа, с. 97-100; А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, с. 395-396.
- [19]. С. С. Эсадзе, Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. Тифлис, 1907, с. 49; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV. М., 1967, с. 436; Б. К. Хорава. Черкесы, с. 87; Т. Половинкина. Черкесия – боль моя и надежда. Нальчик, 2014, с. 213-214.
- [20]. АКАК, т. XII, ч. I. Тифлис, 1904, №796, с. 827-829; С. С. Эсадзе. Историческая записка..., с. 49; С. К. Бушуев. Из внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70-е годы XIX в.). Москва, 1955, с. 94.
- [21]. Записки М. Я. Ольшевскаго. Кавказ с 1854 по 1866 гг. – Русская старина, 1895, т. 84, №10, с. 141; В. Солтан. Военные действия в Кубанской области с 1861-го по 1864-й год. – Кавказский сборник, т. V. Тифлис, 1880, с. 355-359; С. С. Эсадзе. Покорение..., с. 119; История СССР с древнейших времен..., с. 437.
- [22]. Записки М. Я. Ольшевскаго, с. 144-145; Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа, с. 92-93.
- [23]. Письма начальника главного штаба Кавказской армии А. П. Карцова к кн. А. И. Барятинскому. – Русский архив, кн. II. М., 1889, с. 459; Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа, с. 96.
- [24]. И. Дроздов. Из Кубанской области. – Кавказ, 7 марта 1863 г., №19.
- [25]. А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, с. 389.
- [26]. А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, с. 347-348.
- [27]. С. Смоленский. Воспоминания кавказца. – Военный сборник, 1874, №5, с. 403; Б. К. Хорава. Мухаджирство абхазов 1867 года. Тбилиси, 2013, с. 53.
- [28]. С. Смоленский. Воспоминания кавказца. – Военный сборник, 1874, №5, с. 404; Б. К. Хорава. Мухаджирство абхазов 1867 года, с. 53.
- [29]. С. С. Эсадзе. Историческая записка..., с. 50.
- [30]. А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, с. 397; С. С. Эсадзе. Историческая записка..., с. 50.
- [31]. А. Гарсеванов. Страница из недавнего прошлого Абхазии (Из истории борьбы абхазцев с русскими). – газ. «Закавказье», 23 апреля 1910 г., №89; Б. К. Хорава. Черкесы, с. 88.
- [32]. Д. А. Милютин, Воспоминания. 1863-1864. Под редакцией доктора исторических наук, профессора Л. Г. Захаровой. Москва, 2003, с. 344-345.
- [33]. Д. А. Милютин. Воспоминания, с. 346.
- [34]. Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа, с. 124-126; А. Лилов. Последние годы борьбы русских с горцами на Западном Кавказе. – Кавказ, 1867, № 8.
- [35]. И. С. Кравцов. Кавказ и его военачальник. – Русская старина, т. 51, 1886, с. 121; Б. К. Хорава. Черкесы, с. 98.
- [36]. П. И. Ковалевский. Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки. СПб, 1914, с. 332.
- [37]. Д. А. Милютин. Воспоминания, с. 38-70, 190-201; В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Ленинград, 1957, с. 70-92.
- [38]. Д. А. Милютин. Воспоминания, с. 350.
- [39]. Известия из Кубанской области. – Кавказ, 8 августа, 1863 г., №61; Известия из Кубанской области. – Кавказ, 6 октября 1863 г., №78.
- [40]. Д. А. Милютин. Воспоминания, с. 354.
- [41]. Д. А. Милютин. Воспоминания, с. 356; Н. С. Киняпина, М. М. Блиев, В. В. Дегоев. Кавказ

- и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII- 80-е годы XIX в. Москва, 1984, с. 204-206.
- [42]. Д. А. Милютин. Воспоминания, с. 356; Н. В. Берг. Польское возмущение в 1863-1864 гг. – Русская старина, т. XI, 1897, с. 497; Н. С. Киняпина, М. М. Блиев, В. В. Дегоев. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России..., с. 206.
- [43]. Д. А. Милютин. Воспоминания, с. 315-321.
- [44]. Н. С. Киняпина, М. М. Блиев, В. В. Дагоев. Кавказ..., с. 207.
- [45]. Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа, с. 128-130; А. Лилов. Последние годы борьбы...; С. С. Эсадзе. Покорение..., с. 156.
- [46]. Д. А. Милютин. Воспоминания, с. 354.
- [47]. Центральный Государственный Исторический Архив Национального Архива Грузии (далее – ЦГИА НАГ), ф. 416, оп. 3, д. 216 – О заселении восточного берега Черного моря, по очищению его от горцев, л. 1.
- [48]. ЦГИА НАГ, ф. 416, оп. 3, д. 216 – О заселении восточного берега Черного моря, по очищении его от горцев, л. 1-8.
- [49]. А. Берже. Выселение горцев с Кавказа, с. 346.
- [50]. А. Лилов. Последние годы борьбы..., – Кавказ, 1867, №19.
- [51]. Записки М. Я. Ольшевского. – Русская старина, 1895, т. 84, №1, с. 158-162; И. С. Кравцов. Кавказ и его военачальники, с. 121; В. Солтан. Военные действия..., с. 457; С. С. Эсадзе. Окончание Кавказской войны. – Кавказ, 1902, 11 сентября, № 240; С. С. Эсадзе. Покорение..., с. 161-163; Б. К. Хорава. Черкесы, с. 109; Т. Половинкина. Черкесия – боль моя и надежда, с. 321.
- [52]. Г. А. Дзидзария. Махаджирство..., с. 283.
- [53]. А. Лилов. Последние годы борьбы..., – «Кавказ», 1867, №19; В. Солтан. военные действия..., с. 458-463.
- [54]. А. В. Фадеев. Убыхи в освободительном движении на западном Кавказе. – Исторический сборник, 4. Москва-Ленинград, 1935, с. 180.
- [55]. Известия из Кубанской области. – Кавказ, 1864, 17/29 мая, № 37.
- [56]. А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, с. 397.
- [57]. Известия о последних военных действиях на Западном Кавказе. – Кавказ, 1864, 11/25 июня, № 44; Д. А. Милютин. Воспоминания, с. 444-450; История Лейб-гренадерского Эриванского его Величества Александра Николаевича полка, т. III, 1853-1870. Составил штабс-капитан Шабанов. Тифлис, 1871, с. 157-160; Т. Половинкина. Черкесия – боль моя..., с. 324.
- [58]. Известия о последних военных действиях на Западном Кавказе...
- [59]. Известия о последних военных действиях на Западном Кавказе...; Ахчипсу. – Кавказ, 1864, № 49; В. Солтан. Военные действия..., с. 467-469; Б. К. Хорава. Черкесы, с. 110; Т. Половинкина. Черкесия – боль моя и надежда, с. 325.
- [60]. А. Лилов, Последние годы борьбы..., – Кавказ, 1867, №19; В. Солтан. Военные действия..., с. 470.
- [61]. Б. К. Хорава. Упразднение Абхазского княжества и Михаил Шарвашидзе. Тб., 2011, с. 263-284 (на грузинском языке); Б. К. Хорава. Мухаджирство абхазов 1867 года, с. 61-63.
- [62]. И. Половнев. Страна Псху, Сухум, 1934, с. 31; Г. А. Дзидзария. Махаджирство..., с. 194.
- [63]. ЦГИА НАГ, ф. 545, оп. 1, д. 65 – Переписка о поселении псхувцев в Кувинском ущелье и о довольствии их провиантом, л. 2, 26, 36; Б. К. Хорава. Переселение псхувцев. – Труды второй республиканской научной конференции Ассоциации молодых ученых. Кутаисский

- государственный университет, 2004, с. 256-259 (на грузинском языке).
- [64]. Г. А. Дзидзария. Махаджирство..., с.195; Б. К. Хорава. Переселение псхувцев, с. 285-290; Б. К. Хорава. Мухаджирство абхазов 1867 года, с. 57-59.
- [65]. А. Лилов. Последние годы борьбы..., – Кавказ, 1867, №19.
- [66]. С. С. Эсадзе. Историческая записка..., с. 52.
- [67]. А. Берже. Выселение горцев с Кавказа. – Русская старина, т. 33, 1882, №1, с. 165-167.
- [68]. Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа, с. 146-147.
- [69]. Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа, с. 147.
- [70]. Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа, с. 147-148.
- [71]. Г. А. Дзидзария. Махаджирство..., с. 208.
- [72]. С. Смоленский. Воспоминания кавказца. – Военный сборник, 1875, №12, с. 222.
- [73]. До 1870 года территория от Цемесского залива до р. Туапсе входила не в состав Черноморского округа, а в Кубанскую область.

IA JICHONAIA

Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)

BEZHAN KHORAVA

Doctor of History, Professor, The University of Georgia (Georgia)

CONQUEST OF THE WESTERN CAUCASUS AND ABKHAZIA BY RUSSIA

Summary

In the August 1859 one of the most important stages of Caucasian war was ended by the Russian conquest of North-East Caucasus (1763-1864). But the mountaineers of the Western Caucasus continued their fight against Russia - Adigen and Abazian tribes. During the conquest of the West Caucasus, the Russian command paid an extreme attention to the Abkhazian factor. It was obvious that till the time, Russia had only the seaside under his lead, they would never have any power on Abkhazia.

Since the Autumn 1860 the Caucasian command had taken a new course of leading the war. The main way of conquering a region was the military colonization. It has been decided to start settling the West Caucasus with the Cossack villages and move the local population to the Kubanian field or Turkey. Upcoming threat forced the West Caucasian mountaineers to ask for help the Turkey and West European countries. But the Europe and Turkey have disregarded the mountaineers tragedy. Realizing that they were not in the power of going against the Russian road of victory conquest, they knew that the mountaineers fate had been predicted. In the 1864 on the hills of Mzimta, in the highland of Gubaad (in Russian – Kbaada, now red glade) community Akhchipsu, the Caucasian war was officially announced to be over. After the conquest of the West Caucasus, Russia had no reason to maintain the existence of the autonomous Abkhazian principality any longer. In June 1864 the Abkhazian principality was abolished and the Russian governance has arrived.

The eviction of most of the West Caucasus mountaineers to the Turkey was connected to the end of the Caucasian War, but the process had been started long before. According to the official

records, during the years 1858-1864 470 000 people have been transferred to the Turkey and almost 90 000 from the Kuban and Lab. On the North-Eastern coast of the Black sea and in the mountains of West Caucasus there was almost no one left from the Adigenian or Abazinian population. The Russian Empire has gained a huge territory for colonization. Even only during 1861-1864 there were 111 Cossack villages established (85 000 people). Meanwhile the Russians who were leaving their provinces were settling on the same territory and also the Greeks and Armenians moving from Turkey, because these ones had to become the support of the Tsarism in this region. In 1866 the Reform has been made regarding the administrative system of the West Caucasus. A big region from the Kuban to the main Caucasian ridge, became part of the Kubanian Region and the North-Eastern coast of the Black sea became part of the Black sea Region. In this way Tsarism has achieved his aim – the West Caucasus had been taken under the lead of the Imperial administrative system.

АВРААМ ШМУЛЕВИЧ
Политолог (Израиль)

ИСТОРИЯ РУССКО-ЧЕРКЕССКОЙ ВОЙНЫ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.10>

Продолжение, начало в № 28.

Последняя вспышка боевых действий между русскими войсками и адыгами произошла в 1878 году. Выселение остатков адыгов в Турцию не прекращалось до 1910 г, временами по несколько тысяч человек в год. В 1888-м году было изгнано 3421 чел., в 1890 г. — 9153 чел., в 1895 — 3999 чел. Ещё 9 марта 1857 г. (за семь лет до окончания Кавказской войны) правительством султана был принят закон о переселении горцев Северного Кавказа на территорию Османской империи, в котором обещалось, что: «кто желает переселиться в Турцию, будет находиться под личным покровительством султана; земли, предоставляемые переселенцам, освобождены от всех налогов; каждый, кто переселится во Фракию, освобождается от военной службы на 6 лет, а в Анатолию — на 12 лет. В 1860 г. спустя три года после принятия этого закона в Османской империи было образовано Управление по делам мухаджиров (переселенцев) [Фасих Бадерхан. «Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX века)». М.: Институт востоковедения РАН, 2001. стр. 25.]

Однако, как пишет современный российский историк, один из ведущих специалистов по адыгской истории, профессор Анзор Кушхабиев: «На османском побережье Чёрного моря черкесские изгнанники оказались в довольно сложных условиях.

Местные власти, не ожидавшие прибытия столь значительного числа черкесов, не успевали обеспечивать их временным жильём и минимумом продовольствия. Изгнанников размещали на побережье в палатках, в пустующих казармах и др. Опасаясь распространения эпидемических болезней среди местного

населения, власти создавали вдоль побережья, где скопились черкесские изгнанники, карантинные лагеря. Эпидемические болезни (тиф, оспа), нехватка продовольствия и неприспособленность к новым климатическим условиям послужили причиной гибели значительного числа изгнанников.

Османские власти предпринимали определённые меры по содействию черкесским изгнанникам. Для их нужд выделялись государственные средства; была развёрнута кампания сбора пожертвований. Всё же, несмотря на эти меры, помощь, получаемая изгнанниками, была недостаточной и не всегда доходила до места предназначения.

По свидетельствам очевидцев событий, в 1863-1864 гг. численность черкесских изгнанников, погибших в Османской империи, составила свыше 100 000 человек. По официальным данным османского правительства в 1867 г., численность черкесских изгнанников на территории Османской империи (без учёта погибших) составляла 595 000 человек». [А.В. Кушхабиев. Рецензия на статью Д. Сыромятников «Война как средство конструирования нации».]

Офицер турецкой армии черкес Нури, перенесший тяготы эмиграции, впоследствии вспоминал: «...Нас швыряли, как собак, в парусные лодки; задыхаясь, голодные, оборванные, больные, мы ждали смерть как лучшее для нашей судьбы, ничто не принималось в расчет: ни глубокая старость, ни болезни, ни беременность!

Все деньги, которые ассигновало ваше (русское) правительство на поддержку переселенцев, все они уходили куда-то, но куда? Мы их не видели, с нами обращались как со скотом, нас валили на общие койки сотнями,

не разбирая, кто здоров, кто болен, и выбрасывали на ближайший турецкий берег. Многие из нас умерли, остальные приткнулись, где попало» . [Кушхабиев А. В. Генезис черкесской диаспоры на Арабском Востоке (на примере Сирии). Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 1991, с. 33. Цит. по: Ф. Бадерхан. «Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX века)».. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. стр. 39 — 40.]

О численности черкесов, погибших уже на турецком берегу, свидетельствует письмо русского консула в Трапезунде А. Н. Мошни-на [Берже А. Я. Выселение горцев с Кавказа. — Русская старина. 1882, Т. XXXIII, с. 176. Цит. по: Ф. Бадерхан. «Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX века)».. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. стр. 40.]: «С начала выселения в Трапезунде и окрестностях пребывало до 247 000 душ. Умерло 19 000 душ, теперь осталось 63 290 человек, средняя смертность — 180—250 человек в день. Свидетельствует сильный тиф... за ноябрь—декабрь 1863 года прибыло в Трапезунд 100 кочерм, отправлено в Константинополь и Варну 4650 человек. В среднем умирало в день 40—60 человек, находится еще в Трапезунде 2050 человек».

всем бедствиям «черкесских» переселенцев присоединилась еще и работорговля. Умиравшие с голода эмигранты предпочитали продавать своих детей, чем видеть их голодную смерть. Только с ноября 1863 по сентябрь 1864 г. было продано около 10 тыс. человек и около 100 тыс. умерли [Касумов А. Л. Разные судьбы. Нальчик, 1967. Цит. по: Ф. Бадерхан. «Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX века)».. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. стр. 39 — 40.].

Но, в конце концов, положение изгнанников как-то нормализовалось, турки смогли мобилизовать средства для их абсорбции, усилили и турецкого правительства и турецкого

общества для помощи черкесам были впечатляющими.

Была начата кампания сбора пожертвований в пользу иммигрантов. В ней принимали участие султан, султанша и наследный принц.

От их имени наиболее нуждавшимся черкесам было роздано 300 тысяч пиастров, а позже султан дал еще 500 тысяч из собственных средств и, следуя примеру монарха, его приближенные и министры — по 5 тысяч. Мать и жена хедива (правителя) Египта, находившиеся в это время в Стамбуле, пожертвовали 300 тыс. пиастров.

Помощь черкесам стала поступать из различных городов империи (жители Эдирне, например, собрали на строительство домов поселенцам 400 тысяч пиастров).

В Стамбуле был сформирован специальный комитет содействия черкесским беженцам. Он стал регулярно проводить сборы пожертвований, а в 1899 г. организовал издание гербовых марок, доход от продажи которых поступал в его фонд. Эти марки следовало прилагать ко всем официальным документам страны [Ф. Бадерхан. «Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX века)».. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. стр. 43 — 44.].

Начала действовать и правительственная программа расселения горцев.

Переселенцы с Кавказа были рассеяны по всей Османской империи, но особенно большое внимание уделялось созданию черкесских поселений в проблемных, с военной точки зрения, районах Империи.

Ныне самая большая черкесская диаспора проживает в Турции, а кроме того — в Иордании, Израиле, Сирии, Ливии, Египте, Ираке, в Боснии и Герцеговине. Черкесские общины ныне имеются в основных странах Западной Европы и в США.

Черкесы, как стали именовать вообще всех выходцев с Северного Кавказа, постепенно активно включились в жизнь приютившей их империи. Особенно велика их роль была

в армии, важное место они заняли и в правительственном аппарате.

Практически сразу после начала депортации из Российской империи турецкие власти стали формировать из них кавалерийские полки, в том числе черкесскую гвардию султана.

Уже в июне 1864 г около 3-х тысяч черкесов поступило волонтерами в турецкую армию, в дальнейшем из их числа были сформированы три отдельных кавалерийских полка. Сам султан пополнил личный кавалерийский полк черкесами из знатных родов [Ф. Бадерхан. «Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX века)».. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. стр. 44.].

Турецкие черкесы продолжали помнить и кто они, и недавнее трагическое кровавое прошлое. Счет к Российской империи не был закрыт.

В условиях султанского правления черкесы следовали в русле официальной политики османских властей, никаких самостоятельных требований выдвигать было невозможно. Впрочем, курс этот, закончившийся вступлением Турции в мировую войну против России, соответствовал и национальным чаяниям изгнанников с Кавказа.

Но как только позволила политическая обстановка, черкесы стали играть и свою собственную игру.

В 1908 г в Османской империи произошла буржуазная революция. Пришедшие к власти младотурки (неофициальное название партии «Единение и прогресс») провозгласили равноправие всех народов империи. Нетурецкие народы получили право на культурно-просветительскую деятельность — и черкесы сразу же воспользовались этой возможностью.

К тому времени они уже прочно вошли в военную элиту страны, об этом красноречиво свидетельствует состав основателей и руководства образованного в 1908 г в Стамбуле «Черкесского общества единения и взаимопомощи» (ЧОЕВ): маршал Фуад-паша Тхуго, маршал Мехмет Зеки-паша, маршал Абдул-

лах-паша, генерал Иззет-Чунатуко-паша, генерал Пух Назми-паша, генерал Шхалпы Осман-паша, министр по делам вакуфов (1908-1909 гг) Мехмет Шемседдин-паша.

Общество также поддерживали Салих Хулуси-паша (сенатор, в 1909 г — военный министр, в 1910-1911 гг — министр морского флота, в 1912 г — министр общественных работ), Хуршит-паша (в 1912-1913 гг — министр морского флота и и.о. военного министра), Хусейн Назым-паша (в 1912-1913 гг — военный министр).

«Черкесское общество единения и взаимопомощи» начало издавать газету на черкесском языке (арабской графикой), а также десятки книг, брошюр, бюллетеней и журналов на черкесском, турецком и арабском языках, в Стамбуле была открыта средняя «черкесская образцовая школа», преподавание в которой велось на черкесском (адыгском) языке. Со временем аналогичные школы стали открываться и в других районах компактного проживания черкесов.

В целом черкесы активно поддерживали республиканцев.

Во время феодально-клерикального мятежа в апреле 1909 г. Черкесское общество совместно с рядом политических и общественных организаций выступило соучредителем объединения «Османский союзный совет», который провозгласил своей главной целью защиту конституционного строя.

Члены ЧОЕВ были и среди учредителей либеральной партии «Свобода и согласие» (создана в ноябре 1911 г). Маршал Фуад-паша в марте-декабре 1912 г. являлся председателем партии. «Свобода и согласие» получила широкую поддержку среди нетурецких народов империи, которым гарантировала право на автономию.

В июле 1912 г партия «Свобода и согласие» пришла к власти, но в январе 1913 г младотурки совершили государственный переворот и снова захватили власть. Младотурки фактически возвели в ранг государственной идеологии радикальную форму туркизма (во

внешней политике — пантюркизма). Большая часть общественных объединений была закрыта либо их деятельность ограничена. ЧОЕВ также было вынуждено закрыть большинство территориальных отделений.

Фактически с момента своего основания «Черкесское общество единения и взаимопомощи» развернуло активную деятельность на территории Российской Империи.

Политической целью турецких черкесов было всемерная поддержка требований независимости народов Северного Кавказа. Активность черкесских организаций на этом внешнем направлении (в отличие от активности внутри страны) правительство младотурок поддерживало.

В первую очередь черкесы Турции установили связи с интеллигенцией Северного Кавказа. На Северный Кавказ были отправлены десятки преподавателей и учебная литература на северокавказских языках.

С началом Первой мировой войны активисты ЧОЕВ создали «Комитет Независимости Кавказа», а затем еще несколько подобных структур. В их работе участвовали представители северокавказской военно-чиновничьей элиты: маршал и сенатор Фуад-паша, министр морского флота Хусейн Рауф-бей, губернатор Бейрутского вилайета Сами-бей и др. [Изложение деятельности «Черкесского общества единения и взаимопомощи» дано по монографии: А.В. Кушхабиев. «Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры». Нальчик, 2007 г.]

Эта активность велась при полной поддержке правительства Турции, в первую очередь одного из руководителей турецкого государства военного министра Энвер-паши (мать которого, по слухам, была черкешенкой).

С целью обеспечения международной поддержки требований о создании независимого северокавказского государства Комитетом Независимости Кавказа были установлены связи с европейскими посольствами в Стамбуле.

В европейских государствах осуществлялись акции по привлечению внимания к положению северокавказских народов. В ноябре

1915 г. Комитет направил в Берлин и Вену делегацию с целью ознакомления европейской общественности с проблемами кавказских эмигрантов. В июне 1916 г. представители Комитета участвовали в Лозанне в конгрессе «Союза национальностей» («Union des Nationalités», иначе «Конгресса угнетенных народов», предшественника UNPO, «Организации непредставленных наций и народностей»), где выступали с требованием вернуть народам Северного Кавказа право на независимость.

В 1913 г. Правительством Турции была создана новая мощная спецслужба «Особая организация» («Тешкилят-ы махсуса»), подчиненная непосредственно высшему младотурецкому руководству. Среди ее руководящих и рядовых кадров находилось «непропорционально большое» число черкесов» [Г.В. Чочиев. Кавказская ориентация в политической деятельности представителей северо-кавказской диаспоры в Турции в период Первой Мировой войны.].

Сразу же после вступления Турции в войну в конце октября 1914 г. разработка военных операций по освобождению Кавказа стала одной из приоритетных сфер деятельности османского генерального штаба.

И с первых же дней войны представители черкесского населения весьма активно проявили себя как в ходе мобилизации, так и в боевых действиях на различных фронтах.

Помимо регулярных подразделений, тысячи черкесов воевали в составе добровольческих, в основном кавалерийских, формирований. В действующую армию в этот период ушла и существенная часть активистов «Черкесского общества единения и взаимопомощи». Более того, общество по мере возможности пыталось поощрять военный энтузиазм своих соотечественников, призывая их к вступлению в ряды османских войск не только ради выполнения верноподданнического долга перед Портой, но и «с целью внесения непосредственного вклада в освобождение Родины». В одной из статей, опубликованных

вскоре после начала войны в печатном органе «Черкесского общества единения и взаимопомощи» — газете «Гуазэ», — следующим образом передавались настроения и ожидания турецких черкесов:

«Мы уже чувствуем в груди воздух Северного Кавказа. Кавказ — это земля, где находятся могилы наших предков, страна, ради которой можно пожертвовать и жизнью, и состоянием...»

Черкесы направлялись турецким командованием именно на кавказский фронт. Например, высшие офицерские кадры дислоцированной в Восточной Анатолии 3-й («Кавказской») армии состояли преимущественно из северокавказцев, в числе которых были и такие известные своей деятельностью в ЧОЕВ лица, как генерал Юсуф Иззет-паша (командующий 10-ым корпусом) и подполковник Исмаил Хаккы-бей (офицер штаба того же корпуса).

Имеются данные и о привлечении черкесов (в том числе по рекомендациям Юсуфа Иззет-паши и других авторитетных военачальников-кавказцев) в подчиненные «Особой организации» иррегулярные подразделения, предназначенные для проведения специальных операций, как на линии фронта, так и за ней.

Показательно в этой связи разосланное 26 ноября 1914 г. Главным управлением безопасности МВД Турции руководителям ряда провинций секретное предписание в недельный срок собрать и подготовить к отправке на Кавказ «как можно большее число лазов и черкесов, способных к ведению партизанской войны в горных условиях».

Один из наиболее видных представителей диаспорной политической элиты Бекир Сами-бей, губернатор Бейрутского вилайета, еще 30 июля 1914 г. направил военному министру Энвер-паше письмо, в котором обращал его внимание на необходимость и возможность организации на Кавказе в случае начала войны восстаний местного населения против царской администрации.

Бекир Сами-бей (1865-1933) по национальности был осетином, сыном генерал-лейтенанта русской армии Муссы Кундухова, в числе прочего автора известных мемуаров.

Османское правительство поддержало идеи изгнанников, и деятельность на этом кавказском направлении стала рассматриваться как приоритетная. Так, активист «Черкесского общества единения и взаимопомощи» Хусейн Тосун-бей, убух по национальности, вскоре после начала войны был назначен генеральным директором Османского национального информационного агентства.

С первых дней войны началось и выделение государственных финансовых средств на поддержку «черкесского движения», деньги шли из бюджетов подконтрольных Энвер-паше Военного министерства и Особой организации.

Турция вступила в войну с Россией в конце октября 1914 г., но еще в период мира, в августе 1914 г. по прямому указанию Энвер-паши была создана так называемая Турецкая санитарная миссия, на деле представлявшая собой кавказский политический комитет и состоявшая из ряда известных в стране лиц кавказского происхождения во главе с убухом Фуад-пашой. Эта организация должна была под прикрытием легальной гуманитарной и благотворительной деятельности проводить на Кавказе (по крайней мере до официального объявления войны между Стамбулом и Санкт-Петербургом) работу по стимулированию антироссийских настроений среди местного населения.

В том же месяце, в августе 1914 г., прошла встреча членов Миссии убуха Фуад-паши и аварца, родственника Шамиля, Мухаммеда Фазыл-паши с послом Германии в Стамбуле Х. Вангенхаймом. Посол от имени своего правительства обещал оказывать северокавказцам материальное, информационное и прочее содействие в организации антироссийских акций на Кавказе, а после завершения войны — признать независимость кавказского конфедеративного государства.

В сентябре 1915 г. была создана ещё одна структура — Комитет независимости Кавказа.

Его представители действовали и в Европе, в лагерях для российских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, им была дана возможность вести агитационную и вербовочную работу среди российских военнопленных — выходцев с Кавказа. В 1916 г. был создан Комитет северокавказских политических эмигрантов в Турции.

Комитет сразу же начал с акции, привлекая к нему внимание прессы. Его делегация приняла участие, от имени северокавказских народов, в III Конгрессе угнетенных наций, который провел 27-29 июня 1916 г. в Лозанне Союз национальностей.

Аналог современной UNPO, «Организации непредставленных наций и народностей», Союз национальностей (Union des Nationalités) был учрежден в 1911 г. бельгийцем (фламандцем) П. Отлетом и литовцем Й. Габрийсом и представлял собой неправительственную организацию, «ставившую своей целью изучение проблем и защиту интересов лишенных собственной государственности либо аннексированных народов и стран».

Две первые его конференции состоялись в 1912 и 1915 гг. в Париже. В конце 1915 г. штаб-квартира организации была перенесена в нейтральную Лозанну.

В Конгрессе участвовали около двадцати делегаций от «зависимых и колониальных народов» Европы, Азии и Африки, при этом представители, выступавшие от «зависимых народов» Российской империи, составляли чуть ли не большинство — помимо северокавказцев, были еще делегаты из Польши, Украины, Прибалтики, Поволжья, Закавказья, Средней Азии и других регионов империи.

Все члены делегации «Комитета северокавказских политических эмигрантов в Турции» были иммигрировавшими в Османскую империю уроженцами Российской Империи и имели в прошлом российское гражданство. Понятно, что это обстоятельство еще более подчеркивало стремление турецких черкесов

говорить от имени их «томящихся под русским гнетом соплеменников».

Во время работы Конгресса представители Комитета встретились с проживавшим в этот период в эмиграции в Швейцарии Лениным «для обсуждения положения нерусских народов России».

Работа Конгресса широко освещалась в прессе и нейтральных стран и обоих воюющих блоков, что дало возможность турецким черкесам развернуть пропаганду не только в странах Оси, но и Антанты.

В Женеве было открыто специальное представительство Комитета северокавказских эмигрантов, руководителем которого стал Шамиль-бей (1891-1957) — сын видного османского военачальника Османа Ферид-паша из убыхского рода Шхапли и внучки имама Шамиля Нефисет, незадолго до этого назначенный корреспондентом Османского информационного агентства в Швейцарии.

Предпринимали члены Комитета и инициативы по организации в составе турецкой армии национальных черкесских частей, численностью до 60 тыс. человек.

Планы эти получили значительную поддержку в военном руководстве, однако возобновившееся в начале 1916 г. наступление российских войск в глубь Восточной Анатолии лишило их практического смысла.

После Февральской революции, в мае 1917 г. во Владикавказе местной интеллигенцией был созван Съезд горских народов Кавказа.

В его работе участвовало 340 делегатов от всех народов Северного Кавказа, включая казаков. Затем в мае — сентябре 1917 г. по всему Кавказу прошли съезды горских народов, и в результате был учрежден «общенациональный представительный орган» — Союз объединенных горцев Кавказа (СОГК), одной из главных задач которой было «самоопределение народов Северного Кавказа».

Турецкие черкесы немедленно поддержали это движение. Документы и материалы упомянутых съездов на французском языке

были опубликованы «Комитетом северокавказских политических эмигрантов в Турции» в 1918 г. в Стамбуле.

После начала войны связи турецких черкесов с их соплеменниками в Российской империи и вообще работу по поддержанию стремления северокавказских народов к независимости стала координировать «Особая организация», созданная в 1913 г. спецслужба, подчиненная непосредственно высшему младотурецкому руководству, среди руководителей и сотрудников которой было «непропорционально большое» число черкесов.

В конце 1917 — начале 1918 г. Особой организацией был инспирирован ряд обращений и воззваний от имени диаспоры к народам Северного Кавказа с призывом усилить борьбу за независимость, а также к различным европейским державам и организациям с требованием поддержать эти усилия.

В Швейцарии была начата работа по выпуску нацеленной на отстаивание идеи кавказской независимости газеты на французском языке. Приблизительно в феврале 1918 г. несколько ведущих черкесских активистов были переправлены турецкими спецслужбами на этническую родину.

Первые массовые личные контакты между турецкими черкесами и представителями национального движения Северного Кавказа состоялись во время работы в марте 1918 года Трабзонской мирной конференции, проходившей с участием делегаций Порты и Закавказского правительства. Османскую делегацию возглавлял начальник штаба военно-морского флота Хюсейин Рауф-бей (1881-1964), абхаз из рода Ашхаруа (Чинче) и активный участник организаций турецких черкесов.

Официальная делегация Центрального исполнительного комитета Союза объединенных горцев Кавказа (так называемого Горского правительства) прибыла из России в Турцию 1 апреля. Ей был оказан прием на самом высоком уровне: делегацию принял султан Мехмед V и руководители Турецкого государства Энвер-паша, Талаат-паша и другие члены

кабинета министров.

После Октябрьской революции и последующего развала фронта турецкие войска начали наступление на Кавказ. 15 апреля 1918 г. они без боя овладели Батумом, 25 апреля — Карсом.

11 мая 1918 г. была официально провозглашена Республика Союза горцев (Северного) Кавказа (СКР). Назавтра после провозглашения она отправила османскому руководству обращение с просьбой оказать «мусульманам Северного Кавказа» срочную военно-политическую помощь посредством направления в регион «любым способом и любым путем достаточного количества регулярных вооруженных сил».

Невзирая на протесты советской стороны, Порты незамедлительно признала вновь провозглашенное государство и заключила с ним 8 июня 1918 г. в Батуме договор о дружбе и взаимопомощи, обязавшись оказывать СКР военную помощь для ее «защиты от внешних угроз и обеспечения внутреннего порядка и безопасности».

Но ещё раньше этой даты началась последняя стадия реализации проекта исторического реванша — создания независимого Черкесского государства, а также независимого Дагестана и Чечни.

12 мая 1918 г. Энвер-пашой было отдано распоряжение о начале практической подготовки османских военных подразделений к отбытию на Северный Кавказ.

В июне 1918 г. через Азербайджан в не подконтрольные ни большевикам, ни их противникам горные районы Дагестана был переброшен «организационный батальон». Черкесами, т.е. этническими северокавказцами, были и его командир, подполковник Исмаил Хаккы-бей, и его заместители капитаны Мидхат-бей и Музаффер-бей, и большинство офицеров, унтер-офицеров и солдат. (Исмаил Хаккы-бей (1890-1954) — адыг из рода Беркук, Мидхат-бей — убых из рода Шхапли, Музаффер-бей (1897-1959) — абхазец из рода Ачба). Многие бойцы корпуса были активни-

стами черкесских общественных организаций. Задачей этого соединения, доставившего с собой большую партию оружия и боеприпасов, было создание во взаимодействии со сторонниками Горского правительства военных и административных структур национальной государственности и подготовить почву для наступления основных османских сил.

В августе 1918 г. это ожидавшееся черкесскими изгнанниками более полувека наступление началось. На Северный Кавказ, на исторические земли адыгов, абхазов, дагестанцев и чеченцев двинулся Северо-Кавказский корпус турецкой армии. Командовал им генерал Юсуф Иззет-паша. Адыг по происхождению, он являлся также видным черкесским этнографом, оставил после себя ряд трудов, в том числе трехтомную «Историю Кавказа» и книгу «Старые фракийцы и черкесы». В 1918-1919 годах генерал являлся председателем черкесского благотворительного общества в Константинополе [Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия, Издательство «Алашара», Сухуми, 1982, стр. 483.].

Одновременно Юсуф Иззет-паша был официальным политическим и военным представителем Порты в Северо-Кавказской Республике, а командир «организационного батальона» Исмаил Хаккы-бей — главным военным советником Горского правительства, ведавшим формированием его вооруженных сил.

Северо-Кавказский корпус, между тем, продолжал наступление вглубь Кавказа. 15 сентября 1918 г. англичане оставляют Баку, 6 октября 1918 г. турецкие войска заняли Дербент, выбив из города части русско-армянской (эсеры, меньшевики и дашнаки) «Диктатуры «Центрокаспия». Затем турецкая армия заняла основные центры Дагестана, включая Темир-Хан-Шуру и Порт-Петровск. 29 октября 1918 г. в Темир-Хан-Шуре было официально заявлено об установлении власти Горского правительства.

А в августе 1918 г. близ Сухума был выса-

жен десант численностью около 600 человек, в подавляющем большинстве этнических абхазов, убыхов и черкесов. Их целью было защита Абхазии от притязаний меньшевистской Грузии.

Командовавший десантом Джемаль-бей (из знатного абхазского рода Маршан) еще до войны являлся членом стамбульских черкесских обществ.

Однако, как минимум на этот раз, Провидение не оказалось благосклонным к проекту черкесской независимости.

30 октября 1918 года, за неделю до взятия корпусом Юсуфа Иззет-паши последнего крупного города в Дагестане — Порт-Петровска, — турецкое правительство признало свое поражение в Мировой войне и подписало продиктованные ему державами Антанты условия перемирия, одно из которых предусматривало немедленный вывод османских формирований с Кавказа.

Турецкое руководство и черкесские активисты, однако, не сразу смирились с поражением.

По воле обстоятельств акт капитуляции Турции от имени Порты подписал абхаз Хусейн Рауф-бей, занявший пост министра флота в новом османском правительстве. В ходе предварительных переговоров с командующим средиземноморским флотом Антанты английским адмиралом А.Кэльторпом он выдвинул предложение о создании на Кавказе независимого конфедеративного государства под протекторатом Англии.

А Энвер-паша в своей последней телеграмме от 15 октября 1918 г. рекомендовал в случае поступления из Стамбула приказа об отзыве войск Северо-кавказского корпуса перевести их под непосредственную юрисдикцию властей Азербайджана и Республики Союза горцев Кавказа.

Вскоре после этого генералы Нури-паша и Юсуф Иззет-паша, формально уволившись из османской армии, заняли должности главнокомандующих вооруженными силами соответственно Азербайджана и Северного Кавка-

за. Многие из находившихся в их подчинении офицеров и солдат также изъявили готовность остаться на Кавказе, заключив с указанными республиками военные контракты.

Только после ноты британского командования с требованием неукоснительного выполнения условий перемирия новые стамбульские власти были вынуждены отдать недвусмысленный приказ об эвакуации своих подразделений с занятых ими кавказских территорий. В конце ноября 1918 г. возглавлявшиеся Юсуфом Иззет-пашой силы покинули Северный Кавказ.

Затем весной 1919 г на Северный Кавказ с боями вошла Добровольческая армия генерала Антона Деникина и правительство Горской республики было распущено.

Осенью того же года после победы 11 Красной Армии члены Горского правительства эмигрировали в Турцию и Европу.

Первая попытка исторического реванша, реализации проекта создания независимой Черкессии, окончилась неудачей. Проект так и остался проектом — до поры до времени, как верили многие черкесы.

Тем временем плохие времена для «черкесского дела» неожиданно наступили и в Турции.

Примечания

События излагаются в основном по работам: Г.В. Чочиев. Кавказская ориентация в политической деятельности представителей северо-кавказской диаспоры в Турции в период Первой Мировой войны. Бюллетень Владикавказского Института Управления. Выпуск №15 — 2005г.; Чочиев Г. В. Из истории черкесского общества единения и взаимопомощи в османской империи в 1908-1914 гг. // Вестник, 2007).

AVRAHAM SHMULEVICH

Political scientist (Israel)

HISTORY OF THE RUSSIAN-CIRCASSIAN WAR

Summary

The last outbreak of hostilities between Russian troops and the Adyghe occurred in 1878. The deportation of the remaining Adyghe to Turkey did not cease until 1910, sometimes several thousand people per year. In 1888, 3,421 people were expelled, in 1890 - 9,153 people, in 1895 - 3,999 people. On March 9, 1857 (seven years before the end of the Caucasian War), the government of the Sultan adopted a law on the resettlement of the highlanders of the North Caucasus to the territory of the Ottoman Empire, which promised that: anyone wishing to move to Turkey will be under the personal protection of the Sultan; the lands provided to the settlers are exempt from all taxes; everyone who moves to Thrace is exempt from military service for 6 years, and to Anatolia - for 12 years. In 1860, three years after the adoption of this law, the Administration for Muhajir (Emigrant) Affairs was established in the Ottoman Empire [Fasih Baderkhan. «The North Caucasian Diaspora in Turkey, Syria and Jordan (the second half of the 19th - first half of the 20th century)». Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2001. p. 25.]. However, as a modern Russian historian, one of the leading experts on Adyghe history, Professor Anzor Kushkhabiyev writes: «On the Ottoman coast of the Black Sea, the Circassian exiles found themselves in rather difficult conditions. Local authorities, not expecting the arrival of such a significant number of Circassians, did not have time to provide them with temporary housing and a minimum of food. The exiles were housed on the coast in tents, empty barracks, etc. Fearing the spread of epidemic diseases among the local population,

the authorities created quarantine camps along the coast where the Circassian exiles had gathered. Epidemic diseases (typhus, smallpox), food shortages, and inability to adapt to new climatic conditions caused the death of a significant number of exiles. The Ottoman authorities took certain measures to assist the Circassian exiles. State funds were allocated for their needs; a campaign to collect donations was launched. However, despite these measures, the assistance received by the exiles was insufficient and did not always reach their destination. According to eyewitnesses, in 1863-1864 the number of Circassian exiles who died in the Ottoman Empire amounted to over 100,000 people. According to official data from the Ottoman government in 1867, the number of Circassian exiles in the Ottoman Empire (excluding those killed) was 595,000 people.» Review of D. Syromyatnikov's article «War as a means of constructing a nation.»

A Circassian officer of the Turkish army, Nuri, who endured the hardships of emigration, later recalled: «... We were thrown like dogs into sailboats; suffocating, hungry, ragged, sick, we awaited death as the best for our fate, nothing was taken into account: neither extreme old age, nor illness, nor pregnancy!

All the money that your (Russian) government allocated to support the settlers, it all went somewhere, but where? We didn't see them, we were treated like cattle, we were dumped on common beds by the hundreds, without distinguishing who was healthy, who was sick, and thrown out on the nearest Turkish shore. Many of us died, the rest were stuck wherever they could.»

Soon after, Generals Nuri Pasha and Yusuf Izzet Pasha, having formally resigned from the Ottoman army, took up the posts of commanders-in-chief of the armed forces of Azerbaijan and the North Caucasus, respectively. Many of the officers and soldiers under their command also expressed their willingness to remain in the Caucasus, having concluded military contracts with the aforementioned republics.

Only after a note from the British command demanding strict compliance with the terms of the armistice were the new Istanbul authorities forced to give an unambiguous order to evacuate their units from the Caucasian territories they had occupied. At the end of November 1918, the forces led by Yusuf Izzet Pasha left the North Caucasus.

Then in the spring of 1919, the Volunteer Army of General Anton Denikin entered the North Caucasus with fighting, and the government of the Mountain Republic was dissolved. In the autumn of the same year, after the victory of the 11th Red Army, members of the Mountain Government emigrated to Turkey and Europe. The first attempt at historical revenge, the implementation of the project of creating an independent Circassia, ended in failure. The project remained a project - for the time being, as many Circassians believed. Meanwhile, bad times for the «Circassian cause» unexpectedly came to Turkey as well.

ШОХИСТАХОН УЛЬЖАЕВА

Доктор исторических наук, – профессор Национального исследовательского университета ТИИМСХ (Узбекистан)

АКБАР ДАМИНОВ

Старший преподаватель, Самаркандский институт ветеринарной медицины (Узбекистан)

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ИМПЕРИИ ТЕМУРИДОВ

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.11>

Введение. В данной статье анализируются некоторые сведения об источниковедении земледельческой истории империи Тимуридов. Истоки земледелия во времена Амира Темура и Тимуридов описаны в различных источниках в разрозненном виде.

Эти материалы важны для понимания факторов, которые прямо и косвенно влияют на развитие сельского хозяйства, политику в этой области, ирригационные системы, сельское хозяйство и расширение его площадей, налоги, собственность на землю и влияние сельского хозяйства на другие отрасли. Археологические памятники, особенно стоянки и следы садов времен Амира Темура, остатки фруктов и деревьев, предметы быта дают информацию о применяемых в этот период земледельческих приемах.

Изучение источников по истории земледелия периода Амира Темура и Тимуридов требует тщательного анализа и внимательного подхода к интерпретации данных. Также изучение материальных и письменных источников этого периода важно для историков и ученых-исследователей при изучении концепций земледелия, аграрных отношений и других сфер в период Амира Темура и Тимуридов.

Мы отсортировали материалы, разделили их на группы материальных и письменных источников и на этой основе оформили наше исследование.

Ключевые слова: *Амир Темура, сельское хозяйство, источник, материальный источник, письменный источник.*

Материальные культурные ресурсы, относящиеся к периоду Тимура и Тимуридов, могут включать археологические ресурсы, различные предметы, сооружения и документы, связанные с сельским хозяйством и сельскохозяйственными отношениями. Археологические раскопки сельскохозяйственных поселений: сюда входит изучение построек, остатков ирригационных систем некоторых деревень и городов, а также находки сельскохозяйственных орудий, таких как сельскохозяйственные орудия, семена, сельскохозяйственные орудия и т. д.

Амир Темура уделял большое внимание строительству ирригации и земледелия, и в этом отношении он пошел по пути масштабного восстановления и строительства новых ирригационных систем и расширения сельскохозяйственных полей. Среди них ряд сохранившихся сегодня ирригационных систем в Зарафшанском оазисе, остатки Шахрухии в Ташкентском оазисе, построенный им город Охангарон и соединяющие их каналы и рвы, Мургобский канал, множество сельскохозяйственных полей и ирригационных систем, которые сохранившиеся до наших дней в Иране, Азербайджане и других регионах, наши научные работы послужили прекрасной основой для освещения.

Изучение проблемы. В. по материальной истории земледельческой истории Тимуридского царства. А. Жуковский[1], С.К. Кабанов[2], Г.Гуломов, М.Е. Массон[3], И.А. Можно привести исследования Сухарева[4], Ю.Ф.

Бурякова[5].

Среди письменных источников эпохи Тимуридов можно назвать произведения Гиязиддина Али, Низамиддина Шами, Шарафуддина Али Язди, Руи Гонсалеса де Клавихо, Ибн Арабшаха, Бабурнамы и других.

Основная часть:

В. А. Изучению Марвского края посвящена работа Жуковского «Руины древнего Марва». В нем В. А. На основе письменных источников и археологических данных Жуковский дает важные сведения для описания ирригационной системы оазиса Марво в период Тимуридов и сельскохозяйственной ситуации в этой области[6].

С. К. Кабанов проводил археологические исследования по разделению канала Старый Анхор на три во времена Амира Темура[7].

В изучении вопросов, связанных с ирригацией и земледелием Хорезма, большое значение имеет работа Я.Г. Гуломова «История ирригации Хорезма[8]», в которой автор использовал богатый археологический материал и сведения письменных источников. .

Я. В исследованиях, проведенных Сухаревым, отмечено, что определено место Боги Дилкушо, построенного во времена Амира Темура [9].

МНЕ. Массон также определил место расположения Давлатабадского парка, построенного Амиром Темуром[10].

Ю.Ф. Буряков проводил археологические исследования в городе Шахрухия и нашел там керамику, широко использовавшуюся при хранении зерна, круп и других продуктов. В частности, открыт и изучен большой ареал гончаров — крупных хумов, предназначенных для хранения зерна [11].

Археологические исследования Академии наук Узбекистана были созданы в Самарканде (1970 г.) на базе Института истории и археологии Академии наук Узбекистана.

Сегодня ученые-археологи Центра археологии Республики Узбекистан, Национального университета Узбекистана, Самаркандского государственного университета продолжают

ряд научных исследований по истории Амира Темура и материальной культуры периода Тимуридов.

Письменные источники. Хотя источники по истории династии Тимуридов обширны, они не являются исчерпывающими по истории сельского хозяйства. Некоторая уникальная информация, содержащаяся в них, была эффективно использована при написании предмета. Исторические труды, переведенные на узбекский язык и изданные в советский период и годы независимости, послужили основой для раскрытия вопросов, которые должны быть освещены в работе.

Произведение Гиязиддина Али ибн Джамаля аль-Ислама Йезди «Розномай газавот Хиндия» («Дневник похода в Индию»)[12] было написано в 1399-1403 годах. Данная работа Гиязиддина Али является ценным источником для изучения истории Амира Темура и его времени. Однако он больше фокусируется на военных кампаниях и политических аспектах Индии, чем на сельскохозяйственных или экономических вопросах.

Тем не менее, в дневнике встречаются косвенные сведения о сельском хозяйстве или экономическом положении территорий, завоеванных Темуром в ходе похода. Например, он может описать ландшафты, через которые он и его армия прошли, или упомянуть города и деревни, через которые они прошли, что дает информацию о типе и уровне сельского хозяйства в этих областях.

Одним из источников, относящихся к эпохе Амира Темура, является труд «Зафарнама»[13], написанный Низамиддином Шами (умер в 1409 году). Оно было написано в 1402-1404 годах по заказу Амира Темура. Он также содержит информацию о вакфах и системах пожертвований и других вопросах.

В изучении истории сельского хозяйства в эпоху Амира Темура большое значение имеет труд испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо «Дневник путешествия в Самарканд – визита Амира Темура». Клавихо приехал в Моваруннахр в 1403–1406 годах в качестве

посла Испании, считавшейся могущественной страной своего времени. Клавихо записал то, что он видел в Моваруннахре и на территориях королевства во время своего посольского пребывания [14].

Книга содержит много подробной информации о садах Моваруннахра, фруктах, сельскохозяйственных культурах, зерновых и т. д.

Другой известный источник по истории земледелия во времена Амира Темура – «Зафарнама» [15], написанный Шарафуддином Али Язди (умер в 1454 г.).

Хотя произведение представляет собой в основном книгу, посвященную жизни и деятельности Амира Темура, победам, достигнутым им при жизни, оно также содержит сведения о сельском хозяйстве и аграрных отношениях.

В работе Язди описываются территории, подвластные Тимуру, и их богатства, включая сельскохозяйственные земли. В книге содержатся сведения о том, как Тимур распорядился этими землями, какую аграрную политику он ввел, какие системы налогообложения использовал и какие социально-экономические отношения существовали между разными слоями населения.

В нем можно найти информацию об ирригационных системах, ирригационных системах, системах вакфов и т. д., а также о сельском хозяйстве.

Ибн Арабшах-Шихобиддин Ахмед ибн Мухаммад ибн Ибрагим (1389 – 1450) написал «Аджаиб аль-макдур фи ахбори ат-Таймур» («Чудеса судьбы в известиях о Тимуре»)[16] является одним из важных источников, связанных с эпохой Амира Тимура.

В книге собраны сведения об оросительных системах, садах, плодах и другой сельскохозяйственной продукции Амира Темура.

Еще одним важнейшим трудом по истории государственности в эпоху Амира Темура является «Тузуклари Темура» [17]. В «Темур Тузуклари» можно узнать о фермерстве, возможностях, созданных для фермеров, взимаемых с них налогах, системах вакфов и сунур-

гов и т.д.

В труде Муиниддина Натанзи «Мутахабат-Таварих» можно найти сведения о вакфной собственности, налогах и других налогах в период правления Амира Темура, а также ряд других вопросов, связанных с землевладением и налоговой системой во времена правления Амира Темура. Амир Темура.

Шахабеддин Абдулла ибн Лутфулла ибн Абдурашид аль-Хавафи – Хафиз ибн Абу (умер в 1431 г.) также считается одним из лучших историков эпохи Амира Темура. Он является автором нескольких произведений, таких как «Маджмуай Хафиз ибн Абу», «Зубдат ут-таварихи Бойсунгури» («Избранная история Бойсунгура Мирзы»). Труд «Зубдат ут-таварихи Бойсунгури» занимает важное место в изучении земледельческой истории Тимуридского царства.

Одним из историков эпохи Амира Тимура является Фасих Ахмад ибн Джалалуддин Мухаммад аль-Хавафи. Его труд под названием «Муджмали Фасихий» («Сборник Фасихий»)[18] был написан в 1441-1442 годах. Он также содержит информацию о системах сельского хозяйства и животноводства.

Одним из историков, описавших события во времена Амира Тимура, был Камалуддин Абдурраззак ибн Мавлан Джалалуддин Исхак ас-Самарканди (1413–1483), чья работа «Матлай Садайн ва Маджмаи Бахрейн» («Место возникновения Две благоприятные звезды и слияние двух морей»)[19], написанная в 1470 г. Он содержит ценные сведения о земледельческой истории Амира Темура, Шахруха Мирзы, Улугбека и других правителей Тимуридов.

Абдурраззак Самарканди предоставляет Абу Саиду информацию об собственности и землевладении вакфов, а также о налоговой системе в государстве Тимуридов с начала правления Шахруха. В «Матлай садайн» мы находим сведения о некоторых налогах, не упоминаемых в науке, например о подоходном налоге (дуди).

Известный историк Миркханд (1433-1498), автор труда «Раузат ус-Сафо» («Сад чи-

стоты»), и его внук Гиязиддин ибн Хумаиддин Хондамир (1475-1535) «Хабиб-ус-сияр фи ахбар» ва афроз уль-башар» («Жизнеописание друга в человеческих посланиях и обязательствах»)[20] и другие произведения[21] также Амир Период Тимура занимает особое место в источниковедении. Хотя эта работа была завершена в 1524 году, она была завершена в 1529 году в результате пристроек.

В «Раузат ус-сафо» (части VI-VII) мы можем найти много информации по многим вопросам, связанным с историей земледелия: землевладение и налоговая система государства Тимуридов, последние Тимуриды, в частности, период правления султана Хусейна Бойкара.

Захириддин Мухаммад Бабур (1483-1530) [22] содержит ценные сведения о городах эпохи Тимуридов, их водных объектах, фруктах и другой сельскохозяйственной продукции.

«Бобурнома» — мемуары Захириддина Мухаммада Бабура, содержащие некоторые сведения о сельском хозяйстве и общественном разделении труда в сельском хозяйстве. Бабур описывает различные места, которые он посетил в своих путешествиях, и останавливается на типах почв, климатических условиях и методах ведения сельского хозяйства, которые он там видел.

Например, он упомянул, какие культуры выращиваются на той или иной территории, какие методы орошения используются или с какими трудностями могут столкнуться работники сельского хозяйства из-за природных условий.

Бабур написал чрезвычайно важные сведения о характере землевладения в ряде регионов Средней Азии в конце XV века. В «Бобурноме» мы находим самое подробное описание различных сортов сельскохозяйственных культур, выращиваемых в разных регионах Средней Азии. «Бобурнома» является ценным источником для освещения ряда вопросов, связанных с социально-экономической историей Средней Азии и Хорасана в конце XV века.

При написании работы мы взяли ценные сведения из трактата «Иршад аз-Зираат» по агротехнике, составленного Фазилем Харави в первой четверти XVI века. Хранится в фонде Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан. Брошюра содержит информацию о различных видах зерна: новых растениях, плодовых деревьях, сортах винограда, овощах и т. д. В трактате говорится об оазисе Герат, но так как климатические условия большинства южных районов Средней Азии мало чем отличаются от климатических условий оазиса Герат, то можно полагать, что многие виды и разновидности растений упомянуты в «Иршад аз-Зира» находились также в Средней Азии[23].

«Иршад аз-Зира» на самом деле был написан и завершен Касимом ибн Юсуфом Абу Насри Харави в 1515 году. Этот справочник является важным источником сельскохозяйственной практики в период Тимуридов.

В этом руководстве описаны методы ведения сельского хозяйства, ирригационные системы, управление почвенными ресурсами, растениеводство и другие аспекты сельского хозяйства. Таким образом, изучение этого источника помогает лучше понять методы ведения сельского хозяйства в регионе, в том числе в период Тимуридов, и их эволюцию с течением времени.

Ко второй категории источников относятся документальные материалы. В частности, одной из важных сведений в этом вопросе является коллекция копий сборника документов Абдуллы Марвориды под названием «Тарасул».

Эта коллекция содержит множество копий подлинных документов, большинство из которых относятся ко времени правления султана Хусейна Бойкара. В частности, ценной информацией для исследования являются копии указов (подписей) о назначении нескольких лиц Садром. Из этих указов мы узнаем о системе управления вакфом страны, правах садров, налогах, взимаемых с имущества вакфа в пользу садра и его чиновников и т.д. У Тарассула так-

же есть копии учредительных документов и нескольких указов. Это имеет большое значение для исследования землевладения вакфов в период Тимуридов. Помимо документов, связанных с владением и управлением землей вакфа, в Тарасуле имеется также копия указа султана Хусейна. Этот указ дополняет сведения из общеисторических источников о налоговой системе государства Тимуридов. Также интерес представляет ряд подлинных основополагающих документов периода Тимуридов, большинство из которых были опубликованы исследователями. Среди них: основополагающий документ времен Тимура[24]; Дарственный документ Ишратханы[25] и дарственный документ могилы Насира Хисрава[26].

О. Д. Сборник Чеховича «Самаркандские документы XV-XVI веков (владения Ходжи Ахрора в Средней Азии и Афганистане)» также содержит соответствующую информацию и был использован в процессе написания научной работы [27].

Ольга Дмитриевна Чехович (1892-1967) — советский историк, исследователь и востоковед, специализирующийся на истории Восточного Туркестана, включая период Тимура и Тимуридов, а также истории Средней Азии и Восточной Персии.

Чехов обсуждал взаимосвязь между сельским хозяйством и политикой при Темуре и его преемниках, включая влияние религиозных и культурных факторов на организацию сельского хозяйства и землепользование. Он также продвигал определенные подходы к сельскому хозяйству и землепользованию. В частности, он учитывал влияние богословов наряду с крупными землевладельцами в сельском хозяйстве.

Научная литература и источники, упомянутые выше, послужили научной основой для написания научной работы.

Краткое содержание. В заключение можно отметить, что материальные и письменные источники периода Тимуридов достаточно разнообразны и дают основу для полного освещения темы.

Они дают полную информацию о посевных площадях, природных и географических условиях, общественном разделении труда, ирригационных системах, налогах, землевладении, садах и т. д. в период Тимуридов.

В будущем необходимо усилить археологические исследования, вести устные предания эпохи Тимуридов, проводить полевые исследования. Тогда можно будет собрать новую информацию по теме.

References:

- [1] Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. Матер, по археол. России, 16. СПб., 1894.
- [2] Кабанов С. К. Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангарского канала. История материальной культуры Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1959, стр. 173.
- [3] Археология Центральной Азии: архивные материалы. Том III / И.А. Сухарев. Археологические исследования и составление археологической карты Самаркандской области. - Самарканд: МИЦАИ, 2016. - 310.
- [4] Археология Центральной Азии: архивные материалы. Том III / И.А. Сухарев. Археологические исследования и составление археологической карты Самаркандской области. - Самарканд: МИЦАИ, 2016. - 310.
- [5] Буряков Ю.Ф., Ташкент Шахрухия - крупный торгово-ремесленный центр средневекового Мавераннахра (по археологическим источникам) ўзбекистон ўрта асрларда: тарих ва маданият. Тарих фанлари доктори, профессор Розия Галиевна Мукминованинг 80-йиллик юбилейига бағишланади (Халкаро анжуман маърузалари) Тошкент, 2003. -С. 103.
- [6] Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. Матер, по археол. России, 16. СПб., 1894.
- [7] Кабанов С. К. Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангарского канала.

- История материальной культуры Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1959, стр. 173.
- [8] Я. Г. Гулямов . История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
- [9] Археология Центральной Азии: архивные материалы. Том III / И.А. Сухарев. Археологические исследования и составление археологической карты Самаркандской области. - Самарканд: МИЦАИ, 2016. – 310.
- [10] Массон М.Е. О местонахождении сада Тимура Давлят-абад. Известия Средазкомстариса. Вып. 3, с. 43-48.
- [11] Буряков Ю.Ф., Ташкент Шахрухия - крупный торгово-ремесленный центр средневекового Мавераннахра
(по археологическим источникам) ўзбекистон ўрта асрларда: тарих ва маданият. Тарих фанлари доктори, профессор Розия Галиевна Мукминованинг 80-йиллик юбилейига бағишланади (Халқаро анжуман маърузалари) Тошкент, 2003. -С. 103.
- [12] Гияс ад-Дин Али. Дневник похода Тимура в Индию /Пер. с перс., предисл. и примеч. А.А. Семенова. – М.: Наука, 1958. – 205 с.
- [13] Низомиддин Шомий. Зафарнома / Форс тилидан ўгирувчи Юнусхон Ҳакимжонов. – Тошкент: Ўзбекистон, 1996. – 527 б.
- [14]Клавихо Руи Гонсалес де. Самарқандга-Амир Темур сайройига саёхат кундалиги (1403-1406 йиллар).-Тошкент: Ўзбекистон, 2010.
- [15]Шарафиддин Али Яздий. Зафарнома (Мовароуннаҳр воқеалари 1360–1370) / Масъул муҳаррир, сўзбоши муаллифи ва нашрга тайёрловчи А.Ўринбоев. Таржимон О.Бўриев. – Тошкент: Камалак, 1994. – 288 б.; Шарафиддин Али Яздий. Зафарнома / Сўзбоши, табдил, изоҳлар ва кўрсаткичлар муаллифлари Ашраф Аҳмад, Ҳайдарбек Бобобеков. – Тошкент: Шарк, 1997. – 384 б.
- [16]Ибн Арабшоҳ. Ажойиб ал-мақдур фи тарихи Таймур / Сўз боши, араб тилидан таржима ва изоҳлар муаллифи У. Уватов. 2 жилдли. – Тошкент: Меҳнат, 1992.
- [17]Темур тузуклари / Форсчадан Алихон Соғуний ва Ҳабибулло Кароматов таржимаси. Сўзбоши ва изоҳлар, умумий таҳрир академик Б.Аҳмедовники. – Тошкент: Адабиёт ва санъат, 1996. – 382 б.
- [18] ФасихАҳмад ибн Джалаладдин Мухаммад ал-Хавафи. Муджмали Фасихи (Фасихов свод) / Пер. с перс., комментарии и указатели Д.Ю.Юсуповой. – Ташкент: Фан, 1980. – 346 с.
- [19]Абдурраззоқ Самарқандий. Матлаъи саъдайн ва мажмаи баҳрайн / Форс-тожик тилидан таржима, кириш сўз, изоҳ ва луғатлар А. Ўринбоевники. – Тошкент: Фан, 1969. Т. 2. I-қисм. – 463 б.
- [20]Хондамир. Хабиб ас-сияр. ЎЗР ФА Шарқшунослик институтининг тошбосмалар жамғармаси. Инв. № 8979.
- [21] Хондамир. Дастур ул вузаро. ЎЗР Фа Шарқшунослик институтининг кўлёмалар фонди. Инв. № 55/1; Ўша муаллиф. Номаи номий. ЎЗР ФА Шарқшунослик институтининг кўлёмалар фонди. Инв. № 801 ва бошқалар.
- [22]Бобур Захириддин Мухаммад. Бобурнома. – Тошкент: Юлдузча, 1989. – 368 б.
- [23] МахмудовН. Земледелие и аграрные отношения Средней Азии В XIV–XV вв. Ответственный редактор кандидат исторических наук А. М. Беленицкий. -Душанбе: Дониш, 1966. -С.7.
- [24] О. Д. Чехович. Вакфный документ времени Тимура из коллекции Самаркандского музея. Эпиграфика Востока, IV, 1951.
- [25] В. Л. Вяткин. Вакфный документ Ишратхана. Мавзолей Ишратхана. Моногр. сб. под ред. проф. М. Е. Массона. Ташкент, 1958.
- [26] Устод Халил Аллах Халили. Ямган. Гос. изд-во Афганистана «Энис Мухаммад Ибрагим Аббас», 1338 (шамси). Первая васика.
- [27] Чехович О.Д. Самаркандские документы XV – XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). – Москва: Наука, 1974. 631 с.

SHOHISTAHON ULJAEVA

**Doctor of Historical Sciences, Professor of the National Research University TIAME
(Uzbekistan)**

AKBAR DAMINOV

Senior Lecturer, Samarkand Institute of Veterinary Medicine(Uzbekistan)

**SOME INFORMATION ON THE SOURCE SCIENCE OF THE AGRICULTURAL
HISTORY OF THE TIMURID EMPIRE**

Summary

This article analyzes some information about the source science of agricultural history of the Timurid Empire.

Sources of farming during the time of Amir Temur and the Timurids are described in a fragmented and scattered state in various sources. These materials are important in understanding the factors that directly and indirectly affect the development of agriculture, policies in the field, irrigation systems, agriculture and its area expansion, taxes, land ownership, and the impact of agriculture on other industries.

Archeological monuments, especially the sites and traces of gardens from the time of Amir Temur, the remains of fruits and trees, and household items provide information about the agricultural practices used during this period.

The study of sources on the history of agriculture during the period of Amir Temur and the Timurids requires careful analysis and a careful approach to the interpretation of data. Also, the study of material and written sources of this period is important for historians and research scientists in studying the concepts of agriculture, agrarian relations and other fields during the period of Amir Temur and the Timurids.

We sorted the materials and divided them into the group of material and written sources and covered our research on this basis.

Key words: *Amir Temur, agriculture, source, material source, written source*

POLITOLOGY - ПОЛИТОЛОГИЯ**ELGUJA KAVTARADZE****Doctor of Political Science, Professor of Sukhumi State University (Georgia)****ARMENIA AND AZERBAIJAN IN A GEOPOLITICAL BATTLE. ZANGEZUR
CORRIDOR**DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.12>

Introduction. The collapse of the Soviet Union and the emergence of three independent states on the map of the South Caucasus was welcomed in Turkey and Iran, which had actually lost the fight for control of the region to Russia in the past. The new geopolitical situation is in their interests, as buffer states have emerged between them and their centuries-old northern rival. Tehran is also using the newly formed situation to its advantage. It has gained the opportunity to communicate with Europe through the South Caucasus, which can significantly reduce its dependence on cooperation in the field of transport with Ankara. One of Tehran's goals is to prevent Ankara from gaining strength in the region, which is beneficial for Russia, as it creates an opportunity to restore control over the region. On the other hand, if there is a prospect of creating a military-political union of the CIS countries led by Moscow, Iran can be safely listed as an opponent of such a union, as it will be perceived as a threat to its own national security. But, as such a union is not expected in the near future, then Iran can be perceived as a Russian ally in the fight against the spread of Turkish and US influence in the region.

In addition to neighbors, European countries and the United States are interested in the region. European countries prefer to act with the help of EU programs, which allows them to achieve better results at lower costs. It must be recognized that the South Caucasus is not a priority area in EU policy, so instead of large-scale investments from European companies, there is mainly technical assistance and educational programs, the main goal of which is to find internal resources in the countries of the region, optimize their use. The

main political goals of the EU must be recognized as maintaining the independence of the South Caucasus states, primarily from Moscow, as well as stabilizing the situation in them. However, the main goal of the EU in the region is to develop the hydrocarbon resources of the Caspian Sea and ensure their safe transportation to European markets.

The United States of America, remaining the only superpower in the world, is striving to support the independence of the former post-Soviet republics from Russia in order to prevent the possibility of their integration around it. The existence of the Caspian hydrocarbon basin contributed to the change in the US position towards the countries of the South Caucasus and Central Asia. The US oil giants could not allow either Russian control over the oil fields or the dominance of European competitors. They forced Washington to take an active position in the region and declare it a zone of its vital interests. This is due to the fact that the US dependence on oil supplies from the Persian Gulf countries is great and threatens to exceed the fifty percent threshold. In addition, control over the Caspian basin fields will allow influencing the world oil market. So, as for the EU, it is necessary to recognize the main goals of the US as control over oil and gas reserves in the Caspian region and the creation of routes for transporting oil to the world market.

In such international relations and in the process of geopolitical struggle, the peoples and states of the South Caucasus have to live, while simultaneously fighting to preserve their geopolitical space.

Today, logistical geopolitics in international

relations is at the zenith of its struggle. Conflicts and geopolitical processes affect not only the transport architecture of the South Caucasus states, but also determine which geopolitical camp a particular country will be in. The South Caucasus, with its great transit potential, stands out for its uneven development of the transport infrastructures of all three republics in the region, which is mainly due to a complex of geopolitical problems, in particular the presence of a number of unresolved conflicts. The latter create significant obstacles both for regional transport integration and for the uniform involvement of Armenia, Georgia and Azerbaijan in international transport communications.

Key words: *Zangezur Corridor*, «*Crossroads of the World*», *Geopolitics*, *international relations*.

Due to its geographical location, the South Caucasus is located at the crossroads of transport routes from East Asia to Europe (east-west), as well as from Russia and Northern Europe to South Asia (north-south). In the new geopolitical conditions, these transport arteries are acquiring a special role in the development of international economic cooperation. In these circumstances, some countries of the South Caucasus and neighboring regions (Azerbaijan, Turkey, Iran) are proposing various projects to create not just regional, but also world-class transport and logistics hubs on their territories.

Armenia has not remained aloof from these processes, presenting the “Crossroads of the World” transport project. It envisages the development of communications between Armenia, Turkey, Azerbaijan and Iran.

At the end of October, Armenia presented the “Crossroads of the World” project, which is essentially the Armenian version of the project to unblock communications in the region after the 44-day war. This is one of the components of the process of establishing lasting peace in the South Caucasus, and if implemented, it can change the status of Armenia, helping it to emerge from

isolation and become a logistics hub in the region.

After lengthy internal discussions and rebranding of the «Crossroads of Peace», Armenian Prime Minister Nikol Pashinyan presented it to the international community for the first time at the Tbilisi International Forum, which was also attended by the head of the Azerbaijani government Ali Asadov. This was an attempt by Armenia, on the one hand, to counter Azerbaijan’s accusations against the Armenian side in preventing the unblocking of communication channels. On the other hand, to finally formulate its own agenda in the changing region, defending its importance in the context of the implementation of large international logistics projects.

Within the framework of this project, it is planned to create a new transport infrastructure in Armenia, which will require repairing or rebuilding an entire network of roads and railways, laying pipelines, underground cables and building power lines. At the same time, what is very important is that the entire transport infrastructure must function within the jurisdiction of Armenia, which will, through its state institutions, carry out border and customs control, as well as ensure its security.

Armenia is already ready, according to its leader N. Pashinyan, to establish 7 checkpoints on the borders with Azerbaijan and Turkey, as well as begin the restoration of four railway sections with a total length of 130 km, which will ensure communication between Armenia, Azerbaijan and Turkey, including between Azerbaijan and its exclave, the Nakhchivan Autonomous Republic (NAR). In the future, according to the authors of the PM project, the modernized transport system of Armenia can become an important link in the transport routes that will connect the Caspian Sea with the Mediterranean, and the Persian Gulf with the ports of the Black Sea. The total cost of the project, according to the most preliminary (possibly incomplete) estimates, will be \$ 500 million. The Armenian government assures that already in the first year of operation, the transport system of Armenia will be able to

ensure the transit of 4.7 million tons of cargo and 300 thousand passengers, and by 2050 the volume of cargo transported through the territory of the republic can increase to 10 million tons. The «Crossroads of the World» transport project is beneficial only to Armenia for the restoration of its economy, which is experiencing major problems. However, Azerbaijan does not intend to restore the Armenian economy and without resolving the Zangezur issue, Armenia will not receive any projects.

The Zangezur corridor is a road that is planned to be built through the territory of the Syunik region of Armenia to connect the main part of Azerbaijan with the Nakhichevan exclave. It borders Turkey, so if transport communications are built, Baku will receive a direct land connection with its ally. For its part, for Ankara, if the corridor is built, communication will be simplified not only with Azerbaijan, but also with the Turkic-speaking countries of Central Asia. Therefore, the Armenian project will remain a project. In addition, Azerbaijan and Turkey have been successfully building transport communications bypassing Armenia all this time.

Secondly, close transport cooperation between neighboring states, and especially the implementation of joint projects in this area requires a different level of trust. All three countries, especially after Armenia's defeat in the war and the loss of Nagorno-Karabakh, are not yet able to interact based on compromises and consideration of each other's interests, as shown at least by the progress of negotiations on the conclusion of a peace treaty between Armenia and Azerbaijan.

Iran is another important actor in the processes taking place in the South Caucasus region. It is very interested in promoting its goods to world markets, so it is looking with interest at all regional transport projects. Iran is ready to deliver its goods through the territory of Armenia to the Georgian Black Sea ports, but it is unlikely to be inclined to lose part of the transit, which, if the project is successful, will go to Armenia. Therefore, although Iran verbally supports the

project as a guarantee of peace and stability in the region, Armenia will most likely not be able to count on its financial assistance.

As for Armenia's Western European partners, the «Crossroads of the World» project was presented at the Global Gateway investor forum held in Brussels, but so far nothing is known about any interest in the project from any European countries. It should be noted that for Armenia, the project they presented is important not so much for economic gain, but has political significance, since its appearance is associated with Armenia's attempt to solve the problem of the Zangezur corridor once and for all. As is known, Baku accuses Yerevan of not complying with paragraph 9 of the trilateral statement of November 9, 2020, which stipulates that all economic and transport links in the region should be unblocked, and Armenia undertakes to guarantee the security of transport links from Azerbaijan to Nakhichevan. Until now, it was possible to get from Azerbaijan to the NAR either through Iran (700 km) or through Georgia and Turkey (1200 km).

Azerbaijan proposes to build a road connecting it with Nakhichevan through the Syunik region of Armenia. In Azerbaijan, this road is known as the Zangezur Corridor. The new road will shorten the route from Azerbaijan to Nakhichevan. Baku is extremely interested in building the road in the near future for many reasons, both political and economic. First of all, unblocking transport links between the main territory of the republic and its exclave will allow Azerbaijan to have a direct land connection with its main partner and ally, Turkey, with its Mediterranean ports. According to expert estimates, this will lead to an increase in the country's exports by \$710 million. In addition, Azerbaijan expects that the Zangezur Corridor will facilitate access of its oil and gas to Western European markets. Currently, gas is supplied through Iran, which takes 15% of the Azerbaijani gas exported through its territory as a transit fee. In addition, the Zangezur Corridor could play an important role in the implementation of Azerbaijan's large-scale plans to turn the country into a world-class transport and logistics hub.

It is no coincidence that even before the final decision on the Zangezur Corridor, in May 2021, construction of a railway and road on the Horadiz-Agband section began in the NAR near the Armenian border, the latter of which should be commissioned this year. However, the implementation of such a beneficial project for Azerbaijan runs into the position of Armenia, which is not satisfied with the status of the road proposed by the Azerbaijani side. Initially, it was assumed that goods and passengers from Azerbaijan were to cross the territory of Armenia freely, without any customs or border inspection. The operation of the road and its security were also to be carried out by the Azerbaijani side. Thus, the railway and the land on which it is located practically became the property of Azerbaijan. At present, Baku has somewhat reduced its demands, having abandoned the extraterritoriality of the road, but still demands free passage of trains along the Zangezur railway. At the same time, Azerbaijan still directly links the lifting of the transport blockade of Armenia with the construction of the Zangezur corridor.

True, for some time now Azerbaijan has begun to avoid the term «corridor». But even this concession has changed almost nothing in Armenia's position. Moreover, Yerevan has started talking about Azerbaijan's claims to the southern part of Armenia, which before Azerbaijan joined the USSR was part of the then Azerbaijan Democratic Republic, whose successor modern Azerbaijan considers itself.

And although Baku denies any additional territorial claims to Armenia, the distrust and suspicion in the relations between the two countries are so strong that they often hinder a rational approach to solving problems.

However, for some time now Azerbaijan has started talking about the fact that the Zangezur corridor project is already losing its relevance. This is due to some interesting proposals that Iran has recently put forward. The fact is that Iran has always been very wary of the construction of a road from Azerbaijan to Nakhichevan through the territory of Armenia with an unclear status for

both economic and political reasons. On the one hand, Iran fears losing its role as Azerbaijan's main transit partner, thereby weakening its leverage over it. Turkey's role will only increase, which will only intensify the rivalry between the two countries for influence in the region. On the other hand, Iran feared that the extraterritorial road could cut Iran off from its important economic and political partner, Armenia.

As a result, bearing in mind Armenia's continued intransigence on the Zangezur Corridor issue, Iran proposed that Azerbaijan build a railway and road route (slightly longer than Zangezur) through its territory. This project, called the «Araks Corridor» or «Iranian Route», was also supported by Turkey. It is hardly possible to say that Azerbaijan has finally abandoned the idea of the Zangezur Corridor, and its widely announced cooperation with Iran in this area may be more of a demonstration. Armenia is once again being warned that if the Zangezur Corridor issue is not resolved, the country will finally find itself on the sidelines of global transport flows, if its transport blockade is lifted at all. It must be said that in the «Crossroads of the World» project, Armenia undertakes to connect Azerbaijan with Nakhichevan through its territory, although this route lies away from the main routes proposed in the project. Yerevan's main condition is that the road must be under the jurisdiction of Armenia. Azerbaijan is not yet ready to agree to such conditions, demanding additional security guarantees and free passage of goods. Russia is closely monitoring the transport situation in the region. It is interested in the earliest possible opening of a land route to Turkey through Azerbaijan, and the construction of a route linking the Nakhchivan Autonomous Republic with the rest of Azerbaijan via Khangezur is entirely consistent with these interests. Of course, the Crossroads of the World project also looks promising, but its full implementation is still in great question. In order for at least one of these projects to work, steps towards each other will be required from the two neighboring states of the South Caucasus. However, we are convinced that

Azerbaijan will achieve its goal and the new route will be laid through Zangezur, which will also be the final geopolitical victory of Azerbaijan.

References:

- [1]. Gawliczek, P., & Iskandarov, K. (2023). The Zangezur corridor as part of the global transport route (against the backdrop of power games in the South Caucasus region) *Security and Defense Quarterly**, 41(1),
- [2]. Coppolecchia, S. (2024, September 26). The Zangezur Corridor and the diverging interests of Russia, Iran, and Turkey. Instituto Analisi Relazioni Internazionali (IARI)
- [3]. Veliyev, S. (2024, October 2). Zangezur Corridor: New geopolitical reality and Iran's dilemma - What are Tehran's concerns? *Caliber.Az*
- [4]. Chedia, A. R. (2024). Zangezur Corridor: Economic potential and political constraints Russia in *Global Affairs*, 22(1)
- [5]. Tsvetkov V.A., Zoidov K.Kh., Medkov A.A. Problemy integratsii i innovatsionnogo razvitiya transportnykh sistem Rossii i stran Yuzhnogo Kavkaza [Problems of Integration and Innovative Development of Transport Systems in Russia and South Caucasus Countries]. Moscow, CEMI RAN, 2011.
- [6]. The Tashkent Declaration on the Outcomes of the First Trilateral Meeting of the Ministers of Foreign Affairs, Trade / Economy and Transport of the Republic of Uzbekistan, the Republic of Azerbaijan and the Republic of Turkiye // <https://mfa.uz/32062>, access date 08/17/2022.
- Georgia: North-South Corridor (Kvesheti-Kobi) road project // <https://www.adb.org/sites/default/files/project-documents/51257/51257-001-dpta-en.pdf>, accessed 18.08.2022.
- [7]. Restoration of railways in the South Caucasus. Vol. 2: Assessment of potential economic effect: Kars - Gyumri - Nakhchivan - Meghri - Baku // <https://www.international-alert.org/wp-content/uploads/2021/08/Caucasus-Railways-Rehabilitation-Pt2-RU-2014.pdf>, 20.08.2022 .
- [8]. Pylin A.G., 2018. International transport corridors in the South Caucasus and their transit potential // *Geoeconomics of energy*. No. 4 (4). P. 122.
- [9]. Ananyev A., 2021. Dead end at the beginning of the Zangezur corridor // *International life* // <https://interaffairs.ru/news/printable/31882>, accessed 19.08.2022.
- [10]. Gukemukh I., 2021. Who will win in the struggle for transport corridors in the South Caucasus? // <https://pressunity.org/archives/15681>, accessed 18.08.2022.

ЭЛЬГУДЖА КАВТАРАДЗЕ

Доктор политических наук, профессор Сухумского Государственного Университета (Грузия)

АРМЕНИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БИТВЕ. ЗАНГЕЗУРСКИЙ КОРИДОР

Резюме

Распад Советского Союза и появление на карте Южного Кавказа трех независимых государств было с радостью воспринято в Турции и в Иране, которые фактически проиграли России в прошлом борьбу за контроль над регионом. Новая геополитическая ситуация отвечает их интересам, т.к. между ними и многовековым северным соперником появились буферные государства.

Тегеран также использует вновь сложившуюся ситуацию в своих интересах. Он получил возможность сообщения с Европой через Южный Кавказ, что может существенно снизить его зависимость от сотрудничества в области транспорта с Анкарой. Одной из целей Тегерана является недопущение усиления Анкары в регионе, что является выгодным для России, т.к. создает возможность для восстановления контроля над регионом. С другой стороны, если появится перспектива создания военно-политического союза из стран СНГ во главе с Москвой, Иран можно будет смело записывать в противники подобного объединения, т.к. оно будет восприниматься им как угроза собственной национальной безопасности. Но, т.к. подобного объединения в ближайшее время не предвидится, то Иран можно воспринимать как российского союзника в борьбе против распространения влияния Турции и США в регионе.

Кроме соседей, к региону проявляют интерес европейские страны и США. Европейские страны предпочитают действовать с помощью программ Евросоюза, что позволяет им добиваться лучших результатов при меньших затратах. Необходимо признать, что Южный Кавказ не является приоритетным направлением в политике ЕС, поэтому вместо масштабных инвестиций от европейских компаний, следуют в основном техническая помощь и образовательные программы, основной целью которых является изыскание внутренних ресурсов в странах региона, оптимизация их использования. Главными политическими целями ЕС необходимо признать сохранение государствами Южного Кавказа независимости, в первую очередь от Москвы, а также стабилизацию ситуации в них. Но все же основной целью ЕС в регионе является разработка углеводородных ресурсов Каспийского моря и обеспечение их безопасной транспортировки на европейские рынки.

Соединенные Штаты Америки, оставшись единственной сверхдержавой в мире, стремятся поддержать независимость бывших постсоветских республик от России, чтобы не допустить возможности их интеграции вокруг нее. Изменению позиции США в отношении стран Южного Кавказа и Центральной Азии способствовало существование каспийского углеводородного бассейна. Нефтяные гиганты США не могли позволить ни сохранения российского контроля над месторождениями нефти, ни доминирования европейских конкурентов. Именно они вынудили Вашингтон занять активную позицию в регионе и объявить его зоной своих жизненных интересов. Это связано с тем, что зависимость США от поставок нефти из стран Персидского залива велика, и грозит преодолеть пятидесятипроцентный рубеж. Кроме того, контроль над месторождениями каспийского бассейна позволит влиять на мировой рынок нефти. Так что, как и для ЕС, необходимо признать основными целями США контроль над запасами нефти и газа в каспийском регионе и создание путей транспортировки нефти на мировой рынок.

В таких международных отношениях и в процессе геополитической борьбы приходится жить народам и государствам Южного Кавказа, параллельно вести борьбу за сохранения своего геополитического пространства.

Сегодня логистическая геополитика в международных отношениях находится в зените своей борьбы. Конфликты и геополитические процессы, влияют не только на транспортную архитектуру государств Южного Кавказа, но и определяет в каком геополитическом лагере будет находиться та или иная страна.

Южный Кавказ, обладая большим транзитным потенциалом, выделяется неравномерным развитием транспортных инфраструктур всех трех республик региона, что преимущественно обусловлено комплексом геополитических проблем, в частности наличием ряда неразрешенных конфликтов. Последние создают существенные препятствия как для региональной транспортной интеграции, так и для равномерного вовлечения Армении, Грузии и Азербайджана в международные транспортные коммуникации.

РУСЛАН ШЕВЧЕНКО**Политический аналитик, доктор истории (Молдова)****ИТОГИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ И «ПРОЕВРОПЕЙСКОГО» РЕФЕРЕНДУМА В МОЛДОВЕ: ТО ДАЛЬШЕ?**DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.13>

Президентские выборы 20 октября и 3 ноября 2024 г. и референдум о внесении изменений в Конституцию Молдовы, которые должны гарантировать неизменность проевропейского курса нашей страны, оказались тесно увязаны друг с другом. Постепенно теряющая в стране былую поддержку избирателей, действующий Президент М.Санду, поставив перед собой задачу переизбраться на второй срок, по совету «куратора» молдавских правых, немца М.Зига, решила провести в один день с президентскими выборами и референдум о изменении Конституции, чтобы гарантировать на будущее европейский курс нашей страны, а заодно и укрепить собственные политические позиции, как живого символа европейского курса.

Однако итоги выборов и референдума вызвали разочарование в стане правящей в Молдове партии ПДС и у самой М.Санду, показав, что ее прежняя народная поддержка ныне уже в прошлом. Изменения в Конституции были поддержаны весьма незначительным большинством голосов, всего 50,35% голосов. На президентских выборах, тоже совершенно неожиданно для себя лично, но не для аналитиков, М.Санду сначала проигрывала своему оппоненту, поддерживаемому Кремлем и пророссийской партией социалистов – экс-генпрокурору Молдовы А.Стояногло, и лишь благодаря голосам молдавской диаспоры за рубежом ей удалось одержать более-менее очевидную победу, получив во втором туре 55,35% голосов. Но на территории собственно Молдовы Санду проиграла своему оппоненту, заручившись поддержкой только 48,81% голосов, а А.Стояногло – 51,19%.

Причин этого своего фактического поражения Санду практически никогда не анализирует и старается не упоминать, за исключением признания ею провала главной своей реформы – реформы юстиции, которая

должна была сделать данную отрасль более эффективно работающей и способствующей повышению доверия народа к ее власти. На практике Санду добилась только того, что заменила прежний состав судейского корпуса в основном своими сторонниками, но повысить при этом его оперативность и некоррупционность не смогла, скорее наоборот.

Не была расследована ни одна криминальная афера прошлых лет и никто из виновников таковых не сел в тюрьму, хотя еще в июне 2019 г. министр экономики в тогда еще правительстве М.Санду, В.Брынзан уверял, что обнаружил «сотни» таких схем. Ни одна до сих пор не обнародована и никто за соучастие в них никак не ответил по закону.

Широковещательные обещания М.Санду «посадить воров» кончились полным пшиком. Не привлечен к ответственности НИ ОДИН участник кражи миллиарда, в которой тогда были замешаны представители трех политических партий (ЛДПМ, ДПМ и ЛП). Даже самая скандальная личность нынешней власти, «серый кардинал» ПДС, ныне министр инфраструктуры А.Спыну, несмотря на недовольство многих правых и даже западных посольств, аккредитованных в Кишиневе, вопреки всему, продолжает занимать свой пост, активно и публично поддерживаемый М.Санду, отчаянно пытающейся замолчать, скрыть допущенные им злоупотребления (она это делала даже на телепередачах).

Хуже того, вдобавок к старым, появились новые криминальные схемы. Это именно благодаря им из Молдовы уходят западные инвесторы – в частности, японская Fujikura и германская Kogoplast. Это благодаря им в стране происходят все новые коррупционные скандалы – как, например, на строительстве дороги Леова -Бумбэта, где только на одной сделке было украдено до 9 млн. евро. Огромные суммы были украдены в результате подписания

тогда вице-премьером А.Спыну с главой Газпрома А.Миллером «газовой сделки», когда жителям страны более 2 лет пришлось колоссально переплачивать за купленный тогда огромный объем газа, хотя цена на него на европейских рынках была в 1,5-2 раза ниже российской.

Огромные кредиты (более 3 млрд. евро), взятые за последние 3 года, никак не способствовали росту благосостояния жителей страны. Они были частично израсходованы на компенсации для населения в условиях резко выросших цен на топливо, частично на инфраструктуру, повышение пенсий и зарплат, а больше половины просто была украдена и представители власти даже на телепередачах приходят в ярость, когда им задают простой, банальный вопрос «ГДЕ ДЕНЬГИ?».

Ничего не дали широко разрекламированные «экономические реформы» кабинетов Н.Гаврилицы и Д.Речана, которые свелись к косметическим структурным перекройкам и малозначительным бюрократическим реформам. Экономике они не дали абсолютно ничего: все эти годы в стране наблюдался экономический застой, а по ряду направлений, как, например, сельское хозяйство, и довольно существенный спад.

Совершенно не оправдала себя бурно восхваляемая поначалу «команда мечты» М.Санду, которая составила ее первое Правительство (август 2021 – февраль 2023 г., тогда во главе с Н.Гаврилицей). Представленная в первые недели как сплоченная группа подготовленных специалистов, которая поведет страну в обещанные Санду «хорошие времена», она оказалась просто набором беспомощных и шумливых НПО-шников, которые не сумели придумать никаких прорывных идей и способствовать рывку вперед в какой бы то ни было области и стали причиной регресса в возглавляемых ими областях. Провал этого правительства, конфликт М.Санду с премьером Н.Гаврилицей привел к падению этого кабинета и назначению нынешнего Правительства, во главе с бывшим министром внутренних дел и советником М.Санду во вопросам безопасности Д.Речаном, при котором, впрочем, ситуация не претерпела существенных изменений, ибо кадровая политика, осно-

ванная на подборе претендентов на ключевые посты исключительно из рядов ПДС, была продолжена. Представители всех остальных политформирований, даже несмотря на все провалы власти, полностью ими игнорируются. А специалисты из прежних Правительств очень часто просто не желают сотрудничать с нынешней властью, опасаясь скомпрометировать себя.

Все эти проблемы полностью игнорируются властями, так как М.Санду и ее ближайшее окружение отказывается слышать и воспринимать любую критику в свой адрес, даже от проевропейски настроенных деятелей, и с трудом, только во время предвыборных кампаний, идет на контакты с населением, но и там стремится тщательно отбирать слушателей, чтобы не было неприятных вопросов.

Наконец, даже борьбу с российской пропагандой ПДС/Санду очевидно проигрывают, несмотря на истошные крики о гибридной войне против Молдовы. Раз уж гибридная война – а она действительно есть, и ведется уже десятки лет – то и надо действовать, как в условиях войны против очевидного противника – решительными, репрессивными мерами, как в Украине. Закрытие нескольких десятков информационных сайтов и порталов и около 20 телеканалов не дало ожидаемых результатов, так как власти не смогли представить им никакой информационной альтернативы. В результате абсолютная доминация пророссийских СМИ в обществе осталась, подогреваемая очевидной трусостью власти, когда речь идет о привлечении к уголовной ответственности лидеров пророссийских настроений в обществе – различных политологов, аналитиков, «общественных» и прочих деятелей которые защищают Россию, непрерывно обвиняют Запад и Украину во всех наших бедах и стремятся нажать политический капитал, спекулируя на этих темах. Лишь когда власти решатся изолировать их от общественной жизни, а затем, после разъяснительной кампании в отношении их – судить и дать крупные сроки за совершенные преступления против Молдовы – только тогда российская пропаганда постепенно пойдет на спад и общество начнет приходить в себя от тех нескончаемых потоков гнусной лжи и клеветы, в которое про-

кремлевские деятели погружают сейчас нашу страну.

Грандиозная западная поддержка, которую все эти годы оказывают страны ЕС и США М.Санду и созданной ею ПДС, в условиях, когда жители страны не видят никаких реальных изменений к лучшему в своей жизни, стала вызывать растущее раздражение в обществе, так как представители ЕС и США намеренно избегают публичной критики нынешней власти. А это в свою очередь, только вызывает рост разочарования в европейском выборе.

Воистину, ни один пророссийский политик не смог настолько повредить вере наших сограждан в европейское будущее, как это с успехом осуществила М.Санду. В этом смысле она еще более пророссийская, чем даже ее оппоненты И.Додон и И.Шор.

Все вышеназванные причины и привели к проигрышу М.Санду президентских выборов на территории собственно Молдовы в пользу прокремлевского кандидата. Но и при таких заведомо невыгодных для себя результатов собственного правления Санду все-таки удалось победить. Причин этого несколько, и мы постараемся обрисовать их ниже.

Во-первых, живущая в странах Запада молдавская диаспора, несмотря на то, что серьезно разочаровалась в результатах трехлетнего всевластия ПДС и М.Санду, и по существу, раскололась на сторонников и противников нынешней молдавской власти, в своем подавляющем большинстве (до 80%) убеждена в безальтернативности для Молдовы пути на Запад. Однозначная поддержка политиками ЕС и США М.Санду показала им, что при всех разногласиях, которые вызывает теперь у многих из них личность М.Санду, ее все же надо на сей раз поддержать, потому что победа Стояногло – это путь к России, путь к социально-экономической и политической изоляции, экономическим санкциям, отказ от европейских перспектив и постепенная деградация народа и страны, то есть путь в пропасть. Этого наша «европейская» диаспора, которая продолжает верить, что когда-нибудь ситуация в Молдове начнет улучшаться и она сможет вернуться домой, категорически не желает.

Во-вторых, была почти исключена из процесса голосования российская диаспора, численно ненамного уступающая европейской (не менее 500-600 000 человек). Подавляющее большинство этой диаспоры как по личным убеждениям, так и в результате российской пропаганды и в Молдове, и в собственно России - убежденные сторонники «российского вектора», твердо верят в Россию и враждебно относятся к ЕС и США. Им было оставлено для голосования всего 2 участка в Москве (до 10 000 бюллетеней), которые не могли серьезно повлиять на итоги выборов. Но если бы эта часть молдавской диаспоры приняла участие в них, результаты для М.Санду могли оказаться катастрофическими. Именно поэтому они не были допущены к выборам. Второй причиной, почему их не допустили до участия к выборам, было то, что в РФ уже давно развернута пропагандистская вакханалия против нынешних властей Молдовы. Обеспечить контроль за ситуацией на множестве участков в РФ, будь они открыты, молдавские власти бы не смогли, и это открывало широчайшее поле для чудовищных фальсификаций и вбросов голосов в пользу прокремлевских кандидатов во главе со Стояногло.

В-третьих, правящей ПДС удалось мобилизовать всех своих основных активистов и ведущих политических фигур, которые регулярно ездили на Запад и убеждали наших сограждан еще раз проголосовать за Санду, как бы они к ней не относились.

В-четвертых, не последнюю очередь сыграли и западная пресса и политики ЕС, настроенные очень благожелательно лично к Санду и избегавшие острой и серьезной критики в ее адрес.

В-пятых, на руку Санду оказалось и то обстоятельство, что пророссийские силы, несмотря на то, что предпринимали попытки направлять целые самолеты с молдавскими избирателями из Москвы в Минск, Баку, Анкару, чтобы они все же могли голосовать там против Санду, все же были разобщены и не смогли найти между собой компромисс хотя бы на период выборов.

Эти обстоятельства стали основными причинами победы М.Санду во втором туре. Но были и другие, о которых мы скажем далее.

В пользу Санду сыграли грубые промахи прокремлевских сил, понадеявшихся взять пост Президента Молдовы, выдвинув человека, у которого практически не было никакого политического опыта. Ранее Стояногло почти не участвовал в политической жизни страны, если исключить период 2010-2014 гг., когда он был депутатом от Демократической партии.

Это и полное отсутствие ораторского дара: голос у Стояногло обычно неуверенный и сомневающийся, вдобавок довольно бесцветный.

Это и полный провал А.Стояногло на дебатах с М.Санду, состоявшихся 27 октября в Кишиневе. Располагая очень внушительным набором весомых аргументов против Санду, Стояногло вел себя нерешительно, путался, долго подбирал слова, часть его обещаний были простым набором фраз, которые он сам не знал, как обосновать. Довершило картину явно недостаточное знание им румынского языка. Санду, уже обладающая политическим опытом, без труда переиграла своего визави по подавляющему большинству вопросов.

Это и наличие значительного политического компромата на Стояногло: он безуспешно пытался цепляться за прошлое, призывая «дружить и с Западом, и с Востоком», и обещал лично отправиться к Путину в случае избрания, что ныне, в условиях развязанной РФ войны в Украине, выглядит чудовищным кощунством для многих избирателей нашей страны. Вдобавок он так и не осудил Путина и его камарилью за совершенные там преступления. Он старался призывать к компромиссам с тираспольскими сепаратистами, в ходе кампании даже посулил съездить в Тирасполь, чтобы встретиться с их руководством. Это было воспринято прозападными избирателями и являлось на самом деле унижением национального достоинства нашей страны и народа: не Президент Молдовы, а сепаратисты должны униженно ездить в Кишинев за прощением, если им его соизволят дать.

Это и личная причастность Стояногло к краже миллиарда долларов из молдавской казны (когда она произошла, Стояногло был председателем парламентской комиссии по государственной безопасности и не мог не знать о ее обстоятельствах, однако промол-

чал).

Это и личная связь с олигархом В.Платоном, скрывающимся в Лондоне. Это и невнятная позиция Стояногло по антиконституционному и незаконному «референдуму о векторе внешней политики» Молдовы, проведенном в АТО Гагауз Ери 2 февраля 2014 г. Ведет себя Стояногло в этом вопросе таким образом только потому, что не желает ссориться с основной частью гагаузских избирателей, которые уверены в обратном. И это только часть его очень тяжелого политического багажа, осознавая который, Стояногло не решался начинать настоящую борьбу с М.Санду.

Это и явно недостаточное знание внутренних проблем страны. Подготовленным Стояногло выглядел только тогда, когда говорил о проблемах юстиции, близких и понятных ему как юристу.

Это и уже упоминавшиеся раскол левого политического фланга, а также слабая поддержка пророссийских сил на Западе. Понимание этого пришло к покровителям Стояногло из Москвы, к счастью, слишком поздно.

Как видим, причин провала Стояногло тоже более чем достаточно и они вполне ясно отражают, почему он проиграл президентские выборы. Впрочем, его собственное политическое будущее выглядит и в этом случае достаточно радужным. Он по-прежнему не подвергается никакой критике левых сил в Молдове, и не исключено, что Партия Социалистов может его выдвинуть в качестве «флагмана» своей фракции и на парламентских выборах осени 2025 г. и у него есть все шансы в качестве такого «флагмана» ее возглавить уже в Парламенте.

Результаты референдума о изменениях Конституции нашей страны с целью ее приближения к требованиям ЕС, которые показали буквально микроскопический перевес сторонников прозападного курса над его противниками ни в какой мере не могут нас обескураживать. Это результат протеста наших сограждан против такого качества управления Молдовой. Не более того. Против ЕС в Молдове только пророссийски настроенные граждане, которых в настоящее время примерно 35-40%. Основная часть их - русифицированные молдаване, предавшие и продавшие свою

Родину в пользу РФ, а не собственно русские и украинцы, которые в Молдове в подавляющем большинстве на стороне фашиста Путина и его преступного режима. Смена власти в стране, если она произойдет в результате парламентских выборов 2025 г., будет способствовать новому и прочному росту проевропейских настроений. Если же (что пока маловероятно, но предположим) ПДС останется безраздельно править страной и после 2025 г., влияние России в нашей стране и пророссийские симпатии станут только укрепляться, как бы это парадоксально не звучало для незнакомого с реалиями Молдовы читателя.

Несмотря на это, сторонников Запада у нас всегда было очень много, при любой власти, тем более, когда стала возникать и расти наша диаспора в странах Евросоюза. Хотя их число колеблется, в зависимости от того, партия какой направленности стоит у власти. При правлении правых, прозападных партий число сторонников Запада у нас традиционно сокращается, так как избиратели видят все провалы и огрехи их политики и сравнивают их с Западом – разумеется, не в пользу молдавского политикума. При правлении левых, напротив, все сторонники Запада сплываются и число их быстро растет, так как пророссийские силы всегда напоминают нам о прошлом, пытаются восстанавливать, хотя бы и декларативно, давно ушедшие в прошлое связи с бывшими странами СССР и особенно РФ. Это вызывает бурное отторжение у большей части населения и оно снова начинает стремиться на Запад. Примечательно также и то, что даже многие левые политики Молдовы очень не прочь всячески расширять и укреплять связи с Западом и им очень нравится там бывать. (хотя теперь, ввиду войны в Украине, к ним там относятся все хуже и хуже). Вдобавок они и сами нередко упоминают о положительных сторонах ЕС.

Это тоже свидетельство того, что невнятные результаты референдума 20 октября 2024 г. – всего лишь следствие разочарования жителей нашей страны в политике М.Санду, но не в Евросоюзе. Он был и остается путеводной звездой для жителей Молдовы, он горячо поддерживается нашей диаспорой в странах ЕС, с которой поддерживаются теснейшие связи. Поэтому в не самом далеком будущем,

после парламентских выборов осени 2025 г., где число левых депутатов, скорее всего, снова резко возрастет и власть станет коалиционной (это и вариант ПДС + «Наша партия», во главе с контролируемым Санду спойлером социалистов Р.Усатым – ПСРМ; и вариант ПДС – ПСРМ+Партия действия и солидарности симпатизирующего РФ экс-премьера И.Кику и другие варианты) – число сторонников европейского вектора в Молдове снова начнет быстро возрастать. Так что за будущее европейского вектора в Молдове вне всякого сомнения, можно не беспокоиться.

Вместе с тем очевидно и другое. Понимая, что они проигрывают и могут добиться существенных успехов на парламентских выборах осени 2025 г. только за счет фальсификаций, подкупа избирателей и прочих избирательных махинаций, пророссийские силы, координируемые напрямую из Москвы, постараются учесть ошибки «президентской» кампании и расширить свой очевидный успех по части бесконтрольного завоза в Молдову огромных сумм денег. Именно к этому молдавские власти, в рядах которых на всех этапах, в том числе и в силовых органах, очень много прокремлевской агентуры, на практике не были готовы и всерьез не боролись. Можно не сомневаться, что в ходе кампании 2025 г. Москва удесятерит финансовые ресурсы, выделяемые для обработки избирателей, и если власти нашей страны не сыграют на опережение, не выявят вовремя все каналы их поступления и не примут решительных мер к их пресечению – это может стать одной из причин вырисовывающегося уже и сегодня их поражения. Причем за счет финансовых средств Кремля оно будет даже более значительным, чем могло бы быть в ином случае.

Достаточно ясно и то, что произойдет в Молдове в случае превращения власти в Молдове в коалиционное правительство, при котором пророссийские силы смогут быть в нем так или иначе представленными. Это будет означать определенное потепление в отношениях с Москвой. Именно так и было еще в 2019-2020 гг., когда объявлявшие о своей прозападности партии, включая ПДС, были в коалиции с социалистами. Не приходится сомневаться, что теперь будет как-то иначе. Тем более, что

и сегодня в ПДС немало скрытых сторонников Кремля, стремящихся избегать серьезных конфликтов с ними или не видящих ничего страшного в заключении крупных контрактов с российским бизнесом (либо закрывающих глаза на связи молдавского и российского бизнеса, даже в сфере ВПК). Все это вызовет постепенный рост российско-молдавской торговли и возобновление визитов российских и молдавских общественных деятелей и политиков. Повлиять на этот процесс может серьезно на этом этапе только окончание войны в Украине, так как после этого начнется подготовка Молдовы и Украины при активной поддержке Запада к ликвидации промосковского

«последнего балканского форпоста» - приднестровского режима, и это неизбежно вызовет новые тяжелые конфликты Молдовы и России. Так что и определенный разворот в сторону Кремля, который в случае создания коалиции ПДС/ПСРМ произойдет, не будет ни в какой мере означать превращение Молдовы во вторую Грузию или тем более Беларусь. Курс на Европу останется и пусть менее громогласно, чем при нынешней власти, но продолжится даже в этом случае. Он получит поддержку Запада и благодаря этому Молдова придет к нашей главной цели ближайшего десятилетия – вступлению в Евросоюз, а вместе с ним и в НАТО.

RUSLAN SHEVCHENKO

Political analyst, Doctor of History (Moldova)

RESULTS OF THE PRESIDENTIAL ELECTIONS AND THE «PRO-EUROPEAN» REFERENDUM IN MOLDOVA: WHAT'S NEXT?

Summary

The presidential elections on October 20 and November 3, 2024 and the referendum on amendments to the Constitution of Moldova, which should guarantee the immutability of the pro-European course of our country, turned out to be closely linked to each other. Gradually losing the former support of voters in the country, the current President M. Sandu, having set herself the task of being re-elected for a second term, on the advice of the «curator» of the Moldovan right, the German M. Sieg, decided to hold a referendum on amending the Constitution on the same day as the presidential elections, in order to guarantee the European course of our country in the future, and at the same time to strengthen her own political position as a living symbol of the European course.

However, the results of the elections and referendum caused disappointment in the camp of the ruling party in Moldova, PAS, and in M. Sandu herself, showing that her previous popular support is now a thing of the past. The changes to the Constitution were supported by a very small majority of votes, only 50.35% of the votes. In the presidential elections, also completely unexpectedly for herself personally, but not for analysts, M. Sandu initially lost to her opponent, supported by the Kremlin and the pro-Russian party of socialists - the former Prosecutor General of Moldova A. Stoianoglo, and only thanks to the votes of the Moldovan diaspora abroad, she managed to win a more or less obvious victory, receiving 55.35% of the votes in the second round. But on the territory of Moldova itself, Sandu lost to her opponent, having secured the support of only 48.81% of the votes, and A. Stoianoglo - 51.19%. Sandu almost never analyzes the reasons for this actual defeat and tries not to mention them, with the exception of her recognition of the failure of her main reform - the justice reform, which was supposed to make this sector more efficient and contribute to increasing the people's trust in her government. In practice, Sandu only achieved that she replaced the previous composition of the judiciary mainly with her supporters, but at the same time she was unable to increase its efficiency and non-corruption, rather the opposite. Not a single criminal scam from past years was investigated and none of the perpetrators of such went to prison, although back in June 2019, the Minister of Economy

in the then government of M. Sandu, V. Brynzan, assured that he had discovered «hundreds» of such schemes. Not a single one has been made public and no one has been held accountable for complicity in them under the law.

M. Sandu's sweeping promises to «put the thieves in jail» have come to nothing. NOT A SINGLE participant in the theft of a billion, in which representatives of three political parties (LDPM, DPM and LP) were involved at the time, has been brought to justice. Even the most scandalous figure in the current government, the «grey cardinal» of the PAS, now the Minister of Infrastructure A. Spinu, despite the discontent of many right-wing and even Western embassies accredited in Chisinau, despite everything, continues to hold his post, actively and publicly supported by M. Sandu, who is desperately trying to keep quiet and hide the abuses he committed (she did this even on TV shows). Worse, in addition to the old ones, new criminal schemes have appeared. It is precisely because of them that Western investors are leaving Moldova - in particular, the Japanese Fujikura and the German Koroplast. It is thanks to them that new corruption scandals are happening in the country – like, for example, during the construction of the Leova-Bumbata road, where up to 9 million euros were stolen in just one deal. Huge sums were stolen as a result of the signing of the “gas deal” by then Deputy Prime Minister A. Spinu and Gazprom CEO A. Miller, when the country's residents had to overpay enormously for the huge volume of gas they had purchased at the time for over 2 years, although the price for it on European markets was 1.5-2 times lower than the Russian one. It is also quite clear what will happen in Moldova if the government in Moldova turns into a coalition government, in which pro-Russian forces can be represented in it in one way or another. This will mean a certain warming in relations with Moscow. This is exactly what happened back in 2019-2020, when the parties that declared themselves pro-Western, including the PDS, were in coalition with the Socialists. There is no doubt that things will be different now. Moreover, even today the PDS has many hidden supporters of the Kremlin who seek to avoid serious conflicts with them or see nothing wrong with concluding large contracts with Russian businesses (or turn a blind eye to the ties between Moldovan and Russian businesses, even in the military-industrial complex). All this will cause a gradual increase in Russian-Moldovan trade and the resumption of visits by Russian and Moldovan public figures and politicians. Only the end of the war in Ukraine can seriously influence this process at this stage, since after that Moldova and Ukraine will begin preparing, with the active support of the West, to eliminate the pro-Moscow “last Balkan outpost” - the Transnistrian regime, and this will inevitably cause new serious conflicts between Moldova and Russia. So, a certain turn towards the Kremlin, which will happen in the case of the creation of the PAS/PSRM coalition, will not in any way mean that Moldova will turn into a second Georgia or, even more so, Belarus. The course towards Europe will remain, and even if less loudly than under the current government, it will continue even in this case. It will receive support from the West and thanks to this, Moldova will come to our main goal of the next decade – joining the European Union, and with it NATO.

TINATIN KEMASHVILI

PHD student of Sukhumi State University (Georgia)

ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE SYSTEM IN INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.20>

Introduction. The system of international relations has its own history, so until the middle of the 17th century, international relations were characterized by the disunity of their participants, the lack of system of international interactions, the main manifestation of which were short-term armed conflicts or long wars. At different periods, the historical hegemony in the world were Ancient Egypt, the Persian Empire, the Empire of Alexander the Great, the Roman Empire, the Byzantine Empire, the Empire of Charlemagne, the Mongol Empire of Genghis Khan, the Ottoman Empire, the Holy Roman Empire, etc. All of them were focused on establishing their sole domination, building a unipolar world. In the Middle Ages, the Catholic Church, headed by the papal throne, tried to establish its domination over peoples and states. International relations were anarchic in nature and were characterized by great uncertainty. As a result, each participant in international relations was forced to take steps based on the unpredictability of the behavior of other participants, which led to open conflicts. It is precisely the consideration of these issues that is the goal of this article.

Keywords: *Geopolitics, international relations, Westphalian system, world order*

The modern system of interstate relations dates back to 1648, when the Peace of Westphalia ended the Thirty Years' War in Western Europe and sanctioned the disintegration of the Holy Roman Empire into independent states. It was from this time that the national state (in Western terminology, the «nation-state») was universally established as the main form of political organization of society, and the principle of national (i.e. state) sovereignty became the dominant principle of international relations. The main fundamental provisions of the Westphalian model of the world were: - the world consists of sovereign states (accordingly, there is no single

supreme authority in the world, and the principle of a universalistic hierarchy of governance is absent); - the system is based on the principle of sovereign equality of states and, consequently, their non-interference in each other's internal affairs; - a sovereign state has unlimited power over its citizens within its territory; - the world is regulated by international law, understood as the right of treaties between sovereign states that must be observed; - sovereign states are subjects of international law, only they are internationally recognized subjects; - international law and regular diplomatic practice are integral attributes of relations between states.

The idea of a nation state with sovereignty was based on four main characteristics: the presence of a territory; the presence of a population living in this territory; legitimate governance of the population; recognition by other nation states. In the absence of at least one of these characteristics, the state becomes sharply limited in its capabilities, or ceases to exist. The basis of the state-centric model of the world became «national interests», according to which it is possible to find compromise solutions (and not value guidelines, in particular religious ones, according to which compromises are impossible). An important feature of the Westphalian model was the geographical limitation of its scope. It had a clearly expressed Eurocentric character. After the Peace of Westphalia, it became customary to keep permanent residents and diplomats at foreign courts. For the first time in historical practice, interstate borders were redrawn and clearly defined. Thanks to this, coalitions and interstate unions began to emerge, which gradually began to acquire important significance. The papacy lost its significance as a supranational force. States began to be guided by their own interests and ambitions in their foreign policy.

At this time, the theory of European equilibrium arose, which was developed in

the works of N. Machiavelli. He proposed establishing a balance of power between the five Italian states. The theory of European equilibrium would eventually be adopted by all of Europe, and it would continue to work until modern times, serving as the basis for international alliances and coalitions of states.

At the beginning of the 18th century, when the Peace of Utrecht (1713) was concluded, which put an end to the struggle for the Spanish succession between France and Spain, on the one hand, and a coalition of states led by Great Britain, on the other, the concept of «balance of power» appeared in international documents, complementing the Westphalian model and becoming widespread in the political vocabulary of the second half of the 20th century. The balance of power is the distribution of global influence between individual centers of power - poles, and can take various configurations: bipolar, tripolar, multipolar (or multipolar), etc. d. The main goal of the balance of power is to prevent dominance in the international system by one or a group of states, to ensure the maintenance of international order.

Based on the views of N. Machiavelli, T. Hobbes, as well as A. Smith, J.-J. Rousseau and others, the first theoretical schemes of political realism and liberalism are formed. From a political science point of view, the system of the Peace of Westphalia (sovereign states) still exists, but from a historical point of view, it fell apart at the beginning of the 19th century.

The system of international relations that emerged after the Napoleonic Wars was normatively enshrined in the Vienna Congress of 1814-1815. The victorious powers saw the meaning of their collective international activity in creating reliable barriers against the spread of revolutions. Hence the appeal to the ideas of legitimism. The Vienna system of international relations is characterized by the idea of a European concert - a balance of power between European states. The Concert of Europe was based on the general agreement of large states: Russia, Austria, Prussia, France, and Great Britain. The elements of the Vienna system were not only states, but also coalitions of states. The Concert of Europe, while remaining a form of hegemony for large states and coalitions, effectively limited

their freedom of action in the international arena for the first time.

The Vienna international system confirmed the balance of power established as a result of the Napoleonic Wars and secured the borders of national states. Russia secured Finland and Bessarabia for itself and expanded its western borders at the expense of Poland, dividing it between itself, Austria and Prussia.

The Vienna system fixed a new geographical map of Europe, a new balance of geopolitical forces. This geopolitical system was based on the imperial principle of controlling the geographical space within the colonial empires. During the Vienna system, the following empires were formed: British (1876), German (1871), French (1852). In 1877, the Turkish Sultan took the title of «Emperor of the Ottomans», and Russia became an empire earlier - in 1721.

Within the framework of this system, the concept of great powers was formulated for the first time (then, first of all, Russia, Austria, Great Britain, Prussia), multilateral diplomacy and diplomatic protocol were formed. Many researchers call the Vienna system of international relations the first example of collective security.

At the beginning of the 20th century, new states entered the world arena. These were primarily the USA, Japan, Germany, and Italy. From that moment on, Europe ceased to be the only continent where new world leaders were formed.

But new wars showed the weakness of these systems, which they tried to impose on the world, and which, ultimately, did not stop the leading powers from unleashing the First World War. Trying to prevent any possibility of a new bloody war, the leading countries of the world gave rise to a new system of international relations - the Versailles-Washington. The years of its formation were 1918-1922, that is, immediately after the First World War. The peace conference, which was to develop the terms of the post-war settlement, opened in Paris on January 18, 1919. The key role was played by the USA, England, and France. However, their interests did not coincide on all issues. Formally, 27 countries participated in the conference, but in fact the main issues were discussed at the «council of 10», which included two representatives from each of

the leading powers. As events unfolded, many of the functions of this body were transferred to the «council of 4», which included US President W. Wilson, British Prime Minister D. Lloyd George, French Prime Minister J. Clemenceau and the head of the Italian government Orlando.

On the positions of the leading powers. The most acute issue was regarding Germany. France took the toughest position. Clemenceau sought to weaken his neighbor as much as possible, and possibly even dismember Germany. It was assumed that a network of new states would form on the ruins of the old countries, which would be oriented toward France in their foreign policy. In addition, the French Prime Minister expected to receive a considerable share for France in the division of the colonies of the defeated opponents. England had already managed to realize part of its interests during the war. Its troops occupied most of the German colonies, and the German fleet was defeated or captured by the English. Therefore, it was not in England's interests to weaken Germany even more, since it was not in its interests to allow France to excessively strengthen its position in Europe. In addition, Prime Minister Lloyd George feared the spread of Bolshevik ideas in Europe, and this is why a relatively strong Germany could serve as a barrier against the «world socialist fire». Wilson's «Fourteen Points» outlined the position of the United States. Almost immediately, the knots of contradiction became obvious: the fate of Germany and its colonies, the future of the empires that had finally collapsed, the question of the Covenant of the League of Nations, and the attitude towards events in Russia. The conference was unable to decide anything about Russia; the country's fate was being decided on the battlefields of the Civil War. As for the other issues, they were resolved during the discussions that unfolded at the conference. In the end, the conference in Paris adopted the following: the Covenant of the League of Nations was ready, an organization for discussing world politics was created. The colonies were divided, and mandates for the administration of these territories were issued to the victorious countries. The fates of former empires such as the Ottoman Empire and Austria-Hungary were being decided. Germany's fate was sealed: the peace terms were extremely

harsh for the country: Germany would lose Alsace and Lorraine, the districts of Eupen and Morain, Northern Schleswig, the demilitarization of the left bank of the Rhine, the country would also lose all its colonies, the army would be reduced to 100,000 men, it would be forbidden to have a submarine fleet and military aviation. Naturally, since Germany was responsible for unleashing the war, it had to pay reparations to the Entente countries. The Treaty of Versailles changed the political map of Europe. It also consolidated the position of Eurocentrism in international relations. This could not but cause discontent in the countries of the New World, such as Japan and the United States. Therefore, it would have been impossible to consolidate the new precarious system of international relations with one conference. Please do not forget to format the link correctly.

Therefore, on November 12, 1921, a new conference opened in Washington to discuss the contentious issues. It resulted in the signing of three main agreements that allowed the completion of the structure begun at the Paris Conference, but not completed. Three treaties: the «Four Treaty» of the USA, Japan, England, France (on the inviolability of the possessions of the four countries in the Pacific Ocean basin, thereby the USA forced Japan and England to denounce their agreement of 1902), the «Five Treaty» of the USA, Japan, France, England, Italy (on establishing proportions for their combat fleets; this allowed the USA to pacify the «mistress of the seas» England, and this is the first document that was able to limit the arms race, albeit insignificantly), the «Treaty of Ten» (on China, the principle of «open doors» on the territory of this country, which did not allow European countries, according to the old tradition, to divide China into spheres of influence, not letting strangers into the market with their goods). Thus, these three treaties were able to shake the principle of Eurocentrism in international relations, allowing the countries of the New World to actively interfere in world politics, and even, at times, dictate their terms. With the completion of the Washington Conference, the stage of formation of a new model of international relations was completed. Centers of power emerged that managed to develop a relatively

stable system of relationships among themselves. The most controversial issues related to the post-war settlement were basically resolved, and tensions in relations between the great powers were relieved. At the same time, it was impossible not to note that the new model of international relations was internally contradictory, and, therefore, not a particularly stable structure. Soviet Russia and offended Germany, which were left behind, it was unclear how the defeated countries would be woven into the new system, and numerous problems of the awakening Asian continent were ignored. All this subsequently led to the fact that the Versailles-Washington system ceased to support peace throughout the world and led the country to another military conflict, which involved 61 states out of 73 that existed at that time. The collapse of the Versailles-Washington system was inevitable. There were too many contradictions. Discrimination against the position of the defeated states and Soviet Russia and the formation of the «bloc of the offended» (Germany and the Soviet Union), who wanted to revise the status quo of the system, an ineffective instrument for managing international relations - the League of Nations, which was in the hands of England and France - countries pursuing a policy of appeasement (inciting Nazi Germany against the Soviet Union), consolidating the leadership of the USA, Great Britain and France in the new system. Significant territorial, political and economic (to varying degrees for these countries) development of the victorious countries actually gave them the right to collectively change the characteristics of the international system and shape its principles. Other winners (like Italy) remained in the background, which caused discontent among the latter, since they clearly wanted more, and later began to lay claim to this more in a rather aggressive form. As a result, all these contradictions resulted in the Second World War. The world needed a new system of international relations that would correspond to the realities of that time. The Versailles-Washington system, due to its imperfections, did not last long. Moreover, the malfunction of the system led the world to the Second World War. Initially, the selfish interests of France, thirsting for revenge on Germany and a leading position in Europe, the interests of England, which declared

itself an arbiter, which watched the conflicts of others from the sidelines and did not interfere in their affairs, as well as the United States, which was breaking through to the role of the main hegemon of the world, made this world order one-sided and inflexible, which made it a very unreliable substance. Several political and economic crises in Europe and Asia were enough to destroy the Versailles-Washington system. Nothing, including the League of Nations, which was charged with maintaining peace and order, could save this system from collapse. However, after the failed attempt to regulate international relations, the actors learned lessons that they were able to apply later to the functioning of the Yalta-Potsdam system of international relations.

The Yalta-Potsdam system of international relations, enshrined in treaties and agreements at the Yalta (4-11 February 1945) and Potsdam (17 July -2 August 1945) conferences of the heads of state of the Anti-Hitler coalition. The issue of a post-war settlement at the highest level was first raised during the Tehran Conference of 1943, where even then the strengthening of the position of two powers - the USSR and the USA - was clearly evident, to which the decisive role in determining the parameters of the post-war world was increasingly transferred, that is, the prerequisites for the formation of the foundations of the future bipolar world were already emerging during the war. This tendency was fully manifested at the Yalta and Potsdam conferences, when the main role in solving the key problems associated with the formation of a new model of international relations was played by two, now superpowers - the USSR and the USA. The Yalta-Potsdam system of international relations was characterized by: - the absence (in contrast, for example, to the Versailles-Washington system) of the necessary legal framework, which made it very vulnerable to criticism and recognition by some states; - bipolarity based on the military-political superiority of two superpowers (the USSR and the USA) over other countries. Blocs were formed around them (OVD and NATO). Bipolarity was not limited to the military-force superiority of the two states, it covered almost all spheres - socio-political, economic, ideological, scientific-technical, cultural, etc.; confrontation, which meant that the parties constantly opposed

their actions to each other. Competition, rivalry and antagonism, and not cooperation between the blocs were the leading characteristics of the relations; - the presence of nuclear weapons, threatening multiple mutual destruction of the superpowers with their allies, which was a special factor in the confrontation of the parties. Gradually (after the Cuban Missile Crisis of 1962) the parties began to consider a nuclear conflict only as the most extreme means of influencing international relations, and in this sense nuclear weapons had their deterrent role; political and ideological confrontation between the West and the East, capitalism and socialism, which brought additional uncompromisingness to international relations in disagreements and conflicts; - a relatively high degree of controllability of international processes due to the fact that it was

necessary to coordinate the positions of only two superpowers; the reality, the irreconcilability of the confrontational relations between the USSR and the USA, significantly limited the ability of the UN to implement its statutory functions and goals. The end of the Potsdam era was marked by the collapse of the Soviet Union and the world socialist camp, which followed the failed attempt at Gorbachev's perestroika, enshrined in the Belovezh Accords of 1991. Today in international relations there is no system by which the world community lived, the system is replaced by the struggle of the Powers and their doctrine, hence the conflicts and wars. We believe that the completion of the geopolitical struggle of the powers for their interests will also complete the formation of a new system of international relations.

References:

- [1]. Kortunov, S.V. The Collapse of the Westphalian System and the Formation of a New World Order / S.V.Kortunov // World Politics. - M.: GU-HSE, 2007. - P. 45-63.
- [2].Kosov, Yu.V. World Politics and International Relations / Yu.V. Kosov. - M.: 2012. - 456s.
- [3]. Cedric, Moon. The End of a Superpower / S. Moon / Russia Today. - 2014. - December 2.
- [4]. Systemic History of International Relations: 4 volumes / Ed. by D.Sc. (Pedagogy), prof. A.D. Bogaturov. -V.1.- M.: 2000. - 325s.-1-v
- [5]. Fukuyama, F. The End of History? / F.Fukuyama // Questions of Philosophy. - 1990. - № 3. - P. 56-74.
- [6]. Fukuyama, Francis. The End of History and the Last Man / F. Fukuyama; trans. from English by M. B. Levina. - M.: ACT, 2007. - 347s.

ТИНАТИН КЕМАШВИЛИ

Докторант Сухумского Государственного Университет (Грузия)

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Система международных отношений имеет свою историю, так до середины XVII в. международные отношения характеризовались разобщенностью их участников, бессистемностью международных взаимодействий, главным проявлением которых выступали кратковременные вооруженные конфликты или длительные войны. В разные периоды историческими гегемонами в мире были Древний Египет, Персидская империя, Держава Александра Македонского, Римская империя, Византийская империя, империя Карла Великого, Монгольская империя Чингис-хана, Османская Империя, Священная Римская империя и др. Все они были ориентированы на установление своего единоличного господства, построение однополярного мира. В средние века свое господство над народами и государствами пыталась установить католическая церковь во главе с папским престолом. Международные отношения имели анархический характер и отличались большой неопределенностью. В результате, каждый участник международных отношений был вынужден предпринимать шаги, исходя из непредсказуемости поведения других участников, что приводило к открытым конфликтам. Именно рассмотрение этих вопросов ставит целью представленная статья.

INTERNATIONAL RELATIONS - МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ОМАР АРДАШЕЛИЯ

Доктор исторических наук, профессор Сухумского Государственного
Университета (Грузия)

ВОЙНА РОССИИ В УКРАИНЕ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗАDOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.14>

Введение. Интеграционный процесс, начавшийся в странах Западной Европы в середине XX в. и впоследствии распространившийся на Южную, Восточную и Северную Европу, оказал существенное влияние на дальнейшее развитие стран региона. Перемены, происходившие на протяжении второй половины XX века, в определенной степени носили революционный характер. Они затронули социально-экономическую и политическую сферы, имели далеко идущие последствия для системы международных отношений.

Экономическое сотрудничество, лежащее в основе интеграционного процесса, со временем было дополнено координацией действий в сфере внешней политики, безопасности и обороны, включая военные аспекты. На развитие этих процессов повлияли ряд внутренних и внешних факторов. С одной стороны, сама логика развития интеграционного процесса требовала расширения сфер сотрудничества на область внешней политики для защиты своих экономических интересов, с другой стороны, обострение международных противоречий, и как следствие появление ряда конфликтных зон в различных регионах поставило вопрос о формировании эффективной системы безопасности. Европейские страны полагавшие, что их геополитическое пространство надежно защищено и казалось не ждали врага, но своей политикой они получили войну России против украинского государства.

Ключевые слова: *Европейский Союз, Украина, ОБСЕ, Безопасность, НАТО, Геополитика, Международные отношения.*

Полномасштабное вторжение России в Украину в феврале 2022 года положило конец европейской безопасности как кооперативному проекту. Этот проект был основан на так называемом Хельсинкском декалоге, декларации в рамках Хельсинкского заключительного акта 1975 года, в которой излагались согласованные принципы поведения между Западом и Советским блоком. В последующие годы и десятилетия европейская безопасность стала сложнее и масштабнее, особенно после окончания холодной войны и распада Советского Союза. Соглашения о контроле над вооружениями, институциональные договоренности между Организацией Североатлантического договора (НАТО) и Россией, а также агентствами Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) придали еще более плотную структуру порядку безопасности. Этот порядок рухнул. Теперь европейскую безопасность необходимо переосмыслить и перестроить в период, который обещает быть длительным периодом российской враждебности и обструкционизма.

В это время большой неопределенности естественной тенденцией является откладывание долгосрочного планирования будущей безопасности Европы и сосредоточение на управлении неотложными вопросами, особенно в то время, когда бушует война на Украине, правительства борются с «усталостью от Украины» среди своей общественности, а удачи Украины на поле боя идут на убыль. Когда Запад считает, что целью должен быть стратегический провал России, чтобы она не продвигалась дальше на запад в Европу, беспристрастное обсуждение будущих мер без-

опасности трудно проводить.

Запад преследовал заманчивое видение Европы в целом, свободной, процветающей и мирной, когда холодная война подходила к концу, но это видение сегодня в лучшем случае отдаленно: авторитарный режим России, агрессия против Украины и более широкая враждебность по отношению к Западу исключают его. Тем не менее, свободная, процветающая и безопасная Европа (включая Украину) в рамках НАТО-ЕС за пределами границ России с выгодными торговыми и инвестиционными связями с Россией, способная ответственно управлять геополитической конкуренцией, является видением, которое вообразимо, достижимо и адекватно интересам США. Сильная позиция сдерживания и обороны могла бы поддерживать непростой мир, с надеждой, что соглашения о контроле над вооружениями и консультативные форумы в конечном итоге сократят расходы на поддержание мира и ослабят напряженность вдоль границы НАТО-Россия, простирающейся от Баренцева моря через Балтийское море до Черного моря. Восстановленные дипломатические, торговые, культурные и научные отношения с Россией — даже если они менее прочные, чем в прошлом — были бы взаимовыгодными.

Это видение возникает из ясной оценки нынешних вызовов европейской безопасности. Эти вызовы формируют требования безопасности для конкретных государств, которые должны учитывать новый порядок. Они также предполагают институциональные конструкции, необходимые для продвижения безопасности и стабильности на всем континенте. Это стратегическое видение позволяет определить конкретные задачи и разработать план действий, который позволит Европе перейти от управления текущим конфликтом к новому и жизнеспособному соглашению о безопасности на предстоящие годы.

Центральный вопрос и главные игроки

Главная нерешенная проблема Европы не менялась по крайней мере последние двести лет: управление отношениями с Россией, ее огромным, часто неуправляемым соседом на востоке, которая чужда по духу, но является

неотъемлемой частью безопасности континента. С конца девятнадцатого века эта проблема была сосредоточена на Украине. Донбасский регион, который находится в центре нынешней войны России против Украины, был единственной промышленной зоной Российской империи в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков; без него Россия, возможно, не осталась бы великой державой. После Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны в России Донбасс стал важнейшим компонентом советского военно-промышленного комплекса. Российские правители долгое время считали Украину критически важной для создания стратегической глубины, от которой зависит безопасность их страны, расположенной на обширной равнине без грозных физических препятствий против могущественных соперников на западе.

Правители России считали рост украинского национализма и сопутствующие ему стремления к независимому государству серьезной угрозой безопасности — той, которая одновременно предлагала западным лидерам способ подорвать угрозу, которую они считали исходящей от России. Рассматриваемый в этом свете, текущий конфликт — это не просто вопрос суверенитета Украины и права выбирать свои альянсы, как утверждают западные лидеры; по своей сути он воплощает вопрос российской мощи и того, как эта мощь развертывается в Европе.

Разрешение войны в Украине не положит конец конфронтации между Россией и Западом. Как ясно дал понять президент России Владимир Путин в своем ежегодном послании Федеральному собранию в феврале 2024 года, Россия ведет длительную гибридную войну, чтобы подорвать доминирующую роль Запада в международной системе. Россия остается частью Европы в культурном плане, но она откололась от Запада политически, по крайней мере, на следующее поколение. Хотя сам Путин был движущей силой этого разрыва, он пользуется широкой поддержкой элиты, подпитываемой негодованием из-за того, что Запад отказался принять Россию в свои ряды, несмотря на то, что россияне считают их искренними усилиями по интеграции в евроатлантическое сообщество в первые десятиле-

тия после окончания холодной войны.

Три события, которые могут изменить эту оценку — демократический прорыв, распад России или ее экономический крах — остаются маловероятными. За последние несколько лет Кремль систематически демонтировал демократическую оппозицию. Ее самый известный лидер Алексей Навальный умер в российском лагере для заключенных, став жертвой злонамеренности Путина, если не его прямого приказа. Другие лидеры сидят в тюрьме или в изгнании. Оппозиционные силы в диаспоре, разделенные между собой, не оказывают практически никакого влияния на события внутри России. Что еще важнее, нет значительного элитного или народного спроса на демократию западного образца: опросы общественного мнения показывают, что россиянам комфортно с сильным, авторитарным лидером как оплотом против внешних врагов и внутреннего хаоса.

Точно так же маловероятен и распад Российской Федерации. В отличие от Советского Союза в его предсмертных муках, сегодняшняя Россия удерживается вместе мощными центростремительными силами, включая патриотизм, ксенофобию и правящую элиту, которая хочет использовать ресурсы всей страны в своих целях. Кроме того, Россия имеет прочное этническое ядро: русские составляют от 70 до 75 процентов от общей численности населения, и они являются доминирующей этнической группой в большинстве из восьмидесяти трех областей страны, включая те, которые номинально являются родиной других этнических групп. Современная история не знает примеров распада этнически однородного государства по внутренним причинам или под внешним давлением.

Наконец, российская экономика не находится на грани краха, даже если Россия находится в состоянии векового упадка. Санкции не оказали разрушительного воздействия, которого ожидал Запад. Действительно, в 2023 году экономика России выросла на 3–4 процента, а на 2024 год прогнозируется рост на 2–3 процента. Конечно, страна сталкивается с проблемами, которые, если их не решить, будут сдерживать будущий рост, включая сокращение населения, отстающие стандарты

образования и недостаточные инвестиции в передовые технологии. Тем не менее, постепенный спад является более вероятным сценарием, чем резкий крах. Между тем, Кремль почти наверняка сохранит достаточный потенциал для мобилизации ресурсов страны в своих собственных целях, что позволит ему продолжать бить выше своего веса на мировой арене, как он делал в последние десятилетия.

За исключением чрезвычайных событий, Россия, таким образом, останется тем, чем она была на протяжении всей истории: страной с авторитарной политической системой, движимой экспансионистским импульсом, экономически и технологически отстающей от ведущих мировых держав, но решившей оставаться одной из них (даже ценой чрезвычайных жертв). В обозримом будущем он сохранит внушительный военный потенциал, включая один из крупнейших в мире ядерных арсеналов и космические и киберресурсы мирового класса, а также высокоэффективные обычные силы после их воссоздания.

Более того, так называемый поворот России на Восток усилит ее вызов европейской безопасности. Ускоряющаяся переориентация российской торговли на восток (в основном в сторону Китая) и в сторону Глобального Юга позволила ей стать менее экономически переплетенной с Европой, чем когда-либо прежде в постсоветский период. В этих условиях Россия может действовать более агрессивно против Европы, не подвергая свою экономику такому же риску, как в первый год войны с Украиной. Карательные рычаги, которые Европа имеет в своем распоряжении для сдерживания поведения России, теряют свою эффективность.

Как подчеркивает президент Украины Владимир Зеленский, война является экзистенциальной для Украины. В зависимости от ее исхода страна может прекратить свое существование как независимое государство, де-юре поглощенная Российской Федерацией или реорганизованная в протекторат. Если Украине удастся помешать планам России и выжить как независимое государство, война определит, какая часть территории в ее международно признанных границах 1991 года

останется под контролем Киева. Продолжительность и интенсивность войны определяют ее конечные издержки, как человеческие, так и материальные, а также стоимость послевоенного восстановления. Вернутся ли миллионы украинцев, бежавших из страны в Россию и другие европейские страны во время конфликта, в большом количестве, еще предстоит увидеть, но, безусловно, чем дольше бушует война, тем меньше людей в конечном итоге вернется.

В то же время, горнило войны выковало сильное чувство национальной идентичности. Оно вызвало глубокое и устойчивое отчуждение от России и усилило европейские устремления страны. Тем не менее, интеграция Украины в Запад не является предрешенным результатом. Чтобы присоединиться к Европейскому союзу (ЕС), ей придется пройти через драматические социально-экономические и политические преобразования, искоренив глубоко укоренившуюся коррупцию и предотвратив возрождение олигархической системы, которая затормозила экономический рост и демократическое развитие после обретения ею независимости в 1991 году. Длительный период военного положения усложнит построение сильного демократического государства. Бремя экономического восстановления станет испытанием социальной сплоченности, поскольку различные группы и местности будут конкурировать за скудные ресурсы.

Несмотря на эту неопределенность, украинцы ожидают, что их примут на Западе из благодарности за их огромные жертвы, по их мнению, в защите Запада от российской агрессии. Они считают, что заслужили право на гарантии безопасности от ключевых западных стран в краткосрочной перспективе и возможное членство в НАТО в будущем. Они также ожидают, что их быстро выведут на путь вступления в ЕС. Если прогресс в членстве в этих двух основных европейских институтах застопорится, может возникнуть опасность того, что украинцы отвернутся от Запада из-за обиды. Вместо Украины, закрепленной на Западе, страна может превратиться в гордое, националистическое и озлобленное государство, оторванное от Европы и плавающее

между Европой и Россией.

Независимо от постконфликтной траектории Украины, она останется объектом российского желания, рассматриваемым Москвой как критически важный для российской безопасности, процветания и национальной идентичности. Насколько далеко зайдет Кремль, чтобы вернуть независимую Украину в свою орбиту, еще предстоит увидеть, но военная сила, политическая и экономическая подрывная деятельность и экономическое принуждение останутся на столе. Проще говоря, Кремль не захочет позволить украинцам жить в мире за пределами России.

Европейский Союз

Европа была выведена из геополитического сна двумя событиями: масштабным вторжением России на Украину и возможностью возвращения Дональда Трампа в качестве президента США. Первые убедили европейских лидеров, что им следует более серьезно относиться к безопасности. Финляндия и Швеция отказались от своего традиционного нейтралитета, чтобы присоединиться к НАТО. Канцлер Германии Олаф Шольц объявил *Zeitenwende*, серьезный сдвиг в политике Германии, пообещав значительное увеличение расходов на оборону, и другие европейские страны последовали его примеру. Ожидается, что в 2024 году двадцать два из тридцати европейских членов НАТО достигнут цели расходовать 2 процента своего валового внутреннего продукта (ВВП) на оборону.

Между тем возможность переизбрания Трампа вызвала призрак того, что Европе придется обеспечивать свою оборону самостоятельно. Трамп выставил напоказ свое презрение к НАТО, предупредив, что как президент он не будет соблюдать гарантию коллективной безопасности Статьи 5 в отношении стран, которые не заплатили свои «взносы». В настоящее время Европа не в состоянии защитить себя. Успокоенная своей зависимостью от Соединенных Штатов как гаранта своей безопасности после Холодной войны, она позволила своим военным силам и оборонной промышленности атрофироваться, чтобы направить больше ресурсов на повышение уров-

ня жизни. В результате европейские военные силы не могут эффективно действовать без руководства и материальной поддержки со стороны Соединенных Штатов.

Таким образом, тень Трампа придавала срочность миссии Европы по достижению стратегической автономии. Однако было бы неправильно полагать, что если Трамп не победит на переизбрании, Европа может быть спокойной, уверенной в долгосрочной приверженности Соединенных Штатов ее безопасности, но Трамп победил. Даже американские сторонники трансатлантических связей признают, что растущие вызовы Соединенным Штатам в других частях мира, особенно со стороны Китая, наряду с ограниченными возможностями США, потребуют от Вашингтона перераспределения ресурсов из Европы на другие театры военных действий.

Однако ответ на проблему безопасности Европы заключается не только в большем количестве денег и расширении возможностей. Чтобы уменьшить зависимость от Соединенных Штатов, европейцам также придется интегрировать свои оборонные усилия. Эта задача будет нелегкой. Демонстрация единства перед лицом агрессии России против Украины скрывает продолжающиеся вызовы комплексному подходу. Восприятие угроз различается по всему континенту. В частности, страны вдоль границы России и НАТО ощущают острую большую угрозу со стороны России, чем те, что находятся дальше на западе. Более того, армии по-прежнему контролируются национальными правительствами, и мало кто поддерживает идею создания европейских сил. Тот факт, что национальные министерства обороны имеют собственные корыстные интересы и привилегированных производителей оружия, препятствует стандартизации оборудования на всем континенте и эффективному производству вооружений. Несмотря на годы тесного партнерства, национальное соперничество по-прежнему подрывает доверие и усложняет принятие решений в Европе; многие страны, такие как Польша и страны Балтии, более охотно доверяют свою безопасность Соединенным Штатам, чем своим европейским союзникам.

Соединенные Штаты Америки

Соединенные Штаты находятся в центре крупных дебатов о своей глобальной миссии, которая играло важную роль на президентских выборах 2024 года и в дальнейшем. Как правило, внешняя политика редко играет центральную роль для американских избирателей, которые, как правило, больше сосредоточены на социально-экономических вопросах, которые напрямую влияют на их повседневную жизнь. Однако опасения по поводу иммиграции и контроля над южной границей США напрямую связаны с решениями США о поддержке Украины: почему, как задавались вопросы некоторые лидеры республиканцев, Соединенные Штаты должны тратить на Украину средства, которые можно было бы лучше использовать для защиты южной границы? Таким образом, внешняя политика и европейская безопасность вносились в дебаты через черный ход.

Война России против Украины меняет институциональные основы безопасности в Европе. НАТО возродило свою первоначальную миссию сдерживания и, в случае неудачи, отражения российской агрессии. ЕС был призван играть более активную роль в вопросах безопасности, в то время как ОБСЕ все больше маргинализируется. Американцы и европейцы согласны, что европейский столп порядка безопасности необходимо консолидировать и укрепить. Вопрос в том, как эти институты должны соотноситься друг с другом, чтобы наилучшим образом продвигать стабильность и безопасность в Европе.

НАТО

Несмотря на то, что НАТО будет вновь активизировано, ему все равно придется провести существенную реформу, чтобы выполнить свою основную миссию по отношению к России в ближайшие годы. Вероятность сокращения американского присутствия на континенте делает консолидацию прочного европейского столпа внутри альянса главным приоритетом. Этот столп должен будет быть способен самостоятельно справляться с большинством непредвиденных обстоятельств в

Европе и вокруг нее, которые не сопряжены с риском прямой военной конфронтации с Россией. Логично, что столп должен основываться на ЕС. С присоединением Финляндии и Швеции все члены ЕС, за исключением Австрии, Кипра, Ирландии и Мальты (ни один из которых не славится своей военной мощью), стали членами НАТО, а все основные европейские военные державы, за исключением Турции и Великобритании, являются частью ЕС.

Успех в построении европейского столпа в НАТО потребует фундаментального сдвига в мышлении США. С момента основания альянса Вашингтон настаивал на том, чтобы быть у руля; опасаясь европейской фракции, которая могла бы бросить вызов его первенству, Соединенные Штаты порой намеренно использовали напряженность среди своих европейских союзников, чтобы обеспечить свое доминирующее положение. В дальнейшем Соединенные Штаты должны осознать выгоды, которые они получают от европейского партнера со стратегической автономией. Вашингтон мог бы не только перераспределить активы в Индо-Тихоокеанском регионе, но и получить партнера из числа великой державы, который мог бы помочь ему управлять региональными конфликтами, создавать стабилизирующие региональные балансы сил и бороться с терроризмом, пиратством и транснациональными преступными группировками по всему миру.

С этим новым мышлением Соединенные Штаты и ЕС, а также Соединенное Королевство и, если возможно, Турция, должны разработать всеобъемлющую дорожную карту к будущему НАТО, построенному на двух столпах — американском и европейском. Эта новая структура будет основана на общей оценке нынешних и будущих угроз и повлечет за собой соглашение о силовом составе и структуре, закупках оружия и совместных инвестициях в оборонно-промышленный сектор Европы, среди прочего. Важнейшим элементом будет план постепенной замены европейских возможностей на американские, за одним исключением: Соединенные Штаты продолжат расширять свой ядерный зонтик на Европу. Британские и французские ядерные силы мо-

гут продолжать играть вспомогательную роль, но их арсеналы недостаточны по размеру и сложности, чтобы справиться со всем спектром ядерных сценариев. Европейцы в конечном итоге возьмут на себя роль верховного главнокомандующего союзниками в Европе, поскольку присутствие американских войск будет сокращено до символической силы.

Европейский столп, основанный на ЕС, будет иметь большое значение для смягчения, если не устранения сохраняющейся напряженности между НАТО и ЕС в области безопасности. Для всех практических целей ЕС станет членом альянса, и сотрудничество между двумя образованиями должно быть безупречным. Таким образом, члены ЕС, не входящие в НАТО, будут пользоваться неявной гарантией безопасности по статье 5, которая будет распространяться на новых членов по мере расширения ЕС за счет включения в него не входящих в НАТО союзников на Балканах и в бывшем советском пространстве.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОБСЕ — крупнейшая в мире организация по безопасности, в которую входят пятьдесят семь государств Европы, Северной Америки и Центральной Азии. Она выросла из Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которое было создано как многосторонний форум для диалога и переговоров между Востоком и Западом в 1973 году. После двух лет встреч она приняла Хельсинкский заключительный акт. После этого государства-участники встретились, чтобы расширить свои обязательства и рассмотреть их реализацию по трем измерениям: политико-военные вопросы, экономические и экологические вопросы, а также права человека и демократические институты. Чтобы управлять историческими изменениями в конце холодной войны, СБСЕ было институционализировано с обязанностями по управлению конфликтами и их разрешению, а также по продвижению соглашений о контроле над вооружениями и мерам укрепления доверия, среди прочего. В 1994 году она была переименована в ОБСЕ.

Поскольку НАТО и ЕС, скорее всего, про-

должат расширяться, чтобы включить в себя почти все европейские государства в предстоящие годы, не будет особой необходимости сохранять ОБСЕ как общеевропейскую организацию по безопасности. НАТО, ЕС или специальные западные группы могут взять на себя работу по разрешению конфликтов и мониторингу, которую ОБСЕ выполняла на Балканах и Южном Кавказе, если это необходимо и уместно. Институты ОБСЕ, которые все еще играют свою роль в Центральной и Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, такие как Бюро по демократическим институтам и правам человека, могут быть созданы как независимые организации, финансируемые государствами-участниками.

Однако проблема заключается не только в избыточности. Дух ОБСЕ, призванный продвигать безопасность и сотрудничество в неразделенной Европе, основанной на общих демократических ценностях и больше не отмеченной ожесточенным соперничеством США и СССР, не очень подходит для Европы, охваченной конфронтацией между демократическим Западом и авторитарной Россией. Неудивительно, что ценность ОБСЕ

неуклонно снижалась в последнее десятилетие, поскольку Россия становилась все более авторитарной во внутренней политике и более агрессивной в своем поведении за рубежом, усиливая напряженность с расширяющимся Западом. Ни Соединенные Штаты, ни Россия не проявляли особого политического интереса к организации; НАТО и ЕС стали предпочтительными форумами на Западе для решения вопросов безопасности, экономики и других вопросов, которые формируют повестку дня ОБСЕ.

В этих обстоятельствах нет особых причин реформировать ОБСЕ, чтобы она могла продолжать работать в резко разделенной Европе. Также нет особых причин официально ее упразднить: она все еще могла бы служить форумом, на котором США и Европа могли бы встречаться с Россией для обсуждения ряда вопросов. Это могло бы иметь ценность при отсутствии других регулярных каналов связи. Поэтому сегодня для Европейского союза важно сохранение единого независимого украинского государства, в целях своей же безопасности.

Литература:

- [1]. Oskopoulos, G. *European Union Security and Defence: Policies, Operations and Transatlantic Challenges*. Springer International Publishing, 2021.
- [2]. Kinnvall, C., Manners, I., & Mitzen, J. (Eds.) *Ontological insecurity in the European Union*. Routledge, 2020.
- [3]. Fawn, R. *Managing Security Threats Along the EU's Eastern Flanks*. Springer International Publishing, 2020.
- [4]. Ramírez, J. M. and Biziewski, J. (Eds.) *Security and Defence in Europe*, Springer, 2020.
- [5]. Conde, E., S.V. Yaneva and M. Scopelliti (eds.), *The Routledge Handbook of European Security Law and Policy*, Routledge, 2020.
- [6]. Nitoiu, C. & Sus, C. Special issue: The rise of geopolitics in the EU's approach in its Eastern Neighbourhood. *Geopolitics* 24(1), 2019
- [7]. Bicchi, F. and Bremberg, N. (Eds.) *European Diplomacy in Practice: Interrogating Power, Agency and Change*. Houndsmill, Routledge, 2019.
- [8]. Deiana, M.-A., et al. Special issue: Cross-Border Cooperation as Conflict Transformation: Promises and Limitations in EU Peacebuilding. *Geopolitics* 24(3): 529-540, 2019.
- [9]. Galbreath, D. J., Mawdsley, J., & Chappell, L. (Eds.) *Contemporary European Security*, London: Routledge, 2019.
- [10]. Carrapico, H., et al. *Brexit and Internal Security: Political and Legal Concerns on the Future UK-EU Relationship*. London, Palgrave Pivot, 2019.

OMAR ARDASHELIYA**Doctor of Historical Sciences, Professor of Sukhumi State University (Georgia)****RUSSIA'S WAR IN UKRAINE AND SECURITY ISSUES OF THE EUROPEAN UNION****Summary**

The integration process that began in Western European countries in the mid-20th century and subsequently spread to Southern, Eastern and Northern Europe had a significant impact on the further development of the countries of the region. The changes that took place during the second half of the 20th century were, to a certain extent, revolutionary in nature. They affected the socio-economic and political spheres and had far-reaching consequences for the system of international relations.

The economic cooperation that underlies the integration process was eventually supplemented by coordination of actions in the sphere of foreign policy, security and defense, including military aspects. A number of internal and external factors influenced the development of these processes. On the one hand, the very logic of the development of the integration process required the expansion of cooperation areas to the area of foreign policy to protect their economic interests, on the other hand, the aggravation of international contradictions, and as a consequence the emergence of a number of conflict zones in various regions raised the question of the formation of an effective security system. European countries believed that their geopolitical space was reliably protected and seemed not to expect an enemy, but with their policy they received a war of Russia against the Ukrainian state.

Russia's full-scale invasion of Ukraine in February 2022 marked the end of European security as a cooperative project. That project was based on the so-called Helsinki Decalogue, a declaration in the Helsinki Final Act of 1975 that set out agreed principles of conduct between the West and the Soviet bloc. In the years and decades that followed, European security became more complex and expansive, especially after the end of the Cold War and the collapse of the Soviet Union. Arms control agreements, institutional arrangements between the North Atlantic Treaty Organization (NATO) and Russia, and the agencies of the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) gave an ever tighter structure to the security order. That order has collapsed. European security must now be rethought and rebuilt in what promises to be a long period of Russian hostility and obstructionism.

In these circumstances, there is little reason to reform the OSCE so that it can continue to function in a sharply divided Europe. Nor is there much reason to formally abolish it: it could still serve as a forum in which the US and Europe could meet with Russia to discuss a range of issues. This could be valuable in the absence of other regular channels of communication. So it is important for the European Union today to preserve a single, independent Ukrainian state, for its own security.

МАРИНА ИЗОРИЯ

Доктор социальных наук, ассистент профессор Сухумского Государственного университета (Грузия)

ГЕОПОЛИТИКА СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И АСЕАН В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.15>

Введение. Целью данного исследования является анализ роли стран Ближнего Востока и Юго-восточной Азии в глобальной геополитике и того, как они справляются с вызовами, извлекая выгоду из возможностей в условиях международной политической динамики в эпоху глобализации. Поскольку мировой порядок претерпевает значительные изменения, страны Ближнего Востока и Юго-восточной Азии сталкиваются со сложными проблемами, такими как геополитическая напряженность, региональные конфликты, вмешательство крупных держав и изменение стратегических альянсов. Однако у них также есть возможности укрепить свои дипломатические и экономические позиции посредством международного сотрудничества, инвестиций и активной роли в многосторонних организациях. Используя качественный аналитический подход, данное исследование изучает внешнюю политику, дипломатические стратегии и динамику международных отношений указанных стран, включая их роль в таких организациях, как Организация исламского сотрудничества (ОИС), и их отношения с такими крупными державами, как США, Китай и Россия. В исследовании используется качественный аналитический подход с методом обзора литературы. Данные получены из вторичных материалов, таких как академические журналы, книги, политические отчеты и статьи, имеющие отношение к геополитическим вопросам стран региона. Результаты показывают, что, несмотря на значительные проблемы, эти страны обладают потенциалом выступать в качестве критически важных игроков в глобальной геополитике, если они

смогут оптимизировать имеющиеся возможности, такие как укрепление экономического сотрудничества и дипломатии на основе общих интересов.

Ключевые слова: *Геополитика, международные отношения, Ближний Восток, АСЕАН, Региональные конфликты, Организация Исламского Сотрудничества.*

В нынешнюю эпоху глобализации глобальная геополитическая динамика претерпевает значительные изменения. Мусульманские страны, охватывающие такие регионы, как Ближний Восток, Северная Африка и Юго-Восточная Азия, сталкиваются со значительными проблемами политической и экономической стабильности. Региональные конфликты, вмешательства крупных держав и многомерная дипломатическая напряженность часто формируют их роль в международном порядке. Крайне важно проанализировать, как эти страны ориентируются в международных отношениях и могут ли они извлечь выгоду из имеющихся возможностей в условиях сложного геополитического ландшафта. Исторически эти страны играли значительную роль в глобальной геополитике, в основном из-за своего стратегического положения вдоль важнейших торговых путей и огромных запасов энергии и природных ресурсов. Однако внутренняя политическая нестабильность, межгосударственные конфликты и вмешательства крупных держав, таких как США и Россия, часто ограничивали их потенциал. Эта зависимость от внешних сил часто ослабляет их дипломатическое положение, в конечном итоге влияя на их способность формулировать независимую и проактивную внешнюю политику.

Понимание этой динамики имеет важное значение для оценки потенциала стран регионов стать влиятельными игроками в меняющейся глобальной геополитической среде.

С другой стороны, мировые экономические события открыли новые возможности для стран региона по укреплению своих позиций в международной геополитике. Многие страны, такие как Саудовская Аравия, Турция и Индонезия, начинают использовать свои природные богатства, иностранные инвестиции и активную роль в многосторонних организациях, таких как Организация исламского сотрудничества (ОИС) и G20. Однако остаются вопросы о том, как эти страны могут воспользоваться этим импульсом для формирования стратегических альянсов, которые могли бы повысить их статус в постоянно меняющемся мировом порядке. Одна из основных правовых проблем, с которой сталкиваются страны региона связана с национальным суверенитетом и иностранным вмешательством. Многие страны, особенно Ближнем Востоке, вовлечены в конфликты, внешнее вмешательство. Конфликты в Сирии и Йемене, например, иллюстрируют, как участие значительных держав влияет на региональную политическую стабильность и вызывает международно-правовые опасения относительно прав человека и нарушений государственного суверенитета. Эта проблема ставит под сомнение то, как эти страны могут сохранять свою независимость и стабильность в условиях внешнего давления и международных правовых проблем.

Кроме того, эти страны сталкиваются с трудностями в балансировании отношений с крупными державами, такими как США, Китай и Россия. Во многих случаях эти страны оказываются втянутыми в биполярную или многополярную динамику, которая ограничивает их способность действовать независимо на мировой арене. Другой важный вопрос заключается в том, в какой степени многосторонние организации, такие как Организация исламского сотрудничества (ОИС), могут играть более значительную роль в укреплении дипломатии и сотрудничества между мусульманскими странами. Хотя ОИС обладает большим потенциалом как дипломатическая платформа, ее эффективность часто ставится

под сомнение. Поэтому, второй вопрос исследования заключается в том, как мусульманские страны могут использовать ОИС в качестве коллективного дипломатического инструмента для решения глобальных проблем, включая безопасность, экономику и права человека. В контексте экономического сотрудничества многие мусульманские страны все больше инвестируют в стратегические сектора, такие как энергетика, технологии и инфраструктура. Эти инвестиции создают новые возможности для укрепления своих геополитических позиций за счет более тесных экономических связей с развитыми странами. Третий вопрос исследования изучает, как мусульманские страны могут извлечь выгоду из глобальных экономических возможностей для создания более сильных стратегических альянсов и увеличения своего влияния на международной арене.

Динамика глобальной геополитики постоянно развивается вместе с экономическими, военными и политическими сдвигами власти. Мусульманские страны в жизненно важных стратегических регионах, таких как Ближний Восток, Северная Африка и Юго-Восточная Азия, играют значительную роль в глобальной геополитике. Эти регионы богаты природными ресурсами, особенно нефтью и газом, которые привлекают такие крупные мировые державы, как США, Россия и Китай. Однако внутренняя динамика во многих мусульманских странах часто отмечена внутренними конфликтами и религиозной напряженностью, которые влияют на их положение на международной арене. Изменения в глобальной геополитике также очевидны в изменении альянсов на Ближнем Востоке, где такие страны, как Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты стремились к более тесным дипломатическим связям с мировыми державами, включая Израиль. Нормализация отношений, известная как Авраамовы соглашения, отражает политический прагматизм, направленный на укрепление их позиций в противостоянии региональным вызовам, особенно угрозам со стороны Ирана. Иран с его шиитским руководством и особой политической повесткой дня продолжает оставаться критически важным фактором региональной

динамики, в первую очередь за счет своей экспансионистской политики в Йемене, Сирии и Ливане.

За пределами Ближнего Востока страны Юго-Восточной Азии, которые объединены в АСЕАН* такие как Индонезия и Малайзия, играют различные роли в глобальной геополитике. Индонезия, как самая густонаселенная страна с мусульманским большинством в мире, часто занимает нейтральную позицию в международных конфликтах, уделяя больше внимания многосторонним вопросам, таким как изменение климата и глобальный мир. Тем не менее, страны Юго-Восточной Азии поддерживают тесные связи с мировым сообществом, особенно в отношении солидарности с Палестиной и экономического сотрудничества через Организацию исламского сотрудничества (ОИС). Присутствие мусульманских стран в Африке, таких как Египет и Алжир, добавляет существенное измерение в глобальную геополитику. Благодаря своему стратегическому положению на Суэцком канале Египет играет решающую роль в международной торговле, в то время как Алжир является ключевым поставщиком энергии для Европы. Политическая нестабильность в нескольких африканских странах, таких как Судан и Ливия, представляет собой значительные проблемы в поддержании региональной стабильности, влияя на международную экономическую и безопасную динамику. В целом, положение стран регионов в глобальной геополитике зависит от внутренних и внешних факторов. С одной стороны, они должны решать внутренние проблемы, такие как коррупция, политическая нестабильность и экономическое неравенство. С другой стороны, они сталкиваются с давлением со стороны мировых держав, стремящихся сохранить или расширить свое влияние в этих стратегических регионах. Кроме того, идеологические факторы, особенно связанные с распространением радикальных убеждений, также подвергаются пристальному вниманию в международных отношениях.

Например, Соединенные Штаты имеют долгую историю вмешательства на Ближнем

Востоке, в то время как Россия стремится усилить свое влияние посредством участия в сирийском конфликте и союзов с Ираном. Тем временем Китай становится все более агрессивным в расширении своего влияния в мусульманском мире, в основном посредством инициативы «Один пояс, один путь», которая предлагает значительные инвестиции мусульманским странам Азии и Африки.

Кроме того, на глобальную геополитическую динамику все большее влияние оказывает рост негосударственных групп, таких как ИГИЛ и Аль-Каида, которые имеют транснациональные планы. Хотя влияние этих групп начало ослабевать, они по-прежнему представляют серьезную угрозу политической стабильности в нескольких мусульманских странах. Вооруженные конфликты, спровоцированные этими группами, также влияют на восприятие мусульманского мира на международной арене, что часто ассоциируется с терроризмом и экстремизмом. На положение мусульманских стран в мире дополнительно влияет внутримусульманская солидарность, которая часто является хрупкой. Конфессиональные различия между суннитами и шиитами и различные политические интересы среди государств часто препятствуют достижению политического единства среди мусульманских стран. Несмотря на усилия по сотрудничеству через такие организации, как Организация исламского сотрудничества (ОИС) и Лига арабских государств, проблемы, с которыми они сталкиваются, остаются существенными, особенно при формулировании совместной политики по глобальным вопросам. Среди всех этих проблем у мусульманских стран также есть возможности укрепить свои позиции на международной арене. Активное участие в многосторонних форумах, таких как ООН и G20, и экономическое укрепление посредством диверсификации от нефтяной зависимости представляют собой одну из жизнеспособных стратегий. Кроме того, экономически и военно сильные страны, такие как Турция и Саудовская Аравия, могут взять на себя роль лидера в формировании нового мирового порядка.

В целом динамика глобальной геополитики указывает на то, что мусульманские страны

* Мьянма, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Камбоджа, Бруней, Вьетнам, Филиппины, Лаос, Сингапур объединяет Ассоциация стран Юго-Восточной Азии - АСЕАН

находятся на перепутье между внутренними проблемами и внешним давлением. Чтобы максимизировать их положение, необходима комплексная стратегия по укреплению внутренней стабильности при формировании взаимовыгодных международных альянсов. Более высокая стабильность и более тесное сотрудничество между мусульманскими странами будут иметь жизненно важное значение для повышения их роли на глобальной геополитической арене. Страны регионов сталкиваются с целым рядом сложных и динамичных геополитических проблем, вытекающих из внутренних и внешних факторов. Внутри страны многие мусульманские страны борются с политической нестабильностью, коррупцией и глубоко укоренившимся социально-экономическим неравенством. Эта уязвимость может привести к внутренним конфликтам и иностранным интервенциям. Неспособность некоторых правительств удовлетворить потребности своих граждан часто вызывает протесты, революции или даже восстания, как это было во время Арабской весны. Если не управлять ими эффективно, эти противоречия могут ослабить позиции мусульманских стран в международных отношениях. Кроме того, религиозные разногласия, особенно между суннитскими и шиитскими фракциями, продолжают оставаться источником разделения среди мусульманских стран. Иран и Саудовская Аравия, как лидеры своих лагерей, часто оказываются вовлеченными в соперничество, которое влияет на стабильность на Ближнем Востоке. Это соперничество выходит за рамки политических и военных измерений, охватывая идеологическое и религиозное влияние во всем мусульманском мире. Такая межконфессиональная напряженность также подпитывает конфликты в таких странах, как Йемен, Ирак и Ливан, что может еще больше поставить под угрозу региональную стабильность.

Внешние факторы, влияющие на геополитические проблемы, с которыми сталкиваются страны регионов. Внешние факторы также играют значительную роль в геополитических проблемах стран. Вмешательство мировых держав, таких как США, Россия и Китай, в политические и безопасные дела мусульманских стран часто усугубляет существующие

ситуации. Например, США уже давно вовлечены в конфликты на Ближнем Востоке, как посредством прямых вторжений, таких как в Ираке, так и путем поддержки определенных режимов.

Кроме того, конфликты, вызванные конкуренцией за природные ресурсы, создают существенные проблемы для этих стран, особенно богатых нефтью и газом. Борьба за контроль над этими ресурсами часто подразумевает вмешательство мировых держав, которые рассматривают такие регионы, как Ближний Восток и Северная Африка, как критически важные для глобальной энергетической безопасности. Однако эта сильная зависимость от экспорта энергоносителей делает многие мусульманские страны уязвимыми к колебаниям цен на нефть, что может негативно повлиять на внутреннюю экономическую стабильность. Более того, угрозы терроризма и радикализации представляют собой серьезные проблемы для многих стран. Такие группы, как ИГИЛ и Аль-Каида, использовали религиозные нарративы для вербовки последователей и совершения атак как внутри страны, так и за рубежом. Хотя мощь ИГИЛ значительно уменьшилась, его радикальная идеология сохраняется, создавая постоянные угрозы безопасности и стабильности в различных странах. Контртеррористические усилия требуют прочного международного сотрудничества; однако они часто ставят страны в сложные положения, поскольку им приходится балансировать между поддержанием внутренней стабильности и сохранением своего суверенитета. Более того, зависимость от военной и экономической помощи иностранных держав, особенно западных стран, представляет собой вызов гегемонии государств. Многие страны Ближнего Востока и Северной Африки в значительной степени зависят от помощи таких стран, как США, или глобальных финансовых институтов, таких как МВФ и Всемирный банк. Эта зависимость часто сопровождается политическими условиями, которые ограничивают способность этих стран принимать независимые решения, особенно в отношении внешней политики.

Развитие технологий и кибербезопасности добавляет новое измерение геополити-

ческим проблемам. Страны региона, как и другие, сталкиваются с угрозами кибератак, которые могут парализовать их жизненно важную инфраструктуру. Эти кибератаки осуществляются иностранными государствами и негосударственными группами с политическими или идеологическими целями. Эта ситуация вынуждает мусульманские страны повышать свои возможности кибербезопасности, что часто требует существенных инвестиций в технологии и обучение кадров. Изменение климата и дефицит природных ресурсов, особенно вода, еще больше усугубляют геополитические проблемы, с которыми сталкиваются многие страны. Ближний Восток и Северная Африка признаны одними из наиболее уязвимых регионов к изменению климата, испытывая повышение температуры и все более неустойчивые осадки. Дефицит воды часто становится источником конфликтов, как внутренних, так и между странами, как это было показано в спорах о воде между Египтом, Суданом и Эфиопией относительно плотины Возрождения на реке Нил. Среди всех этих проблем глобализация и давление со стороны международного сообщества в отношении вопросов прав человека также усиливают напряжение в мусульманских странах. Многие мусульманские страны сталкиваются с критикой за нарушения прав человека, включая ограничения свободы слова, прав женщин и обращения с меньшинствами. Хотя это международное давление часто рассматривается как иностранное вмешательство, оно существенно влияет на дипломатические отношения мусульманских стран с мировыми державами и международными организациями. Подводя итог, можно сказать, что геополитические проблемы, с которыми сталкиваются мусульманские страны, являются весьма сложными и многогранными. Им необходимо преодолевать внутреннюю нестабильность и межконфессиональные разногласия, а также управлять иностранными вмешательствами, угрозой терроризма и последствиями изменения климата и технологий. Для решения этих проблем необходимы комплексные и совместные стратегии на региональном и международном уровнях для содействия стабильности и устойчивому развитию в мусульманском

мире.

Внутри страны многие страны борются с политической нестабильностью, коррупцией и социально-экономическим неравенством, которые ослабляют их позиции, а также с религиозными конфликтами между суннитами и шиитами, особенно между Ираном и Саудовской Аравией, которые подпитывают региональную напряженность. Наконец, международное давление по вопросам прав человека усугубляет дипломатические проблемы для мусульманских стран, особенно в отношении свободы слова, прав женщин и обращения с меньшинствами. Значение мусульманских стран в международных исламских организациях в глобальной геополитике Мусульманские страны имеют большое значение в различных международных исламских организациях, особенно в контексте глобальной геополитики. Такие организации, как Организация исламского сотрудничества (ОИС), Лига арабских государств и Совет сотрудничества стран Персидского залива (ССАГПЗ), служат основной платформой для мусульманских стран для координации политических, экономических и социальных вопросов на международной арене. ОИС, состоящая из 57 членов, является крупнейшей и наиболее представительной организацией, созданной для укрепления исламской солидарности, содействия миру и защиты интересов мусульманского мира. В глобальной геополитике эти организации служат коллективным голосом мусульман, хотя внутренние проблемы часто ограничивают их эффективность. ОИС играет важную роль в построении политического сотрудничества между мусульманскими странами, особенно в решении глобальных проблем, которые напрямую их затрагивают, таких как палестино-израильский конфликт, насилие в Сирии, свержение Башара Асада еще не успокоило страну, Сирию ждет новые геополитические катаклизмы, все это усугубляет положение народов живущих в этой стране и перенесших страшные времена правления Башара Асада.

Немало важно и кризис рохинджа в Мьянме. У этой преимущественно буддийской страны, в течение многих десятилетий управлявшейся военной диктатурой, имеется

долгая история взаимного недоверия и трений между различными проживающими в ней этническими и религиозными сообществами, на что власти предпочитали закрывать глаза или пользоваться распрями в своих интересах. В штате Ракхайн на западе страны помимо коренного буддийского населения проживают также мусульмане народности рохинджа, которые изначально пришли из исторического региона Бенгалия, ныне - территория Бангладеш. Власти Мьянмы называют мусульман-рохинджа нелегалами и отказывают в предоставлении им гражданства.

В штате Ракхайн проживают около 1 миллиона мусульман-рохинджа. В приграничных с Бангладеш городах, где вспыхивали волнения, большинство населения составляют мусульмане. Во время вспышки межрелигиозного насилия в 2012 году между буддийским населением штата и, как полагают, мусульманами-рохинджа более 100 тысяч мусульман оказались без крова над головой. Десятки тысяч мусульман-рохинджа до сих пор находятся во временных лагерях, откуда им не разрешают выезжать. Мировое сообщество осталось глухим к этим трагедиям народа.

В палестино-израильском конфликте ОИС последовательно поддерживала Палестину и осуждала израильскую оккупацию, хотя дипломатические усилия по урегулированию этого конфликта часто не приводят к конкретным решениям. Однако моральная и политическая поддержка Палестины со стороны ОИС укрепляет позиции мусульманских стран в борьбе за права палестинцев на международных форумах, в том числе в Организации Объединенных Наций (ООН). Кроме того, мусульманские страны через ОИС также пытаются реагировать на вызовы, возникающие в других районах с мусульманским большинством.

Хотя конкретные действия все еще ограничены, ОИС удалось вынести этот вопрос на глобальную повестку дня, усилив роль мусульманских стран в международной пропаганде. Эти усилия показывают, как ОИС может быть инструментом многосторонней дипломатии для мусульманских стран, чтобы реагировать на глобальные гуманитарные проблемы.

С другой стороны, Лига арабских государств как региональная организация, представляющая арабские страны, имеет более узкую направленность на проблемы Ближнего Востока и Северной Африки. Хотя она была создана для содействия арабскому единству, политические и экономические разногласия между ее государствами-членами часто являются существенным препятствием. Тем не менее, Лига арабских государств остается важным форумом для преодоления региональных кризисов, таких как конфликты в Сирии, Ливии и Йемене. В глобальной геополитике Лига арабских государств часто была мостом между арабскими странами и странами, находящимися под угрозой исчезновения.

Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Кувейт, оказывают большое влияние на мировые энергетические рынки и часто являются стратегическими партнерами таких значительных держав, как Соединенные Штаты и Европейский союз. Благодаря этому сотрудничеству регион укрепляет экономическую стабильность своих стран-членов и позиционирует их как важных игроков на глобальной геополитической арене, особенно в поддержании стабильности цен на нефть и обеспечении стабильных поставок энергии. Хотя эти организации обладают большим потенциалом для влияния на мировую динамику, различия в интересах между их государствами-членами часто являются существенным препятствием. Политические и религиозные конфликты между мусульманскими странами, такие как соперничество между Саудовской Аравией и Ираном, создают фрагментацию, которая препятствует достижению взаимных соглашений. Тем не менее, международные исламские организации остаются важным форумом для дипломатии и переговоров, позволяя мусульманским странам сотрудничать в условиях существующих разногласий. Они также предоставляют механизм для небольших мусульманских стран, чтобы получить международную поддержку в решении внутренних или региональных проблем. Например, такие небольшие страны, как Мальдивы или Сомали, часто используют свое членство в ОИС, чтобы отстаивать вопросы, которые имеют для них значение на мировой арене, та-

кие как влияние изменения климата и устойчивое развитие.

В дополнение к своей политической и дипломатической роли международные исламские организации также служат форумом для укрепления экономического и развивающего сотрудничества между мусульманскими странами. ОИС инициировала различные экономические и социальные программы развития. Экономическое сотрудничество через ОИС и связанные с ней агентства, такие как Исламский банк развития (ИБР), помогает менее развитым мусульманским странам получить доступ к финансовой помощи и технической поддержке для стимулирования внутреннего развития. В конечном счете, значение мусульманских стран в международных исламских организациях заключается в их способности объединять голоса мусульманского мира перед лицом глобальных вызовов. Хотя эти организации не всегда эффективны в решении всех вопросов, они остаются важными для укрепления исламской солидарности, продвижения общих интересов и улучшения переговорной позиции мусульманских стран на международной арене. Для повышения их эффективности необходимы более энергичные усилия по решению внутренних разногласий и укреплению координации между мусульманскими странами, чтобы они могли играть более значимую роль в формировании более справедливого и мирного мирового порядка. Мусульманские страны могут разрабатывать более независимые и устойчивые геополитические стратегии, несмотря на конкуренцию между крупными державами, такими как США, Китай и Россия. Эта независимость может быть достигнута путем диверсификации стратегических альянсов, не только полагаясь на эти полномочия, но и способствуя прочно-

му региональному сотрудничеству между мусульманскими странами. Приняв этот подход, мусульманские страны могут усилить свои дипломатические позиции и усилить свое влияние на международной арене. Многосторонние организации, такие как Организация исламского сотрудничества (ОИС), обладают значительным потенциалом, чтобы служить более эффективными инструментами коллективной дипломатии, хотя их нынешние роли остаются неоптимальными. Мусульманские страны должны использовать ОИС для решения глобальных проблем, таких как вопросы безопасности, экономической стабильности и прав человека. Укрепляя потенциал ОИС и улучшая координацию между ее членами, многосторонняя дипломатия может стать жизненно важной для мусульманских стран, чтобы укрепить их геополитическое положение в целом. В экономической сфере инвестиции в стратегические секторы, такие как энергетика, технологии и инфраструктура, открывают возможности для мусульманских стран по укреплению их экономической мощи. Используя глобальные экономические возможности, эти страны могут сформировать более прочные стратегические альянсы с развитыми странами и снизить зависимость от конкретных значимых держав. Это экономическое сотрудничество также может служить средством укрепления геополитических позиций и увеличения влияния мусульманских стран на международной арене. В целом, мусульманские страны имеют потенциал играть более значимую роль в мировом порядке, при условии, что они смогут оптимизировать многостороннюю дипломатию, извлечь выгоду из экономических возможностей и разработать устойчивые и независимые геополитические стратегии.

Литература:

- [1]. J.P. Morgan, "ASEAN's Bright Future: Growth Opportunities for Corporates in the ASEAN Region," (2014), <https://www.jpmmorgan.com/country/US/EN/cib/investment-banking/trade-asean-future> Accessed 11 August 2017.
- [2]. US Mission to ASEAN, "U.S. – ASEAN Brochure," (2015), <https://asean.usmission.gov/our-relationship/policy-history/embassy-fact-sheets/> Accessed 11 August 2017.
- [3]. Atena S. Feraru, "ASEAN Decision-Making Process: Before and After the ASEAN Charter," Asian

- [4]. Development Bank Policy Review (2015) 4(1): 26-41, [http://www.aessweb.com/pdf-files/ADPR-2016-4\(1\)-26-41.pdf](http://www.aessweb.com/pdf-files/ADPR-2016-4(1)-26-41.pdf) Accessed 11 August 2017
- [5]. Southeast Asia's Role in Geopolitics Brian Harding, Director for East and Southeast Asia Center for American Progress <https://sppga.ubc.ca/wp-content/uploads/sites/5/2017/10/8-Brian-Harding.pdf>
- [6]. THE GEOPOLITICAL TRANSFORMATION OF SOUTHEAST ASIA By Marvin C. Ott <https://translate.google.com/?hl=ru&sl=en&tl=ru&text=THE%20GEOPOLITICAL%20TRANSFORMATION%20OF%20SOUTHEAST%20ASIA%0ABy%20Marvin%20C.%20Ott&op=translate> t=THE%20GEOPOLITICAL%20TRANSFORMATION%20OF%20SOUTHEAST%20ASIA%0ABy%20Marvin%20C.%20Ott&op=translate 3 Southeast Asia Regional Geopolitical Update's One-stop Information Page
- [7]. Southeast Asia's choices: Economic, political, and geopolitical integration face complications One-stop Information <https://www.orfonline.org/expert-speak/southeast-asias-choices> Page

..

MARINA IZORIA

Doctor of Social Sciences, Assistant Professor, Sukhumi State University (Georgia)

GEOPOLITICS OF THE MIDDLE EAST AND ASEAN IN CONTEMPORARY POLITICAL DYNAMICS

Summary

The Middle East, stretching from Libya in the west to Iran in the east and from Turkey in the north to Yemen in the south, and Southeast Asia is a vast macro-region encompassing 11 continental and island territories: Myanmar, Laos, Thailand, Vietnam, Cambodia, Singapore, Malaysia, the Philippines, Brunei, Indonesia and part of Bangladesh. has long been the focus of influential political figures throughout history. Its strategic location at the crossroads of trade routes has elevated its status as one of the most significant regions in the world. In the last century, the discovery of oil in the region and its subsequent dominance as a global energy source has further increased the region's importance. This article analyzes key geopolitical aspects and trends that shed light on the Geopolitics of the Middle East and ASEAN countries in contemporary political dynamics.

The objective of this study is to analyze the role of the Middle East and Southeast Asian countries in global geopolitics and how they cope with challenges while capitalizing on opportunities in the international political dynamics in the era of globalization. As the world order undergoes significant changes, the countries of the Middle East and Southeast Asia face complex challenges such as geopolitical tensions, regional conflicts, major power interventions, and changing strategic alliances. However, they also have opportunities to strengthen their diplomatic and economic positions through international cooperation, investment, and active roles in multilateral organizations. Using a qualitative analytical approach, this study examines the foreign policies, diplomatic strategies, and international relations dynamics of these countries, including their role in organizations such as the Organization of Islamic Cooperation (OIC) and their relations with major powers such as the United States, China, and Russia. The study uses a qualitative analytical approach with a literature review method. The data is obtained from secondary materials such as academic journals, books, policy reports and articles related to the geopolitical issues of the countries in the region. The results show that despite significant challenges, these countries have the potential to act as critical players in global geopolitics if they can optimize the available opportunities such as strengthening economic cooperation and diplomacy based on common interests.

ДАЗМИР ДЖОДЖУА

Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского Государственного Университета (Грузия)

СИРИЯ ПОСЛЕ БАШАРА АСАДА. ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.16>

Введение. Актуальность темы обусловлена многими факторами, происходившие с 2011 г. в Северной Африке и на Ближнем Востоке события «арабской весны» стали причиной системного кризиса в ряде стран региона. Вооруженное противоборство, изначально возникшее между официальными властями САР во главе с президентом Башаром Асадом и лагерем его противников, вызвало пристальное внимание ряда региональных и международных акторов, что способствовало как усложнению структуры сирийского конфликта, так и его интернационализации. Эволюция конфликта происходила под воздействием множества разноплановых факторов, среди которых - привнесенная радикальными исламистскими группировками террористическая угроза, которая затем стала распространяться за пределы Сирии и далее - всего арабского мира.

В ночь на 8 декабря 2024 года конфликт в Сирии достиг своего пика. Вооруженная оппозиция заняла Дамаск и объявила о падении режима Башара Асада. Определенная часть национальной территории остается вне контроля Дамаска, серьезно пострадала социально-экономическая сфера, не решена болезненная проблема беженцев. Конфликт продолжает оказывать негативное воздействие на региональную безопасность. Подобная волатильность чревата угрозой не только для Сирии, но и для всего Ближнего и Среднего Востока.

Крах режима Башара Асада представляет собой переломный момент в политике Ближнего Востока. Быстрый распад правительства Асада, существовавшего в сирийских и региональных делах более 50 лет, был немислим для многих, однако он материализовался менее

чем за две недели, когда повстанческие силы охватили всю страну. Это сейсмическое событие не только меняет внутреннюю динамику Сирии, но и закладывает основу для нового этапа региональной геополитики.

Нюансы падения Асада, подъем повстанческих коалиций и сложное взаимодействие внутренних и глобальных игроков заслуживают более пристального изучения, чтобы понять проблемы и возможности в эпоху Сирии после Асада.

Ключевые слова: *Сирия, Ближний Восток, Башар Асад, Иран, Россия, Турция, Израиль, Международные отношения, Геополитика.*

Правительство Башара Асада долгое время полагалось на смесь репрессий, иностранной поддержки и покровительства элиты для сохранения власти. Однако к 2024 году трещины в этом фундаменте непоправимо расширились. Несколько ключевых факторов способствовали краху режима: Годы международных санкций, широко распространенная коррупция, потеря доступа к богатым нефтью регионам и обширные разрушения, вызванные гражданской войной, опустошили экономику Сирии. Основная инфраструктура, промышленность и государственные службы были в упадке. Финансовое напряжение остро ощущалось в армии, поскольку солдатам недоплачивали и они были плохо экипированы. Это экономическое ухудшение подорвало моральный дух сторонников Асада и разрушило сплоченность Сирийской арабской армии.

Причины поражения режима Асада

Разрушение военного единства. Сирийская армия уже ослабленная годами истощения и дезертирства, распалась перед лицом наступления повстанцев. Солдаты покидали посты, массово сдавались или бежали из страны. Видеозаписи массового дезертирства подчеркивали, насколько пала некогда грозная армия режима. Асад все больше полагался на ополченцев и местных влиятельных лиц, чтобы удерживать свою власть. Однако эти раздробленные и плохо организованные силы, отмеченные отсутствием сплоченности, подготовки и дисциплины, оказались крайне нестабильными. Эта нестабильность стала очевидной в их быстром крахе, что привело к потере ключевых городских центров, таких как Алеппо и Хомс — важнейшего логистического узла. Падение этих городов нанесло решающий удар по режиму Асада, лишив его доступа к прибрежным опорным пунктам и нарушив стратегический сухопутный коридор Ирана к «Хезболле» в Ливане. В результате способность режима организовать надежную оборону была фактически парализована.

Чрезмерная зависимость от иностранных покровителей. Выживание Асада в течение большей части гражданской войны во многом было обусловлено вмешательством союзников, таких как Россия, Иран и Хезболла. Российская авиация и иранские ополченцы помогли Асаду вернуть территорию, но эта зависимость от иностранных сил выявила фундаментальную слабость режима. К 2024 году и Россия, и Иран столкнулись со своими собственными внутренними и внешними давлениями — Россия с войной на Украине, а Иран с продолжающейся региональной напряженностью — что сделало их неспособными поддерживать Асада, как они делали в прошлом. Ограниченные авиаудары России и морские запуски из Тартуса казались скорее символическими, чем стратегическими, в то время как в пятницу Иран начал эвакуацию своих военных командиров и личного состава из Сирии.

Растущая сила повстанцев. Наступление,

которое свергло Асада, возглавила Хайят Тахрир аш-Шам, группировка, имеющая корни в Аль-Каиде, которая превратилась в ведущую силу в сирийской оппозиции. Надежная институциональная структура Хайят Тахрир аш-Шам, сложная тактика и способность координировать действия с другими фракциями, особенно с базирующимися на юге группами свободной сирийской армии, сыграли важную роль в том, чтобы позволить повстанцам использовать слабости режима.

Роль Хайят Тахрир аш-Шам стала ключевой силой кампании, положившей конец правлению Асада. Печально известная своими связями с Аль-Каидой, группа претерпела значительную трансформацию в последние годы под руководством Абу Мохаммада аль-Джолани. Понимание эволюции и стратегии группировки имеет решающее значение для понимания текущей динамики в Сирии.

От джихадистских корней к политическому прагматизму. ХТШ возникла из сирийского филиала «Аль-Каиды» — «Джабхат ан-Нусры». Со временем Джолани дистанцировал группировку от ее джихадистских корней, подчеркивая националистическую повестку дня и стремясь представить ХТШ как достойную альтернативу режиму Асада. Группировка создает образ прагматизма и умеренности, по крайней мере, по сравнению с другими исламистскими группировками. Центральными элементами этого ребрендинга являются меры, направленные на защиту прав меньшинств, сдерживание неизбежного насилия и создание структур управления в районах, находящихся под ее контролем. Несмотря на эти попытки, скептицизм относительно истинных намерений группировки остается широко распространенным.

Институциональная сила. Способность ХТШ планировать и проводить общенациональную кампанию проистекает из многих лет институционального строительства. Группа создала военную академию, которая подготовила кадры элитных бойцов, и создала гражданский орган управления, известный

как «Правительство спасения». Под защитой Турции группа создала Идлиб как фактическое исламистское государство, с функционирующими структурами управления, военной дисциплиной и определенной степенью стратегической автономии. Эти структуры позволили ХТШ эффективно управлять территорией и представлять себя как дисциплинированную силу, способную поддерживать порядок и проецировать силу.

Военная тактика. Наступление подчеркнуло адаптивность и изощренность HTS. Использование беспилотной войны, тактики проникновения и территориальных наступлений, подобных блицкригу, сокрушило оборону режима. Координируя действия с другими повстанческими группами и используя слабости армии, ХТШ смогла достичь своих целей с минимальными жертвами среди гражданского населения — резкий контраст с более ранними, более разрушительными фазами гражданской войны. Все это послужило причиной падения ненавистного народу режима Башара Асада.

Геополитические последствия падения режима Асада

Положение России. Свержение Башара Асада значительно уменьшило влияние России на Ближнем Востоке и нанесло удар по ее имиджу. Наряду с Ираном, Россия была главным спонсором алавитского режима в Сирии, который сильно зависел от российской военной, финансовой и политической поддержки. Взамен Асад позволил России сохранить военные базы на сирийской территории, включая военно-морской объект в Тартусе и авиабазу в Хмеймиме. Успешное военное вмешательство России по спасению Асада от краха, проведенное совместно с Ираном в период с 2015 по 2017 год, значительно укрепило ее репутацию ключевой державы на Ближнем Востоке, с которой нужно считаться.

Помимо потери влияния России в Сирии, падение режима Асада ослабит ее позиции по отношению к основным игрокам на Ближнем

Востоке, таким как Турция, Израиль и Иран. Турции и Израилю больше не нужно будет координировать свои военные действия в Сирии с Россией, когда они нацелены на курдские группировки или иранские силы. Что касается Ирана, общая поддержка Асада была одним из наиболее значимых факторов, способствующих более тесным связям между двумя странами.

Первоначальная реакция России на свержение сирийского режима была сдержанной, что отражает как ее удивление, так и полную неспособность повлиять на ситуацию на местах. Следовательно, российская пропаганда работала над тем, чтобы преуменьшить события в Сирии и успокоить общественность относительно последствий мятежа. Одновременно она пыталась оправдать позицию Кремля, возложив вину на режим и армию Асада, подчеркивая, что нынешним приоритетом России является война в Украине, что объясняет ее невмешательство в Сирию.

Свержение Асада сигнализирует о серьезных изменениях в балансе сил на Ближнем Востоке. Очевидное бессилие и неожиданность России перед лицом восстания, а также ее неспособность защитить своего ключевого союзника представляют собой серьезный удар по ее политике. События в Сирии подорвали имидж России как державы, способной и готовой применять военную силу для защиты своих интересов и интересов своих партнеров (таких как Иран) и клиентов (таких как Асад). Эта репутация, созданная благодаря ее успешному вмешательству в гражданскую войну в Сирии в период с 2015 по 2017 год, стала основой растущего влияния России на Ближнем Востоке с 2015 года. Она также способствовала развитию политических и экономических отношений со странами этого региона, тем самым ослабляя эффективность усилий Запада по международной изоляции России и позволяя Москве заручиться поддержкой партнеров, готовых сотрудничать в обходе или смягчении последствий экономических санкций.

Реакция Кремля отражает потерю влияния

на ситуацию в Сирии и неспособность организовать скоординированные усилия региональных субъектов, заинтересованных в сохранении режима. 8 декабря МИД России опубликовал краткое заявление, в котором выразил, что Россия «с крайней обеспокоенностью следит за драматическим развитием событий в Сирии», «поддерживает связь со всеми сирийскими оппозиционными группами» и призывает к политическому урегулированию конфликта в соответствии с резолюцией 2254 Совета Безопасности ООН. В заявлении также упоминалось, что российские военные базы в Сирии находятся в состоянии повышенной готовности, но в настоящее время не сталкиваются с существенными угрозами безопасности. 9 декабря представитель Кремля объявил, что Владимир Путин принял решение предоставить убежище Асаду и его семье.

Будущее российских военных баз в Сирии, которые способствовали ее военным операциям в бассейне Средиземного моря, остается неопределенным. База в Тартусе служила ключевым узлом для поставок военной техники режиму Асада и российскому контингенту, проводившему боевые действия с авиабазы Хмеймим. Эти объекты также обеспечивали логистическую поддержку для операций России в Африке, в том числе в Ливии, государствах Сахеля и Судане*. Главной целью России в Сирии после Асада, вероятно, будет сохранение контроля над этими активами и переговоры о соглашении с новым правительством, возможно, в обмен на помощь в обеспечении международного признания.

Освещение событий в Сирии представляет собой сложную задачу для российской пропаганды. Многочисленные репортажи о быстро развивающихся событиях пытались преуменьшить значение краха режима — постыдной неудачи для Москвы — и минимизировать репутационный ущерб. Эти репортажи были

сосредоточены на фактическом освещении и придерживались нейтрального тона, тщательно избегая ссылок на связи России с режимом или рассмотрения более широких политических последствий. Ответственность за крах государственного аппарата была приписана правительству и военным Асада. Отсутствие участия России оправдывалось ссылками на другие приоритеты, в частности, войну в Украине. Геополитические последствия восстания были преуменьшены, с утверждениями, что Россия остается важным игроком на Ближнем Востоке и способна заключать соглашения с новыми правителями по ключевым вопросам. Примечательно, что термин «террористы» больше не используется для описания повстанцев; вместо этого акцент был сделан на относительно «мирной» передаче власти. Сообщения о бегстве Асада в Россию также были занижены. Даже российские аналитики в шоке от молниеносного поворота событий, так известный российский ученый, ведущий научный сотрудник Центра Ближневосточных исследований РАН Николай Сухов в беседе с журналистом видно [2]. что события в Сирии произошло неожиданно для России, будто оно скрывалось от России.

В других изданиях также отмечается неясность в ситуации в Сирии для России [3]. во всяком случае отмечается туманная перспектива военного присутствия России в Сирии после свержения Асада. Ясно, что для России Сирия была стратегическим стержнем на Ближнем Востоке, обеспечивая доступ к Средиземному морю через свою военно-морскую базу в Тартусе. Военное вмешательство Москвы в 2015 году помогло Асаду переломить ход гражданской войны, но ее неспособность предотвратить его падение подрывает авторитет России как влиятельного игрока. Потеря Сирии как союзника осложняет региональные амбиции России и поднимает вопросы о будущем ее военного присутствия в стране.

Положение Ирана. Среди основных факторов, которые привели к свержению сирийского диктатора Башара Асада, были решения Ирана

* Сахель и Судан - не путать с государством Судан. Сахель - тропический саванный регион в Африке. Сегодня в зоне Сахеля располагается территория таких государств как Сенегал, Мавритания, Мали, Алжир, Буркина-Фасо, Нигер, Нигерия, Камерун, Чад, Судан и Эритрея. (Прим. Ред.Г.М.)

и России не вмешиваться снова, чтобы поддержать его. Тегеран долгое время использовал Сирию в качестве вектора для проецирования влияния в регионе и мобилизовал значительные ресурсы и рабочую силу, чтобы удержать Асада у власти, когда в 2011 году разразилась гражданская война в Сирии. Москва также рассматривала свои связи с Асадом как источник регионального влияния, и ее вмешательство в Сирию в 2015 году сыграло решающую роль в сохранении Асадом своей мертвой хватки у власти.

Но с Россией, увязшей в Украине, и Ираном — и его союзниками, такими как «Хезболла», — серьезно ослабленными конфликтом с Израилем после 7 октября, ни один из покровителей не был готов снова спасать Асада. Хотя траектория Сирии остается крайне неопределенной, ее позиция после Асада, вероятно, будет неблагоприятной для интересов России и Ирана.

Свержение режима Асада является большой потерей для Ирана, который не был столь изолирован или уязвим в регионе со времен войны с Ираком 1980-1988 годов. Сирия была единственным близким союзником Ирана на Ближнем Востоке. Она была линией фронта против заклятого врага Ирана Израиля и опорой способности Тегерана проецировать власть в Леванте. В течение четырех десятилетий Сирия была основным каналом поставок оружия и оборудования Ираном для Хезболлы в Ливане, которая стала самым вооруженным негосударственным субъектом в мире.

Широкая поддержка Ираном Асада во время гражданской войны в Сирии, которая разразилась в 2011 году, отражала важность страны для региональной стратегии Тегерана. Иран направил тысячи военных советников и солдат, мобилизовал десятки тысяч иностранных шиитских бойцов из таких далеких мест, как Афганистан и Пакистан, чтобы поддержать силы режима, организовал новое сирийское военизированное формирование и предоставил миллиарды долларов помощи. Усилия Ирана в сочетании с поддержкой с воздуха со стороны России помогли удержать Асада под контро-

лем большей части Сирии до конца 2024 года.

Иранские чиновники быстро смирились с судьбой режима Асада, несмотря на всю пролитую кровь и вложенные средства. «Именно сирийский народ должен решать будущее своей страны и ее политической и правительственной системы», — заявил президент Масуд Пезешкиан 8 декабря. Министерство иностранных дел Ирана выразило готовность взаимодействовать с новым правительством. «Иранский и сирийский народы всегда имели давние и дружеские отношения», — заявило оно 8 декабря. «Ожидается, что эти отношения будут продолжаться с мудрым и дальновидным подходом обеих стран, основанным на взаимных интересах и соблюдении международных правовых обязательств». Иран попросил ХТШ защитить шиитские святыни в Сирии, и ХТШ подтвердило, что будет защищать святыню Сайиды Зейнаб в Дамаске.

Однако будущие отношения Ирана с Сирией сомнительны. Многие из игроков, которые должны сыграть ключевые роли в переходе, возлагают на Иран ответственность за поддержку жестокого режима Асада. «Этот новый триумф, мои братья, знаменует собой новую главу в истории региона, истории, полной опасностей (которая сделала) Сирию площадкой для иранских амбиций, распространения сектантства, разжигания коррупции», — сказал в своей победной речи 8 декабря Абу Мохаммед аль-Джолани, лидер «Хайят Тахрир аш-Шам». В тот же день посольство Ирана в Дамаске, ранее эвакуированное, было осквернено и разграблено. Плакаты с изображением верховного лидера и других иранцев были разорваны и брошены на пол.

Падение Асада может подтолкнуть Иран к пересмотру своей стратегии «передовой обороны». Десятилетиями Иран полагался на «Ось сопротивления», включая Сирию и союзников-ополченцев по всему региону, чтобы оказывать давление на Израиль и сдерживать удары по иранской земле. Целью было удерживать конфликты вдали от границ Ирана. Но ось уже столкнулась с серьезными неудачами

до ухода Асада. Израиль значительно ослабил как ХАМАС в Газе, так и Хезболлу в Ливане во время войны, которая разразилась после террористических атак под руководством ХАМАС 7 октября 2023 года. Израильские силы убили высокопоставленных лидеров и тысячи бойцов и ослабили возможности обеих группировок вести войну. Иран столкнется со значительными логистическими проблемами для пополнения запасов Хезболлы без сирийского сухопутного моста.

Между тем, у Ирана нет надежных механизмов для сдерживания Израиля. Тегеран предпринял беспрецедентные прямые атаки на Израиль, одну в апреле 2024 года, включающую 170 беспилотников, не менее 30 крылатых ракет и более 120 баллистических ракет, и одну в октябре 2024 года, включающую более 180 баллистических ракет. Но ни одна из них не нанесла значительного ущерба и не отговорила Израиль от проведения контратак, вторая из которых парализовала противовоздушную оборону Ирана и повредила возможности по производству ракет.

Оставшиеся члены «Оси сопротивления» не слишком помогают в сдерживании Израиля. Хуситы в Йемене оказались стойкими, несмотря на атаки США и Израиля, но проводили лишь спорадические атаки с использованием дальнобойных ракет и беспилотников. Иракские ополченцы, поддерживаемые Ираном, такие как «Катаиб Хезболла» и «Харакат Хезболла аль-Нуджаба», также относительно периферийны и не нанесли большого ущерба израильским целям.

Учитывая ограниченные возможности, все большее число иранских чиновников призывают пересмотреть ядерную доктрину страны, чтобы разрешить производство ядерного оружия. По состоянию на конец 2024 года Иран мог бы производить достаточно высокообогащенного урана для питания одной ядерной бомбы всего за одну-две недели. Тегерану потребуется несколько месяцев или больше года, чтобы собрать боеголовку и соединить ее с системой доставки, такой как баллистическая

ракета. Но переход к вооружению будет сопряжен с собственными серьезными рисками.

Положение Израиля. Правительство Израиля одобрило план поощрения расширения поселений на оккупированных Голанских высотах. Премьер-министр Биньямин Нетаньяху заявил, что этот шаг был необходим, поскольку после падения режима Асада и перехода его под контроль исламистского повстанческого альянса на границе Израиля с Сирией открылся «новый фронт».

Нетаньяху заявил, что хочет удвоить население Голанских высот, которые Израиль захватил во время Шестидневной войны 1967 года и которые считаются незаконно оккупированными в соответствии с международным правом.

Израильские войска вошли в буферную зону, отделяющую Голанские высоты от Сирии, в дни после ухода Асада, заявив, что смена контроля в Дамаске означает, что соглашения о прекращении огня «рухнули». Несмотря на этот шаг, Нетаньяху заявил в своем заявлении в воскресенье вечером, что Израиль «не заинтересован в конфликте с Сирией».

«Мы определим политику Израиля в отношении Сирии в соответствии с реальностью на местах», — сказал он. На Голанских высотах находится более 30 израильских поселений, в которых проживает около 20 000 человек. Они считаются незаконными в соответствии с международным правом, что Израиль оспаривает. Поселенцы живут рядом с примерно 20 000 сирийцами, большинство из которых — арабы-друзы, которые не бежали, когда этот район перешел под контроль Израиля. Нетаньяху сказал, что Израиль «продолжит удерживать [территорию], сделает ее процветающей и заселит ее». Однако бывший премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт заявил, что он «не видит никаких причин» для того, чтобы страна расширялась на Голанские высоты. «Премьер-министр [Нетаньяху] сказал, что мы не заинтересованы в расширении конфронтации с Сирией, и мы надеемся, что нам не придется сражаться с новыми повстанцами, которые в настоящее

время захватывают Сирию. Так почему же мы делаем ровно наоборот?» — сказал он в программе Newshour на BBC World Service. Он добавил: «У нас достаточно проблем, с которыми нужно разобраться». Заявление Нетаньяху прозвучало на следующий день после того, как новый фактический лидер Сирии Ахмед аль-Шараа раскритиковал Израиль за его продолжающиеся удары по военным целям в стране, которые, как сообщается, были нацелены на военные объекты.

Базирующаяся в Великобритании Сирийская обсерватория по правам человека (SOHR) задокументировала более 450 израильских авиаударов по Сирии с 8 декабря, в том числе 75 с субботнего вечера.

Аль-Шараа, также известный как Абу Мохаммед аль-Джолани, сказал, что удары «пересекли красные линии» и могут привести к эскалации напряженности в регионе, хотя он сказал, что Сирия не стремится к конфликту с каким-либо соседним государством.

В интервью телеканалу Syria TV, который во время гражданской войны считался проопозиционным, аль-Шараа заявил, что «состояние страны, измученной войной после многих лет конфликта и войны, не допускает новых столкновений», сообщает Reuters. армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) не прокомментировала его высказывания, но ранее заявляла, что удары были необходимы, чтобы остановить попадание оружия «в руки экстремистов».

Египет и Иордания протестовали против этого шага как захвата земли, и многие в регионе задаются вопросом, насколько временным будет этот шаг. Дина Лиснянски — эксперт по политическому исламу и терроризму в Тель-Авивском университете. Она считает, что израильтянам придется остаться на некоторое время, чтобы посмотреть, как будут развиваться события в Сирии.[4].

«Израильтяне испортили нам радость от ухода Асада. Вся Сирия празднует, кроме нас. Для меня они все одинаковы», — говорит пожилой Ибрагим Ярида. 49-летний Явал Ауад соглашается: «Они даже пяти часов не дали

нам отпраздновать уход Асада. Мы избавились от одной проблемы и проснулись с другой. Теперь мы беспокоимся, что они придут и сюда». Местные жители поставили три мусорных контейнера посреди дороги, чтобы никто не пошел дальше и не врезался в танки.[5].

За полвека, с момента войны Судного дня в 1973 году, Израиль не установил своего присутствия на сирийской земле, несмотря на частые нарушения с обеих сторон во время гражданской войны, которые оставались незамеченными, поскольку были связаны с боевыми действиями. Въезд на сирийскую территорию прямо запрещен перемирием, которое, как и все соглашения между государствами, имеет силу, выходящую за рамки правительства, находящегося у власти. Однако премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху считает его недействительным после свержения Асада. «Мы хотим правильных отношений с новым режимом в Сирии. Но если этот режим позволит Ирану восстановиться в Сирии или позволит передать иранское оружие или любое другое оружие «Хезболле» или нападет на нас, мы дадим решительный ответ и потребуем от него высокой цены», — заявил премьер-министр Израиля. Режим Асада был враждебен и разрешил (добровольно или пассивно) провоз оружия из Ирана в Ливан для «Хезболлы», но ограничился дипломатическими жалобами на бесчисленные израильские авиаудары в Сирии (с зеленого света от России) по целям, связанным с Тегераном. И, прежде всего, это было предсказуемо, в отличие от горизонта, забрезжившего над страной после наступления исламских фундаменталистов Хайят Тахрир аш-Шам. [6].

15 декабря Израиль оккупировал три новые деревни на юге Сирии, поскольку Тель-Авив углубил свое военное вторжение в страну после свержения режима Башара Асада. По данным репортеров Anadolu, израильские военные силы захватили Джамлу в провинции Дараа и деревни Мазраат Бейт Джинн и Магхар аль-Мир в сельской местности Дамаска.[7].

Из приведенных фактов ясно, что Изра-

иль не собирается останавливаться и будет расширять пределы своего присутствия в Сирии, полагаем, что это будет также и расширение границ еврейского государства, главной целью которой является подобраться по ближе к Ирану. Следует отметить, что Израиль и в Иране имеет свои геополитические цели исходя из внешней политики Ирана.

Положение Турции. Когда президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган приказал войскам вторгнуться в Сирию в 2016 году, он оправдал этот шаг, заявив: «У нас нет территориальных претензий к Сирии. Мы просто хотим гарантировать, что законные владельцы вернут свою страну. Мы вторглись только для того, чтобы положить конец правлению тирана Башара Асада». Но даже в то время его радикальные слова были подкреплены жесткой политикой силы. Анкара поддерживала вооруженных повстанцев в Сирии с первого дня и была полна решимости свергнуть сирийского диктатора Асада. Пять лет спустя Турция установила постоянное военное присутствие в оплоте повстанцев Идлибе на севере Сирии.

Сегодня Турция является одним из крупнейших стратегических победителей в политических потрясениях в Сирии, в то время как Россию и Иран можно считать одними из самых крупных проигравших. Москва была важнейшим союзником режима Асада, а Тегеран оказывал поддержку военизированными формированиями.[8].

Турция близка к аль-Джавлани, но не контролирует его силы; Сирийская национальная армия скорее доверенное лицо Анкары. До сих пор Турция была занята в основном проблемами вблизи своей границы, в частности, постоянным вызовом, который создают курдские бойцы, стремящиеся к автономии.[9].

Турция вышла... доказав свою значимость, важность и силу... из этих последних событий в Сирии... чистым, явным победителем», — говорит Айдын Сельджен, бывший высокопоставленный турецкий дипломат, работавший в регионе, а теперь являющийся аналитиком внешней политики независимого турецкого

новостного агентства Medyascope[10].

Сейчас Эрдоган празднует свержение Асада как турецкий триумф, а европейские лидеры и Вашингтон выстраиваются в очередь, чтобы поговорить с ним, поскольку Турция позиционирует себя как ключевого игрока в формировании будущего Сирии[11]. отмечает турецкое издание.

Президент Реджеп Тайип Эрдоган возглавляет дипломатические усилия Турции, чтобы помочь Сирии восстановить нормальную жизнь и обеспечить стабильность в соседних странах, где события напрямую затрагивают Турцию. Эрдоган продолжает переговоры с мировыми лидерами, сосредоточенные на содействии миру и стабильности в регионе. 10 декабря он провел свою первую беседу с генеральным секретарем НАТО Марком Рютте. Во время встречи, на которой обсуждались последние события в Сирии, Эрдоган повторил, что Турция поддерживает территориальную целостность и стабильность Сирии с начала гражданской войны. Он подчеркнул, что Сирией должен управлять ее собственный народ, и пообещал продолжать усилия Турции по созданию единой и свободной от террора Сирии.

В тот же день Эрдоган также поговорил с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым, подтвердив приверженность Турции поддержке сирийского народа в достижении прочной стабильности в своей стране. После обсуждения с Алиевым Эрдоган поговорил по телефону с премьер-министром Италии Джорджией Мелони. Он подчеркнул, что недавние события подтвердили правильность гуманитарной и принципиальной политики Турции. Эрдоган сказал, что Турция продолжит свою позицию в пользу мира, свободы, диалога и справедливости в Сирии, подчеркнув важность сохранения территориальной целостности Сирии и достижения стабильности. Турецкий лидер также сказал Мелони, что израильская агрессия теперь распространилась на Сирию, утверждая, что такой подход не способствует стабильности Сирии, и подчеркивая необходимость очистки страны от террористических

элементов.

Позже вечером Эрдоган продолжил свою телефонную дипломатию, поговорив с президентом Европейской комиссии Урсолой фон дер Ляйен. Он заверил фон дер Ляйен, что Турция останется приверженной поддержке сирийского народа путем устранения террористических элементов, поддержания единства, защиты территориальной целостности и обеспечения мира для всех сирийцев независимо от этнической принадлежности или религии. Президент Турции завершил день телефонным разговором с канцлером Германии Олафом Шольцем. Он подчеркнул важность нового этапа для единства, сплоченности и территориальной целостности Сирии, подтвердив приверженность Турции Сирии без террора. Эрдоган также подчеркнул, что создание необходимых условий для содействия возвращению сирийцев, перемещенных в результате гражданской войны, остается приоритетом для Турции.

Ни один другой кризис не переопределил место Турции в региональной и международной политике так, как сирийский конфликт. Турция имеет самую длинную сухопутную границу с Сирией, более 900 км. Таким образом, Сирия является не только вопросом внешней политики для Турции, но и внутренней.

В то время как Турция сформировала ход сирийского конфликта, сирийский конфликт, в свою очередь, сформировал динамику турецкой внутренней политики и международных отношений на протяжении более чем десятилетия. Отношения между Турцией и сирийским кризисом были историей взаимного реформирования. Почти все этнические, сектантские и идеологические расколы идентичности, которые существуют в Сирии, существуют также и в Турции. Турция также принимает около 3,6 миллиона сирийских беженцев, что привело к появлению крайне правых и ксенофобских партий и переопределило характер националистической политики в стране.

Из всех внешних игроков в Сирии Турция оставалась самым стойким сторонником си-

рийской оппозиции. Это была все более непопулярная политика, учитывая высокую цену этого конфликта для Турции в плане безопасности, политики и экономики, а также в виде притока беженцев. Яростные критики политики правительства, турецкая оппозиция давно выступала за нормализацию Анкарой отношений с ныне свергнутым режимом Асада и сокращение поддержки оппозиционных групп.

С падением Асада президент Реджеп Тайип Эрдоган и его правительство считают, что их политика была оправдана. Поскольку игроки, с которыми Турция на протяжении многих лет развивала тесные связи, готовы взять на себя больше влияния и власти в Дамаске, Анкара собирается получить существенные рычаги влияния в Сирии.

До падения Асада четыре ключевые цели занимали видное место в политике Турции в Сирии: частичная высылка сирийских беженцев; безопасность границ; свертывание политических и территориальных завоеваний курдских Сирийских демократических сил (СДС); и получение некоторых уступок от режима для его союзных сирийских оппозиционных групп в любых переговорах.

С падением режима четвертая цель устарела. Но Анкара попытается достичь своих других целей посредством своего влияния на новых лидеров в Дамаске и своих связей с арабской общиной и арабскими племенами.

Главным приоритетом Турции в Сирии было избавить страну от курдских сепаратистов — цель, которую поддержало новое правительство, сказал Гюлер. «У нас нет проблем с нашими курдскими братьями, живущими в Ираке и Сирии. Наша проблема только и исключительно с террористами». Однако полагаем, что и Турция отхватит определенные территории у Сирии для решения вопросов курдского сепаратизма, вернее из-за опасения создания единого курдского государства.

Сирия после Башара Асада. Новая геополитическая борьба

Теперь весь мир наблюдает за тем, как сформируется политический ландшафт Сирии после окончания полувекового правления семьи Асада. Те, кто заинтересован в конфликте и будущем страны, включают, с одной стороны, Россию и Иран, которые поддерживали Асада, а с другой — США и Турцию, которые поддерживали различные повстанческие группировки и ополчения. Здесь мы рассмотрим, какую роль эти страны, наряду с Израилем, сыграли в Сирии и могут продолжать играть. Во время гражданской войны в Сирии Турция поддерживала повстанческие группировки, большинство из которых сейчас воюют под знаменем Сирийской национальной армии (СНА), поставляя оружие, военную и политическую поддержку. Северный сосед Сирии в основном был озабочен использованием повстанцев для сдерживания курдского ополчения YPG, которое Турция обвиняет в том, что оно является продолжением запрещенной внутри страны курдской повстанческой группировки РКК. Турция также хочет, чтобы около трех миллионов сирийских беженцев, проживающих в ее стране, вернулись домой. YPG является крупнейшим ополчением в поддерживаемом США и возглавляемом курдами альянсе Сирийских демократических сил (SDF), который контролирует большую часть северо-востока страны. SDF в значительной степени избегали конфликта с силами Асада во время войны. Однако турецкие войска и союзные повстанцы захватили участки территории у YPG и SDF вдоль северной границы Сирии. Турция также принимала политическое участие. В 2020 году Турция и Россия заключили перемирие, чтобы остановить попытки правительства вернуть Идлиб, оплот повстанцев на северо-западе. В Идлибе доминировала исламистская военизированная группировка «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ), которая возглавляла повстанцев, в конечном итоге свергнувших Асада. Многие считают, что наступление не могло произойти без благословения Турции. Турция отрицает поддержку ХТШ. Тем временем конфликт на севере Сирии продолжается: в то же время, когда ХТШ

начала свое наступление, Сирийская национальная армия начала отдельную атаку на районы, удерживаемые СДС.

У России уже были многолетние отношения с правительством Асада, и до гражданской войны там были военные базы. Президент России Владимир Путин использовал присутствие своей страны в Сирии и поддержку Асада, чтобы бросить вызов силе и доминированию Запада в регионе. В 2015 году Россия начала воздушную кампанию и отправила тысячи солдат в поддержку режима Асада. Взамен Россия получила 49-летнюю аренду авиабазы и военно-морской базы, которые стали важнейшими узлами в Восточном Средиземноморье для переброски военных подрядчиков в Африку и из нее. Это стало важным этапом в попытках России утвердиться в качестве мировой державы, ранее сосредоточившей свои усилия на странах, которые когда-то были в советском блоке. Но война на Украине с 2022 года занимала союзника Асада, способствуя быстрому поражению сирийских военных от повстанческих группировок в конце ноября и начале декабря. По сообщениям российских СМИ, Асаду и его семье было предоставлено убежище в Москве после того, как они бежали из Дамаска.

После того, как в 2011 году протесты в поддержку демократии в Сирии были встречены силой, тогдашний президент США Барак Обама поддержал оппозицию правлению Асада. США оказали военную поддержку умеренным повстанческим группировкам и вмешались в военных целях в 2014 году, чтобы бороться с группировкой «Исламское государство» (ИГ). Возглавляемая США глобальная коалиция нанесла авиаудары и развернула специальные силы, чтобы помочь альянсу SDF под руководством курдов захватить территорию, ранее удерживаемую ИГ на северо-востоке. После падения правительства Асада правительство США заявило, что нанесло десятки авиаударов по лагерям и боевикам ИГ в центральной Сирии, чтобы ИГ не смогло воспользоваться нестабильной ситуацией.

Избранный президент Дональд Трамп,

вступающий в должность в январе, заявил, что Сирия — это «беспорядок», в который США следует не вмешиваться. Когда Трамп был президентом в 2019 году, он приказал вывести американские войска из Сирии, но его чиновники постепенно отклонили этот шаг. В настоящее время в Сирии находится около 900 военнослужащих США, в основном на северо-востоке страны. Иран и Сирия были союзниками со времен Исламской революции в Иране в 1979 году. Сирия поддерживала Иран во время ирано-иракской войны в 1980-х годах. Считается, что во время гражданской войны в Сирии Иран развернул сотни солдат и потратил миллиарды долларов на помощь Асаду. Тысячи бойцов-шиитов, вооруженных, обученных и финансируемых Ираном, в основном из ливанского движения «Хезболла», но также из Ирака, Афганистана и Йемена, также сражались вместе с сирийской армией. Но, как и Россия с Украиной, «Хезболла» была ослаблена конфликтом с Израилем в Ливане, что, вероятно, ускорило падение сирийской армии.

Израиль захватил Голаны у Сирии на завершающем этапе Шестидневной войны 1967

года и в одностороннем порядке аннексировал их в 1981 году. Этот шаг не был признан на международном уровне, хотя США сделали это в одностороннем порядке в 2019 году. Израиль провел сотни авиаударов по связанным с Ираном целям в Сирии во время войны, хотя он редко признавал такие удары. С тех пор как повстанцы свергли Асада, Израиль провел сотни ударов по всей Сирии. Целями были военная инфраструктура Сирии, военно-морской флот и объекты по производству оружия. Израиль заявил, что действует, чтобы остановить попадание оружия «в руки экстремистов». Израильские силы также захватили демилитаризованную буферную зону на Голанских высотах. Израиль заявил, что соглашение о разъединении с Сирией 1974 года «рухнуло» с захватом страны повстанцами. Он также признал, что его войска действуют дальше на территории Сирии в «нескольких дополнительных точках» за пределами буферной зоны, но настаивает, что они «не продвигаются в сторону Дамаска». Такова на сегодня, 17 декабря 2024 года международное положение вокруг Сирии.

Литература:

- [1]. <https://www.globalaffairs.ru/articles/siriya-posle-asada-suhov/>
- [2]. <https://meduza.io/feature/2024/12/09/rf-mozhet-lishitsya-voennyh-baz-v-sirii-kakoy-kontingent-tam-razmeschen-a-novye-vlasti-pozvolyat-rossiyanam-evakuirovatsya>
- [3]. <https://www.npr.org/2024/12/10/nx-s1-5221635/israel-takes-credit-in-part-for-the-fall-of-the-assad-regime-but-what-now>
- [4]. <https://english.elpais.com/international/2024-12-11/israel-takes-advantage-of-assads-fall-to-gain-ground-in-syria-we-got-rid-of-one-problem-and-woke-up-with-another.html>
- [5]. <https://english.elpais.com/international/2024-12-11/israel-takes-advantage-of-assads-fall-to-gain-ground-in-syria-we-got-rid-of-one-problem-and-woke-up-with-another.html>
- [6]. <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/israel-occupies-3-new-villages-in-southern-syria/3425119>
- [7]. <https://www.dw.com/en/amid-syrias-upheaval-how-will-turkey-benefit/a-71017654>
- [8]. <https://www.chathamhouse.org/2024/12/fall-president-bashar-al-assad-blow-iran-and-russia-and-boost-turkey>
- [9]. <https://www.rfi.fr/en/podcasts/international-report/20241214-as-erdogan-celebrates-turkish-role-in-ousting-assad-uncertainty-lies-ahead>
- [10]. <https://www.rfi.fr/en/podcasts/international-report/20241214-as-erdogan-celebrates-turkish-role-in-ousting-assad-uncertainty-lies-ahead>
- [11]. <https://www.rfi.fr/en/podcasts/international-report/20241214-as-erdogan-celebrates-turkish-role-in-ousting-assad-uncertainty-lies-ahead>

DAZMIR JOJUA**Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)****SYRIA AFTER BASHAR AL-ASSAD. GEOPOLITICAL SITUATION IN THE MIDDLE EAST**

The relevance of the topic is due to many factors, the events of the «Arab Spring» that took place in North Africa and the Middle East since 2011 caused a systemic crisis in a number of countries in the region. The armed confrontation that initially arose between the official authorities of the SAR, led by President Bashar al-Assad and the camp of his opponents, attracted the close attention of a number of regional and international actors, which contributed to both the complication of the structure of the Syrian conflict and its internationalization. The evolution of the conflict occurred under the influence of many diverse factors, including the terrorist threat brought by radical Islamist groups, which then began to spread beyond Syria and further - the entire Arab world. On the night of December 8, 2024, the conflict in Syria reached its peak. The armed opposition occupied Damascus and declared the fall of the Bashar al-Assad regime. A certain part of the national territory remains outside the control of Damascus, the socio-economic sphere has suffered greatly, and the painful problem of refugees has not been resolved. The conflict continues to have a negative impact on regional security. Such volatility poses a threat not only to Syria, but to the entire Near and Middle East.

The collapse of the Bashar al-Assad regime represents a turning point in Middle East politics. The rapid collapse of the Assad government, which had dominated Syrian and regional affairs for more than 50 years, was unthinkable for many, but it materialized in less than two weeks, as rebel forces swept across the country. This seismic event not only changes the internal dynamics of Syria, but also lays the foundation for a new stage in regional geopolitics. The nuances of Assad's fall, the rise of rebel coalitions, and the complex interplay of domestic and global players deserve closer examination to understand the challenges and opportunities in a post-Assad Syria.

Bashar al-Assad's government had long relied on a mix of repression, foreign support, and elite patronage to maintain power. By 2024, however, the cracks in that foundation had widened beyond repair. Several key factors contributed to the regime's collapse: Years of international sanctions, widespread corruption, loss of access to oil-rich regions, and the widespread destruction wrought by the civil war had devastated Syria's economy. Basic infrastructure, industry, and public services were in disrepair. The financial strain was felt acutely by the army, as soldiers were underpaid and poorly equipped. This economic deterioration undermined the morale of Assad's supporters and destroyed the cohesion of the Syrian Arab Army.

The fall of Bashar al-Assad has significantly reduced Russia's influence in the Middle East and dealt a blow to its image. Along with Iran, Russia was the main sponsor of the Alawite regime in Syria, which was heavily dependent on Russian military, financial and political support. In return, Assad allowed Russia to maintain military bases on Syrian territory, including the naval facility in Tartus and the air base in Khmeimim. Russia's successful military intervention to save Assad from collapse, conducted jointly with Iran between 2015 and 2017, significantly enhanced its reputation as a key power to be reckoned with in the Middle East.

In addition to Russia's loss of influence in Syria, the fall of the Assad regime will weaken its position vis-à-vis major players in the Middle East, such as Turkey, Israel and Iran. Turkey and Israel will no longer need to coordinate their military actions in Syria with Russia when targeting Kurdish

groups or Iranian forces. As for Iran, general support for Assad has been one of the most significant factors driving closer ties between the two countries.

Russia's initial reaction to the overthrow of the Syrian regime was muted, reflecting both its surprise and its complete inability to influence the situation on the ground. Consequently, Russian propaganda worked to downplay events in Syria and reassure the public about the consequences of the uprising. At the same time, it tried to justify the Kremlin's position by placing blame on the Assad regime and army, emphasizing that Russia's current priority is the war in Ukraine, which explains its non-intervention in Syria.

Among the major factors that led to the overthrow of Syrian dictator Bashar al-Assad were the decisions by Iran and Russia not to intervene again to prop him up. Tehran had long used Syria as a vector for projecting influence in the region, and mobilized significant resources and manpower to keep Assad in power when the Syrian civil war broke out in 2011. Moscow also saw its ties to Assad as a source of regional influence, and its intervention in Syria in 2015 was critical to Assad maintaining his stranglehold on power. But with Russia bogged down in Ukraine and Iran—and its allies like Hezbollah—severely weakened by the conflict with Israel after October 7, neither backer was prepared to bail out Assad again. While Syria's trajectory remains highly uncertain, its post-Assad position is likely to be unfavorable to Russian and Iranian interests. The fall of the Assad regime is a major loss for Iran, which has not been so isolated or vulnerable in the region since the 1980-88 war with Iraq. Syria was Iran's only close ally in the Middle East. It was the front line against Iran's arch-enemy Israel and the linchpin of Tehran's ability to project power in the Levant. For four decades, Syria was Iran's main conduit for arms and equipment to Hezbollah in Lebanon, which has become the world's most armed non-state actor.

Israel's government has approved a plan to encourage settlement expansion in the occupied Golan Heights. Prime Minister Benjamin Netanyahu said the move was necessary because a «new front» had opened on Israel's border with Syria after the fall of the Assad regime to an Islamist rebel alliance.

Netanyahu has said he wants to double the population of the Golan Heights, which Israel captured in the 1967 Six-Day War and is considered illegally occupied under international law. Israeli troops entered the buffer zone separating the Golan Heights from Syria in the days after Assad's departure, saying the change in control to Damascus meant ceasefire agreements had «collapsed.» Despite the move, Netanyahu said in a statement Sunday night that Israel was «not interested in a conflict with Syria.»

When Turkish President Recep Tayyip Erdogan ordered troops to invade Syria in 2016, he justified the move by declaring, “We have no territorial claims on Syria. We just want to ensure that the rightful owners get their country back. We only invaded to end the rule of the tyrant Bashar al-Assad.” But even then, his radical words were backed by a hard-line policy of force. Ankara had supported armed rebels in Syria since day one and was determined to topple Syrian dictator Assad. Five years later, Turkey had established a permanent military presence in the rebel stronghold of Idlib in northern Syria.

Today, Turkey is one of the biggest strategic winners in Syria's political upheaval, while Russia and Iran can be considered among the biggest losers. Moscow has been a key ally of the Assad regime, while Tehran has provided support for militias. Turkey is close to al-Jawlani but does not control his forces; the Syrian National Army is more of an Ankara proxy. Until now, Turkey has been preoccupied mainly with problems near its border, in particular the persistent challenge posed by Kurdish fighters seeking autonomy.

ГУРАМ МАРХУЛИЯ

Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского Государственного университета (Грузия)

ГЕОПОЛИТИКА – УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.17>

Мы живем в мире, где геополитика стала универсальным термином применяющиеся в повседневной жизни. Глядя на карты мира, политики, эксперты, журналисты, ученые и даже простые грузинские крестьяне используют ее для объяснения последних процессов происходящих в стране и в международных отношениях, какими бы сложными и многослойными они ни казались изначально. Геополитика вошла в массовое сознание общественного мнения, напоминая взгляды людей на мировой порядок и национальные интересы. Каждый новый политический кризис, будь то внутренний или международный, революция, смена режима, международный или региональный конфликт, интервенция, гибридная война, или просто война, деловые интересы транснациональных и многонациональных корпораций, установление нефтяных и газовых маршрутов или колебания мировых рынков объясняются через призму геополитики.

Граждане Соединенных Штатах Америки считают, что интересы Америки лучше всего сохраняются, если страна достигает своих стратегических целей на Ближнем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Южном Кавказе, в Африке или в Азии. США должно быть передовой страной контролировать остальной мир чтобы собственному населению жилось лучше всех, и чтобы со всех концов мира приезжали в США для заработка. И все это потому, что руководители США самые лучшие геополитики в мире.

Именно геополитические амбиции Великой Британии стало причиной раздела Индии, сначала от нее оторвали Пакистан, а затем от Пакистана Бангладеш, ну и Шри-Ланку не оставили, потому - что большая Индия помешала бы англосаксам в своем стремлении в господстве над миром.

Россия отстает во всех сферах жизни от Запада, но делает все чтобы сохраниться как Держава. Она умудрилась бомбит грузин-

ские города и села, уничтожать грузинское население чтобы оккупировать исторические грузинские области, граждане России своим молчанием одобряли политику России в отношении Грузии, так как исходило все не от ненависти к Грузии, а от Геополитики. Просто Грузия оказалась там, где необходимо был Западу или Востоку, а гордые грузины успокаивают себя тем, что насмеваются над ними, мол где были они когда мы стихи писали!!! И, все сваливают на геополитику!

Отдельная тема Азербайджан, из этой страны было выгнано более миллиона азербайджанцев, потому - что они мешали армянам созданию «Великой Армении» от моря и до моря, ну на худой конец от озера Ван и до Севана, безусловно и здесь ничего личного, просто Геополитика, заметьте геополитика не Англии, а Армении.

Фактическая оккупация Ирака, свержение и убийство Саддама Хусейна или Муамара Каддафи, разорение стран Азии и Африки не что иное как его величество ГЕОПОЛИТИКА.

Военные операции в Сирии и усилия страны по присоединению к войне с террором, в то время как СМИ продолжают публиковать карты полей сражений, вовлекая своих читателей в дискуссии о балансе сил в регионе и это было причиной геополитики.

Уважаемые читатели, как вы думаете Россия напала на Украину не любя? Не поверите, опять геополитика! Чтобы сохранилась могучая Россия необходимо включить в нее украинское геополитическое пространство. Поэтому все с любовью, даже обоюдную!!!

Влияние геостратегических сценариев, разработанных аналитическими центрами и политиками, нельзя недооценивать. Во многом именно геополитический менталитет стоит за самыми опасными сегодняшними кризисами и напряженностью в Украине, на Ближнем Востоке, или в Южно-Китайском море. Геополитика

тика служит очень привлекательной моделью, предлагающей понятную и логичную структуру международных отношений, которую можно рассматривать как игровое поле где актеры легко определяются, а сценарии понятны. Некоторые утверждают, что геополитика является наследием империи, а также колониального прошлого и прошлого холодной войны, когда огромные части мира были понятно разделены между великими соперничающими державами. Но современный мир более сложен, потому что он более разнообразен, чем когда-либо прежде, включает в себя огромное количество действующих лиц и управляется логикой рынка. Поэтому геополитика развивалась в ритме мировых тенденций, поэтому, естественно, были придуманы такие термины, как геоэкономика, геокультура, границы религии, т.е. цивилизации, как будто есть разница между людьми.

В то же время, хотя геополитика может показаться привлекательно простой в своей способности объяснять сложность международных отношений, очень мало. Предисловие серьезных усилий было предпринято, чтобы глубже понять, что стоит за этим грандиозным повествованием.

Исторические периоды и события смешаны постмодернистским образом, чтобы дать ощущение общей логики, которая стоит за геополитическим менталитетом, который намного старше самого слова. Рассмотрение международных отношений в первую очередь через территориальное распределение власти лидерами и стратегами привело мир ко многим катастрофам, повторяющимся на протяжении истории человечества; эти катастрофы послужили уроками, которые никогда не были усвоены, хотя вероятно, никогда не было достаточной воли, чтобы их усвоить. Поэтому попытка авторов рассматривать международные отношения через геоисторию, а не через геополитику, является замечательной попыткой уйти от чрезмерно упрощающего географического детерминизма. Международные дела - это сложная система государственных взаимосвязей, которые развивались с течением времени и находились под влиянием культуры, идеологии, религии, амбиций, соперничества, поведения, экономических интересов и торговли, политических амбиций и межобщественных отношений, все из которых простираются далеко

за пределы различий между сушей и морем и проведения границ в кабинетах премьер-министров и президентов.

Во многих случаях геополитическое видение вытекает из стратегий военной безопасности, которые вероятно, объясняют его привлекательность для лиц, принимающих решения, но само по себе это видение не помогает нам понять структуру государств, их обществ и систему отношений между ними.

Битвы между реализмом, либерализмом, конструктивизмом, институционализмом и бихевиоризмом останутся, потому что мир всегда будет неравным с точки зрения распределения власти и ресурсов. Но это не означает, что мы должны принимать за чистую монету такие «универсальные» подходы, как подход геополитики, который в конечном итоге не служит инструментом объяснения, а скорее очень конкретным методом обоснования притязаний на власть. Геополитическая корректность Модный термин «геополитика» в наши дни используется поневоле, и все чаще, в основном, учеными-международниками, аналитиками, политиками и должностными лицами по иностранным делам, полагая, что этот термин добавляет респектабельности тому, что они предлагают. Иногда они путают это слово со «геостратегией». Чаще, чем иногда, они даже склонны использовать его для объяснения и оправдания незаконных военных атак. Конечно, этот термин вошел в гегемонингвистическую терминологию глобализации, наряду с такими упрощенными терминами, как «общие ценности», «плечом к плечу», «идти вперед» и тому подобное. Некоторых ораторов часто можно сравнить с людьми с промытыми мозгами, которые больше не понимают, что они говорят, вернее подразумевают. Многие из тех, кто использует этот термин, не изучили его происхождение, не говоря уже о его значении и последствиях. Как только некоторые из них начинают пытаться понять его, их привлекают карты мира, просто потому, что смотреть на карты легче и менее кропотливо, чем читать слова. Таким образом, они остаются в ловушке, хотя и неосознанно, в упрощенном взгляде на мир, в мире, где важны только леса, в то время как деревья становятся скучными несущественными, не говоря уже о ветвях и сучьях. Геополитика — коварно для многих, оно хлоднокровное существо все больше влияет на нашу жизнь, чему способ-

ствуется так называемый феномен глобализации. Давайте начнем с определения термина то это? Согласно словарю международных отношений, геополитика является «методом анализа внешней политики, который стремится понять, объяснить и предсказать международное политическое поведение, прежде всего, с точки зрения географических переменных, таких как местоположение, размер, климат, топография, демография, природные ресурсы и технологическое развитие и потенциал. Таким образом, политическая идентичность и действие рассматриваются как более Это может звучать хорошо, пока это так, хотя это не упоминает поведение внутри наций. Также не уделяется места человеческим характеристикам, которые порождают политическое поведение.

По нашему же мнению Геополитика – это наука о приобретении нового пространства для своего государства, т.е планирование будущего, на международном уровне ему служат четыре вида власти: военная, экономическая, политическая и культурно-информационная. Фактически геополитика определяет свою геостратегию, а в геополитике, т.е в этой геостратегии мораль, этика, человеческие чувства, страдания, не фигурируют вовсе, это лишнее и мешает геополитической теории приобретения нового пусть маленького и временного, но пространства.

В прямом противоречии с вышеизложенным, мы считаем, что основное внимание в понимании международного политического поведения, в соответствии с геоисторией должно уделяться человеческим характеристикам. Действительно, мы идем дальше, утверждая, что геополитика, в отличие от нейтральной и беспристрастной геоистории, фактически ограничивает свободный анализ, стесненный своей одержимостью контролем ресурсов, который, как мы считаем, является одной из причин конфликтов и войны. Здесь мы сталкиваемся с такими, как Гегель, который, по-видимому, считал, что война принесла прогресс. Как и у нескольких немецких философов, знаменитое высказывание Гераклита «раздор — это справедливость», похоже, сопровождалось тевтонским избытком логики.

В материалистическом смысле, разрушение большого количества европейской инфраструктуры в последней мировой войне вполне могло привести к появлению более быстрых

поездов, в то время как в Британии, с меньшим ущербом, поезда оставались более медленными. Но более медленные поезда вряд ли можно рассматривать как пример отсутствия прогресса. Если выразиться более сильно, означает ли наличие iPhone прогресс? Нет, если сопоставить это с раздачей ножей и вилок каннибалам. Суть в том, что передовые технологии не могут оказать серьезного влияния на основные человеческие характеристики, кроме как побуждать людей двигаться быстрее, со всеми сопутствующими неблагоприятными эффектами, такими как отсутствие пространства для надлежащего размышления о своих действиях. Если выразиться еще более кратко, даже если кажется загадочно: чтобы думать, нужно пространство, чтобы не думать. Это все о «технологическом развитии» аспекта геополитики. Увеличенная скорость коммуникаций сегодня, связанная с отупением образования, (не скажем это для западной Европы, но то, что постсоветское пространство в преуспевшем этом аспекте наблюдается наглядно) и отсутствием аналитических и оценочных знаний истории, заставила многих автоматически предположить, что они находятся на передовой прогресса, не понимая, что на самом деле означает прогресс. Многие из тех, кто занимает ответственные должности, были воспитаны на диете из жестоких компьютерных игр, которые, как правило, анестезируют их чувствительность к убийству и смерти. Таким образом, человечество учится на том немногом, что оно знает о прошлом, как повторять свои ошибки.

Так нужна ли геополитика странам вообще? Так в Советском Союзе она была запрещена, считая ее буржуазной лженаукой, но зато существовал пятилетний план развития экономики. По всей вероятности из-за того, что в СССР планировали только на 5-7 лет и дальше не заглядывали привело к тому что она распалась. Так было и в Германии с мая 1945 г. геополитика является табуированным термином, так как многие понимают под ней науку легитимации или даже псевдонауку и идеологию на службе захватнической и истребительской национал-социалистической политики. И поборники, и критики трактовали геополитику прежде всего как учение о политике великих держав, согласно которому внешняя и мировая политика направлена на создание сфер влияния или даже установле-

ние мирового господства. В этой связи война, наряду с дипломатией, экономикой и воспитанием общественных масс, неизбежно являлась частью мировоззрения и идеологии, отвечающей некой политической цели. Националсоциалистическая политика преследовала цель установления политического “нового порядка в Европе”, предполагавшего создание велико-немецкого, германского рейха, в котором “жизненное пространство” “арийской расы” должно было простираться, прежде всего, на территории Центральной и Восточной Европы вплоть до Урала. Для достижения данной цели славянские народы должны были быть заметно сокращены в численности, а евреи полностью уничтожены. Поэтому многим немцам кажется странным, что именно в России после 1991 г. слово “геополитика” вошло в повседневный лексикон многих экспертов. В принципе это не удивительно, так как то, что было запрещено в Германии, было начато новой Россией, но конечно не с той грандиозной целью которая имела Германия, ну на худой конец хотя бы вернуть, то пространство, что было при СССР, для этого русская «национал-фашистская» верхушка Кремля оккупировала 20 % территории Грузии, но с дуру признала их в качестве независимых государств. Облапошили мир дурной пропагандой, что осетины в Грузии должны быть независимыми, а у себя почему-то нет. Тоже геополитика, но тупая, если бы не эти зверства Москвы, то лучшего соседа чем Грузия Россия не имела бы.

Таким образом мы поняли главное суть геополитики – что оно обозначает. Как было отмечено выше человеческие страдания для большой геополитики это как шалости маленького ребенка, «цивилизованная» Европа кичилась тем, что они создали универсальные государства, а к страданиям грузин или других народов постсоветского или постсоциалистического пространства они были равнодушны. Полагаем, что не удивительно тяготение грузинского и всего постсоветского общества к европейской сообществе, дабы вновь не подпасть под влияние не меняющейся России.

Сегодня идет борьба за новую систему международных отношений, за новый между-

народный порядок и в этой геополитической борьбе активное участие принимает Китайская Народная Республика которая предлагает свои геоэкономические проекты которые позволят сбалансировать отношения Держав к грузинскому геополитическому пространству.

Известно, что у Европы отсутствуют стратегические запасы углеводородов, поэтому она всеми силами стремится к тому, чтобы поток энергоресурсов Каспия пошел не на Восток в Китай, а на Запад ЕС., через Грузию. В этом контексте геоэкономической и геополитической головоломкой является строительство глубоководного нового порта Анаклия. Решение о строительстве глубоководного порта в Анаклия было принято властями Грузии для увеличения транзитного потенциала страны и для подключения к проекту «Нового Шелкового пути», который должен был соединить Восток и Запад еще в 2016 году. Порт Анаклии – важный для Грузии инфраструктурный проект, поскольку он откроет путь для переброски грузов из Центральной Азии в Европу и наоборот. Строительство этого порта превратило бы Грузию в логистический хаб, а страна окончательно сформировалась бы в качестве морского государства. Поскольку США и Китай имеют принципиально разные взгляды на будущее моделирование Евразии, то вопрос строительства грузинского порта представителями Китая вовсе не в интересах США. Отсюда и напряженные отношения Запада с Грузией. Как будут развиваться события в будущем покажет время, но ясно, что вокруг порта Анаклии геополитическая головоломка еще не разрешена. Сегодня в мире идет война за контроль над торговыми путями и наступает интересное время для того, чтобы Грузия обрела важную геополитическую и геоэкономическую функцию. Однако это положение стало угрозой для грузинского государства. Полагаем, что в США найдут компромиссные решения вопросов так что его величество -ГЕОПОЛИТИКА не будет угрозой нашим взаимоотношениям.

GURAM MARKHULIA**Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)****GEOPOLITICS – A THREAT TO INTERNATIONAL RELATIONS****Summary**

We live in a world where geopolitics has become a universal term used in everyday life. Looking at world maps, politicians, experts, journalists, scientists and even ordinary Georgian peasants use it to explain the latest processes taking place in the country and in international relations, no matter how complex and multi-layered they may initially seem. Geopolitics has entered the mass consciousness of public opinion, resembling people's views on the world order and national interests. Every new political crisis, be it domestic or international, revolution, regime change, international or regional conflict, intervention, hybrid war, or just war, business interests of transnational and multinational corporations, the establishment of oil and gas routes or fluctuations in world markets are explained through the prism of geopolitics.

Citizens of the United States of America believe that America's interests are best preserved if the country achieves its strategic goals in the Middle East, the Asia-Pacific region, the South Caucasus, Africa or Asia. The United States must be an advanced country that controls the rest of the world so that its own population lives better than anyone else, and so that people from all over the world come to the United States to earn money. And all this is because the leaders of the United States are the best geopoliticians in the world. Russia lags behind the West in all spheres of life, but does everything to survive as a Power. It managed to bomb Georgian cities and villages, destroy the Georgian population in order to occupy historical Georgian regions, Russian citizens approved of Russia's policy towards Georgia with their silence, since it all came not from hatred of Georgia, but from Geopolitics. Georgia simply ended up where the West or the East needed to be, and proud Georgians console themselves by mocking them, like where were they when we wrote poetry!!! And, they blame it all on geopolitics!

The actual occupation of Iraq, the overthrow and murder of Saddam Hussein or Muammar Gaddafi, the devastation of Asian and African countries is nothing other than His Majesty GEOPOLITICS.

Military operations in Syria and the country's efforts to join the war on terror, while the media continue to publish maps of battlefields, engaging their readers in discussions about the balance of power in the region, and this was the cause of geopolitics.

Dear readers, do you think Russia attacked Ukraine without love? You won't believe it, geopolitics again! In order for mighty Russia to survive, it is necessary to include the Ukrainian geopolitical space in it. Therefore, everything with love, even mutual love!!!

The influence of geostrategic scenarios developed by think tanks and politicians cannot be underestimated. In many ways, it is the geopolitical mentality that is behind today's most dangerous crises and tensions in Ukraine, the Middle East, or the South China Sea. Geopolitics serves as a very attractive model, offering a clear and logical structure for international relations, which can be seen as a playing field where the actors are easily identified and the scenarios are understandable. Some argue that geopolitics is a legacy of empire, and of the colonial and Cold War past, when huge parts of the world were clearly divided between great rival powers. But the modern world is more complex because it is more diverse than ever before, contains a huge number of actors, and is governed by the logic of the market. Geopolitics has therefore evolved in sync with global trends, so naturally terms such as geoeconomics, geoculture, boundaries, religions, i.e. civilizations, have been coined, as if there were differences between people. At the same time, although geopolitics may seem appealingly simple in its ability to explain the complexity of international relations, very little serious effort has been made to understand more deeply what lies behind this grand narrative.

So do countries need geopolitics at all? In the Soviet Union it was banned, considering it a

bourgeois pseudoscience, but there was a five-year plan for economic development. In all likelihood, due to the fact that the USSR only planned for 5-7 years and did not look beyond that, it collapsed. The same was true in Germany since May 1945. Geopolitics is a taboo term, since many understand it as a science of legitimization or even pseudoscience and ideology in the service of the aggressive and exterminating National Socialist policy. Both proponents and critics interpreted geopolitics primarily as a doctrine of the policy of great powers, according to which foreign and world policy is aimed at creating spheres of influence or even establishing world domination. In this regard, war, along with diplomacy, economics and education of the masses, was inevitably part of the worldview and ideology that met a certain political goal. The National Socialist policy pursued the goal of establishing a political “new order in Europe”, which implied the creation of a Greater German, German Reich, in which the “living space” of the “Aryan race” was to extend, first of all, to the territory of Central and Eastern Europe up to the Urals. To achieve this goal, the Slavic peoples were to be significantly reduced in number, and the Jews were to be completely exterminated. Therefore, many Germans find it strange that it was in Russia after 1991 that the word “geopolitics” entered the everyday lexicon of many experts. In principle, this is not surprising, since what was banned in Germany was started by the new Russia, but of course not with the grandiose goal that Germany had, well, at worst they will at least return the space that was under the USSR, for this the Russian “national-fascist” elite of the Kremlin occupied 20% of the territory of Georgia, but foolishly recognized them as independent states. They have fooled the world with bad propaganda that Ossetians in Georgia should be independent, but for some reason not at home. Also geopolitics, but stupid, if not for these atrocities of Moscow, then Russia would not have a better neighbor than Georgia.

SOCIOLOGY - СОЦИОЛОГИЯ

AMIRAN BERDZENISHVILI

Doctor of Philosophy, Professor of the Iv. Javakhishvili Tbilisi State University (Georgia)

ON THE HISTORY OF THE EMERGENCE OF THE THEORY OF INFORMATION SOCIETY

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.18>

Introduction. Information is the only resource that does not decrease in the course of the evolution of human society, but constantly increases. Information has always existed. However, since the second half of the twentieth century, with the development of computing technology, communications and telecommunications, its role has increased significantly. The formation of an information society is taking place. All this contributes to the active study of information processes. The category of «information» began to be used in many sciences, both natural and humanitarian, allowed us to take a new look at the provisions of a particular theory.

Currently, there are many theories formulated by sociologists, philosophers, economists and cultural scientists in an attempt to explain the state of modern society. Some believe that humanity has entered a new era, where the leading role belongs to knowledge, information and scientific progress. Others prefer to associate the current stage of social development with the previous ones, calling modern society post-industrial, post-capitalist, postmodern or post-modern, depending on the field of activity of the scientist and his affiliation with a particular philosophical movement.

Despite the fact that all thinkers agree that the second half of the twentieth century is characterized by an unprecedented growth in information volumes and the intensification of information exchange, few substantiate the characteristic properties of the new era, limiting themselves to a superficial description of the causes and possible consequences.

There are a number of classifications formed by different researchers at different times in an attempt to organize information theories that have the greatest sociological significance. At the same time, it is through their comprehension that knowledge of modern reality occurs and the opportunity opens up to predict the development of mass society in the coming years. This determines the relevance of the analysis of both the theories themselves with the identification of their common basis, and the most common types of classifications.

Key words: *Information; theories of information society; informatization; classification of information theories, postmodernism, industrial civilization.*

As is known, various approaches to the typology of societies have developed in sociology. Historically, if we take into account the classical stage of development of sociology, we can talk about several criteria, including formational, political and, finally, civilizational. Formational and political criteria, which are based, respectively, on the development of a formation based on a certain mode of production, and the transformation of the political regime, are essentially one-sided. The civilizational criterion, which takes into account both the social, economic, and political and spiritual contexts of the development of society, represents a new integration stage of scientific understanding of society. This criterion allows us to talk about such social structures as agrarian, industrial, post-industrial and informational.

The growth of technologization and the transfer of priority from the industrial to the scientific sector led to the outlines of a new social order being outlined. The ideological and theoretical prerequisites for the transition to an information society were also formed. It should be noted that the ideas of an information society themselves originate in the theory of post-industrialism, which largely determined the interest of researchers in individual aspects of the impact of scientific and technological progress on society, which contributed to the emergence of a wide range of concepts, including the concept of an information society. In this regard, it is necessary to mention the works of the American sociologist and futurologist E. Toffler, in particular «Future Shock» (1970), «The Third Wave» (1980), etc. An important place in his works is occupied by the so-called concept of three waves. The theory of the leisure class of the famous Western sociologist and philosopher T. Veblen was also of no small importance. Also, the ideas of D. Bell, formulated by him in the work «The Coming Post-Industrial Society», exerted a significant ideological and theoretical influence on the formation of the foundations of the theory of the information society. Thus, at the end of the 20th century, the necessary prerequisites for the formation of the theory of the information society were gradually formed.

In the 60s of the 20th century, the term «information society» was introduced into scientific circulation in the USA by F. Machlup and in Japan by T. Umesao, who were studying the dynamics of the development of knowledge-intensive industries, although some researchers attribute the origin of this term to Professor Yu. Hayashi of the Tokyo Institute of Technology.

In the middle of the 20th century, changes occurred in the social structure of society. These changes were caused by the evolution of industrial society into post-industrial society, which became the defining social form of the 20th century in the USA, Japan and Western Europe. The development potential of post-industrial society is determined by the volumes of information and

knowledge that it has. It is knowledge that is the axis around which new technologies, economic growth and new stratification of society are built. Increased technologization and the shift in priority from the industrial to the scientific sector of production led to sociologists talking about the emergence of a new society. Thus, in the 70s of the twentieth century, the concept of the information society was born.

The emergence of a new society as a result of scientific and technological progress is proven by the following. In the theory of post-industrial society, there is a position on three societies, according to which pre-industrial society is based on the interaction of man with nature, industrial society - man with the nature subordinated to them, and post-industrial society on the interaction between people.

E. Toffler presents the history of the development and emergence of a new society in the form of three waves, each of which is replaced by scientific and technological progress. The first wave created an agricultural civilization, which covered such countries as China, India, Greece, Rome and others. Despite the fact that all these civilizations had their own path of development and society, they had common features of development. The basis of life, culture, family organization, politics and economics is the land. Each community produced only what it needed, therefore, the economy of this period was decentralized. There was a division of labor. The structure of society consisted of castes and classes: nobility, clergy, warriors, helots, slaves or serfs. Everywhere power was strictly authoritarian. Information theory could not but influence jurisprudence, including the theory of law. The term «information» was introduced into legal science in the late 60s in connection with attempts to apply the achievements of cybernetics and information technology to analyze information and legal processes. The study of legal information as one of its varieties, the first attempts to define the essence of the concept of «legal information» were undertaken in the late 60s of the last century. Later, other

works began to appear, revealing the specifics of law as an information carrier, the features of legal information, computer and information law. The widespread use of the term «information» in jurisprudence allowed A.B. Vengerov to talk about the information approach to law.

Thus, information and everything connected with it has a wide and expanding range of impact on public life. We believe that the increasing importance of the right to access information is largely due to the fact that it is considered one of the most important political and personal rights of a person and citizen. Three hundred years ago, a new stage began, the «second wave» of the development of society, which changed the way of «life of millions». Researchers call the change of stages an explosion or shock wave, «which went around the entire earth, destroying ancient societies and giving birth to a completely new civilization.» E. Toffler considers the «shock wave» to be the industrial revolution. The result of the second wave was the emergence of an «industrial civilization», which, according to the researcher, did not last long, «for almost simultaneously with its victory, a new - the third - «wave» began to roll over the world, bringing with it new institutions, relationships, values»

T. Stonier in his study of the new society, which arose due to a change in the form of management, says the following: «Just as in the time of Smith, the center of gravity of the economy began to shift from agriculture to industry, so today it is shifting from industry to information. And just as in the late 18th - early 19th centuries a post-agrarian economy was formed, so today the technologically advanced sectors of global society are moving to the stage of a post-industrial economy» . W. Dysard studies the formation of the information society and also adheres to a three-stage history of development: «The United States is the first country to have made a three-stage transition from an agrarian society to an industrial one and from it to a society that is difficult to even define unambiguously; only one of its characteristics from a whole range of possibilities is clear: the main type of its economic

activity is increasingly becoming the production, storage and distribution of information.» Another periodization of the historical development of society was proposed by G. Kahn. He divides the stages of development by the way man interacts with nature. The first stage, which created modern civilization, began 10 thousand years ago and lasted 8 thousand years. The researcher calls this stage the agricultural revolution, which dramatically changed the living conditions of man. This stage is characterized by low economic growth and the absence of commodity abundance. G. Kahn calls the second «Great Transition», this stage began 400 years ago and exists to this day. The author divided this stage into three phases. «The phase of the industrial revolution, then the phase of the super-industrial (technological) world economy, and then the phase of the post-industrial world economy and world community.» The author sees the reasons for the emergence of the last phase, «post-industrial» or «the final moment of the era of the Great Transition», in the decline in interest in industrial and agricultural activities, while there was no decrease in the need for goods. All this led to a decrease in the rate of economic growth, and as a consequence to the emergence of «new non-economic types of activity and interests.» In the 70s, the same D. Bell, Z. Brzezinski and other sociologists tried to find a more correct description of a society in which industrial means of production were finally supplanted by science-intensive technologies, and knowledge became the determining factor in development and system-forming features of modern society. According to a number of researchers, such societies were advanced countries such as the United States and Japan, which entered the post-industrial period in the 50s of the twentieth century, and by the 70s had moved on to a new stage of their development. Australian economist K. Clark described such societies as information and service societies.

To designate this society, sociologists, political scientists, and economists used different terms. For example, J. Galbraith calls it a new industrial society, J.-F. Lyotard - «postmodern»,

Z. Brzezinski - «technotronic civilization», E. Toffler - «the third wave or superindustrial society», P. Drucker - «knowledge society», M. Poniatowski - «scientific society», D. Martin - «telematic society». Subsequently, a more common term was established in science - information society, which was first expressed by the American economist F. Machlup in his work «Production and Application of Knowledge in the USA». However, this study was purely economic, and only after the study of Japanese sociologists, the term «information society» entered scientific circulation, and has its own definition as a society in which the process of computerization gives people access to reliable sources of information, relieves them of routine work, and ensures a high level of automation of production. Along with the introduction of the term, Y. Masuda develops theoretical ideas in his work «Post-industrial society as an information society». The researcher believes that the basis of the new society will be computer technology with its fundamental function to replace or enhance human mental labor. The information revolution will quickly turn into a new productive force and will make possible the mass production of cognitive, systematized information, technology and knowledge. The leading branch of the economy will be intellectual production. Z. Brzezinski in the study «Between Two Ages» characterizes the information society and says that in the new conditions, culture, psychology, social life and the economy are formed under the influence of technology and electronics, especially computers and communications. The production process is no longer the main decisive factor in changes influencing morals, social structure and values of society. According to Z. Brzezinski, in such a society, under the influence of the technetronic revolution, traditional ties in the family and between generations are collapsing, public life is fragmented, despite the growing trends towards global integration. This contributes to the collapse of old beliefs associated with national and ideological communities of people and forms a new global vision of the world.

Researcher A. Touraine believes that the main changes in the new society will occur in the economic sense. The telecommunications revolution will lead to the transformation of investment and management policy. In the information society, «investments are made at a different level than in an industrial society, that is, in the production of means of production. The organization of labor affects only the relations of workers with each other, and therefore the level at which production operates. Post-industrial society operates more globally at the management level, that is, in the production mechanism as a whole. This action takes two main forms. Firstly, these are innovations, that is, the ability to produce new products, in particular, as a result of investments in science and technology; secondly, the management itself, that is, the ability to use complex information and communication systems.

It is important to recognize that a post-industrial society is one in which all elements of the economic system are affected by the actions of society itself. These actions do not always take the form of a conscious will embodied in an individual or even a group of people. That is why such a society must be called a programmable society, a designation that clearly indicates its capacity to create models of management of production, organization, distribution and consumption; therefore, such a society does not appear at the operational level as a result of natural laws or specific cultural characteristics, but rather as a result of production, through the action of society on itself, through its own systems of social action.»

To designate this society, sociologists, political scientists, and economists used different terms. For example, J. Galbraith calls it a new industrial society, J.-F. Lyotard - «postmodern», Z. Brzezinski - «technotronic civilization», E. Toffler - «the third wave or superindustrial society», P. Drucker - «knowledge society», M. Poniatowski - «scientific society», D. Martin - «telematic society». Subsequently, a more common term was established in science -

information society, which was first expressed by the American economist F. Machlup in his work «Production and Application of Knowledge in the USA». However, this study was purely economic, and only after the study of Japanese sociologists, the term «information society» entered scientific circulation, and has its own definition as a society in which the process of computerization gives people access to reliable sources of information, relieves them of routine work, and ensures a high level of automation of production. Along with the introduction of the term, Y. Masuda develops theoretical ideas in his work «Post-industrial society as an information society». The researcher believes that the basis of the new society will be computer technology with its fundamental function to replace or enhance human mental labor. The information revolution will quickly turn into a new productive force and will make possible the mass production of cognitive, systematized information, technology and knowledge. The leading branch of the economy will be intellectual production. Z. Brzezinski in the study «Between Two Ages» characterizes the information society and says that in the new conditions, culture, psychology, social life and the economy are formed under the influence of technology and electronics, especially computers and communications. The production process is no longer the main decisive factor in changes influencing morals, social structure and values of society. According to Z. Brzezinski, in such a society, under the influence of the technetronic revolution, traditional ties in the family and between generations are collapsing, public life is fragmented, despite the growing trends towards global integration. This contributes to the collapse of old beliefs associated with national

and ideological communities of people and forms a new global vision of the world.

Researcher A. Touraine believes that the main changes in the new society will occur in the economic sense. The telecommunications revolution will lead to the transformation of investment and management policy. In the information society, «investments are made at a different level than in an industrial society, that is, in the production of means of production. The organization of labor affects only the relations of workers with each other, and therefore the level at which production operates. Post-industrial society operates more globally at the management level, that is, in the production mechanism as a whole. This action takes two main forms. Firstly, these are innovations, that is, the ability to produce new products, in particular, as a result of investments in science and technology; secondly, the management itself, that is, the ability to use complex information and communication systems.

It is important to recognize that a post-industrial society is one in which all elements of the economic system are affected by the actions of society itself. These actions do not always take the form of a conscious will embodied in an individual or even a group of people. That is why such a society must be called a programmable society, a designation that clearly indicates its capacity to create models of management of production, organization, distribution and consumption; therefore, such a society does not appear at the operational level as a result of natural laws or specific cultural characteristics, but rather as a result of production, through the action of society on itself, through its own systems of social action.»

References:

- [1]. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture / translated from English by O. I. Shkaratan. Moscow: HSE, 2000.
- [2]. Stoner T. Information Wealth: Profile of the Post-Industrial Economy // The New Technocratic Wave in the West / edited by P. S. Gurevich. Moscow: Progress, 1986. Page 394.
- [3]. Bell D. The Coming Post-Industrial Society: An Experience of Social Forecasting / translated from English by V. L. Inozemtsev. Moscow, 1999.

- [4]. Toffler E. The Third Wave / translated from English by K. Yu. Burmistrova et al. Moscow, 2009.
- [5]. Stoner T. Information Wealth: Profile of the Post-Industrial Economy // New Technocratic Wave in the West. Moscow, 1986. Pp. 394-413.
- [6]. Dysard W. The Advance of the Information Age // New Technocratic Wave in the West. Moscow, 1986. Pp. 343-355.
- [7]. Kahn G. The Coming Rise: Economic, Political, Social // New Technocratic Wave in the West. Moscow, 1986.
- [8]. Brzezinski Z. Between Two Centuries. America's Role in the Era of Technotronics. Moscow, 1972.
- [9]. Touraine A. From Exchange to Communication: The Birth of a Programmed Society // New Technocratic Wave in the West. Moscow, 1986. Pp. 229-239.
- [10]. Toffler E. Op. cit.
- [11]. Bell D. The growing postindustrial society. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya / transl. from English, ed. by V.L. Inozemtsev. M., 1999.
- [12]. Toffler E. Third volume / transl. from English by K.Y. Burmistrov, et al. M., 2009.
- [13]. Stoun'er T. Information wealth: profile of the postindustrial economy // New technological volume on the West. M., 1986. P. 394-413.
- [14]. Dayzard U. The beginning of the information age // New technological volume on the West. M., 1986. P. 343-355. 5. Kan G. Gryadushchiy pod'em: economic, political, social // New technological volume on the West. M., 1986.
- [15]. Bzhezinskiy Z. Between two centuries. The role of America in the era of technology. M., 1972.
- [16]. Turen A. From exchange to communication: the birth of a programmed society // New technological volume on the West. M., 1986. P. 229-239.

АМИРАН БЕРДЗЕНИШВИЛИ

Доктор философских наук, профессор Тбилисского Государственного университета им. Ив. Джавахишвили (Грузия)

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Резюме

Информация - это единственный ресурс, который в ходе эволюции человеческого общества не уменьшается, а постоянно увеличивается. Информация существовала всегда. Однако со второй половины XX века с развитием средств вычислительной техники, связи и телекоммуникации ее роль значительно возросла. Происходит становление информационного общества. Все это способствует активному изучению информационных процессов. Категория «информация» стала использоваться во многих науках как естественного, так и гуманитарного профиля, позволила по-новому взглянуть на положения той или иной теории.

В настоящее время существует множество теорий, сформулированных социологами, философами, экономистами и культурологами в попытке объяснить состояние современного общества. Одни считают, что человечество вступило в новую эпоху, где ведущая роль принадлежит знанию, информации и научному прогрессу. Другие предпочитают связывать нынешний этап общественного развития с предыдущими, называя современный социум постиндустриальным, посткапиталистическим, постмодернистским или постсовременным, в зависимости от сферы деятельности ученого и его принадлежности к тому или иному философскому течению.

Несмотря на то, что все мыслители сходятся во мнении, что вторая половина XX века характеризуется беспрецедентным ростом объемов информации и интенсификацией информационного обмена, мало кто обосновывает характерные свойства новой эпохи, ограничиваясь поверхностным описанием причин и возможных следствий.

Существует ряд классификаций, сформированных разными исследователями в разное время в попытке упорядочить информационные теории, имеющие наибольшее социологическое значение. В то же время именно через их осмысление происходит познание современной реальности и открывается возможность прогнозировать развитие массового общества в ближайшие годы. Это обуславливает актуальность анализа как самих теорий с выявлением их общего основания, так и наиболее распространенных типов классификаций.

Таким образом, в 70-80-е гг. термин информационное общество окончательно вошел в научный оборот. Данный термин характеризует общество с новым укладом социальной, политической, экономической и других сфер жизни. В таком обществе на первый план выходят наукоемкое производство, информационная и коммуникационная индустрия. Основой предыдущих обществ - люди и предметы труда - вытесняются наукой и информационно-коммуникационными технологиями.

В заключении следует сказать, что понятие «информационное общество» прочно вошло в жизнь многих стран. Характерным для информационного общества является возрастание значимости информации, прав на доступ к ней, с одной стороны, и на защиту конфиденциальной информации - с другой